3190

Другу, Владимiру Ники-
тичу отъ Н. Н. Дикарева

СОЧИНЕНІЯ

Л. А. МЕЯ.

Томъ второй.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изданіе графа Г. А. Кушелева-Безбородко.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Котитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 6 Апрѣля, 1862 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

I.

ПСАЛОМЪ ДАВИДА НА ЕДИНОБОРСТВО СЪ ГОЛІАѲОМЪ.

—

Я меньше братьевъ былъ, о Боже,
И всѣхъ въ дому отца моложе,
И пасъ отцовскія стада;
Но руки отрока тогда
Псалтирь священную сложили,
Персты пастронли её
И имя присное Твоё
На вѣщихъ струнахъ восхвалили.
И кто о мнѣ Тебѣ вѣщалъ?
Ты самъ услышать соизволилъ,
И Самъ мнѣ ангела послалъ,
И Самъ отъ стадъ отцовскихъ взялъ,
И на главу младую пролилъ
Елей помазанья святой...
Велики братья и красивы;
Но не угодны предъ тобой...
Когда-жь Израиля на бой
Иноплеменникъ горделивый
Позвалъ — и я на злую речь
Пошёлъ къ врагу стопою вѣрной —
Меня онъ проклялъ всею скверной;
Но я исторгнулъ вражій мечъ
И исполина обезглавилъ,
И имя Господа прославилъ.

МОИСЕЕВЫХЪ КНИГЪ БЫТІЯ.

—

I.

Въ началѣ сотворилъ Богъ небеса и землю;
Земля невидима была
И не устроена: и тьма была надъ бездной,
И Божій Духъ вверху воды носился...
И рекъ Господь: да будетъ свѣтъ: и бысть.
И видѣлъ Богъ, что свѣтъ — добро,
И разлучилъ онъ свѣтъ со тьмою,
И свѣтъ нарекъ Онъ днемъ, а тьму нарекъ Онъ ночью...
И вечеръ былъ, и утро, первый день.
И рекъ Господь: да будетъ твердь средь водъ
И разлучитъ между собою воды:
И было такъ. И твердь Онъ сотворилъ,
И разлучилъ подъ твердью воду
Отъ той, которая надъ твердію была,
И твердь тогда нарекъ Онъ — небомъ.
И видѣлъ Богъ, что твердь — добро.
И вечеръ былъ, и утро, день вторый...
И рекъ Господь: вода подъ небесами
Да соберётся вся въ собраніе едино
И суша да появится подъ небомъ:
И было такъ: и собралась вода
Въ свои собранія, и суша появилась.
И сушу Богъ нарекъ землею,
И водъ собранья Онъ нарекъ морями.
И видѣлъ Богъ что всё — добро.

И рекъ Господь: да произраститъ земля
Травное былiе, дающее, по роду
И подобiю, живыя сѣмена,
И плодовитыя деревья произраститъ,
Съ плодами, заключающими сѣмя,
По всякому ихъ роду на землѣ,
И было такъ: и изнесла земля
Травное былiе, дающее, по роду
И по подобiю, живыя сѣмена,
И плодовитыя деревья произрастила,
Съ плодами, заключающими сѣмя,
По всякому ихъ роду на землѣ.
И видѣлъ Богъ, что всё — добро.
И вечеръ былъ, и утро, третiй день...
И рекъ Господь: да явятся свѣтила
На твердь небесную, чтобъ землю освѣщать
И разлучать собою день отъ ночи,
Да будутъ знаменьемъ времёнъ, и дней и лѣтъ,
Да будутъ освѣщенiемъ для тверди
И для земли: и было такъ.
И сотворилъ Богъ два великiя свѣтила:
Въ начало дню великое свѣтило,
Въ начало ночи меньшее, и звѣзды,
И положилъ на тверди ихъ небесной,
Чтобъ имъ свѣтить собой на землю,
Чтобъ имъ владѣть и днёмъ, и ночью,
И свѣтъ со тьмою разлучать.
И видѣлъ Богъ, что всё — добро.
И вечеръ былъ, и утро, день четвертый...
И рекъ Господь да изведутъ Мнѣ воды
Живыя души гадовъ и пернатыхъ,
Витающихъ подъ твердiю небесной

И на землѣ: и было такъ.
И сотворилъ Господь китовъ великихъ,
И душу всякую животныхъ гадовъ,
Водами изведённыхъ, по родамъ,
И птицу всякую пернатую по роду.
И видѣлъ Богъ что всё — добро.
И всѣхъ ихъ Богъ, благословилъ, глаголя:
Ростите, множитесь и наполняйте воды;
Да множатся и птицы на землѣ.
И вечеръ былъ, и утро, пятый день...
И рекъ Господь: да изведётъ земля
Живую душу, всякую по роду,
Четвероногихъ гадовъ и звѣрей,
По роду ихъ: и было такъ.
И сотворилъ Господь звѣрей земныхъ, по роду,
Скотовъ, по роду ихъ, и гадовъ всѣхъ, по роду.
И видѣлъ Богъ что всё — добро.
И рекъ Онъ: сотворимъ мы человѣка
По образу и по подобью Своему:
Да обладаетъ рыбами морскими
И птицами небесными, звѣрями,
Скотами, всей землёй и гадами земли.
И — сотворилъ Богъ человѣка:
По Божью образу его Онъ сотворилъ.
И, сотворивъ ихъ мужа и жену,
Благословилъ ихъ Богъ, глаголя:
Ростите, множитесь и наполняйте землю,
Господствуйте надъ всей землёю,
И обладайте рыбами морскими
И птицами небесными, звѣрями,
Скотами, всей землёй и гадами земли.
И рекъ Господь: даю вамъ всякую траву,

Поверхъ земли ростущую, и сѣмя,
И древо всякое съ плодами сѣменными —
И будутъ вамъ онѣ во снѣдь.
И всѣмъ звѣрямъ земнымъ, и птицамъ всѣмъ небеснымъ,
И гадамъ всѣмъ, ползущимъ по землѣ,
И всѣмъ, въ себѣ имѣющимъ духъ жизни,
Во снѣдь трава: и было такъ.
И видѣлъ Богъ всё созданное Имъ:
И было всё — великое добро,
И вечеръ былъ, и утро день шестый.

II.

Созиждились и небо, и земля,
И всё ихъ украшеніе создалось.
И, въ день шестый дѣла Свои свершивши,
Въ седьмый день Богъ отъ дѣлъ Своихъ почилъ.

ИЗЪ КНИГИ ІОВА.

—

...И рекъ Господь Іову грозно, сквозь бурю и облако тёмное:
«Кто мнилъ утаить отъ Насъ слово, лукаво-нескромное?
Какъ мужъ, препоясавши чресла, возстань
И Мнѣ на вопросы отвѣтствуй, да вѣщимъ отвѣтамъ Я внемлю:
Гдѣ былъ ты, когда Я основывалъ землю,
Когда полагалъ ей и мѣру и грань?

Отвѣтствуй: на чёмъ у земли утвердились столпы основные?
Гдѣ камень ей краеугольный и кѣмъ положенъ былъ впервые?
Какъ утреннихъ звѣздъ стройный клиръ сотворёнъ,
И какъ Мои ангелы голосомъ громкимъ Меня восхвалили?
Отвѣтствуй: чья сила и мощь оградили
Воротами вѡлны со всѣхъ ихъ сторонъ

Когда изъ родильнаго лона стремилась волна за волною,
Не Я-ли ихъ тучей одѣлъ и повилъ, что пелёнками, мглою,
И бурное море плотиной сдержалъ,
Въ срединѣ ея утвердивши ворота о крѣпкомъ затворѣ,
И морю не Я-ли вѣщалъ тогда: — «Море!
Не далѣй... Смири горделивый свой валъ?»

И утренній свѣтъ при тебѣ-ль у Меня загорѣлся въ десницѣ?
И ты-ли указывалъ мѣсто край-неба разсвѣтной денницѣ,
Чтобъ крыльевъ земли прикоснулась она
И съ нихъ отрясла всё, что есть на землѣ нечестиваго съ ложным,

Чтобъ свѣтъ не свѣтилъ нечестивцамъ безбожнымъ,
И мышца у гордыхъ была сражена?

Проникъ-ли ты вл бездну морскую, прошелъ-ли по ней ты стопою?
Иль съ трепетомъ Смерть отверзала ворóта свои предъ тобою?
Иль вѣчнаго мрака ворóта ты зрѣлъ?
Извѣдалъ-ли ты широту подпебесную съ края до края?
И если извѣдалъ, отвѣтствуй какая?
Гдѣ свѣта обитель, гдѣ мраку предѣлъ?

Ты ходишь-ливъ слѣдъ ихъ, знакомы-ль тебѣ ихъ стези и дорога?
Ты знаешь: при нихъ-ли рождёнъ ты? И знаешь-ли также, какъ много
Ещё остаётся прожить тебѣ дней?
Ты былъ-ли въ хранилищахъ снѣга? Отвѣтствуй: хранилища гра-да —
Доступны-ль до дна ихъ для смертнаго взгляда?
Я ихъ заключилъ — до годины скорбей,

До часа усобицъ и брани... Отвѣтствуй: гдѣ путь тотъ урочный,
По нёмъ же дробится лучъ свѣта и стелется вѣтеръ восточный?
Кто ливень низводитъ на лоно земли?
Кто боро́здъ въ небѣ проводитъ незримо для молній и грома,
Чтобъ вѣтеръ и зноя дневнаго истома
Пустыни, гдѣ нѣтъ человѣка, не жгли;

Чтобъ злакъ, прозябая въ землѣ, зеленѣлъ надъ безлюдной, пу-стыней?
Отвѣтствуй: гдѣ ро́сы родятся, и лёдъ гдѣ родится, и иней,
Та влага, что бездной повпсла въ высп
И вся скаменѣла?...

Ты сдвинешь седьмицу Плеядъ съ небосклона?
Ты снимешь ли поясъ и мечъ съ Орiона?

И можешь-ли ты за власы съ небеси
Привлечь къ себѣ Геспера? Знаешь-ли ты всѣ движенія,
И ходъ, и законы небесныхъ свѣтилъ, и времёнъ измѣненія?
Ты знаешь-ли чинъ и порядокъ ихъ весь?
И будутъ-ли слушать велѣнья твои съ тайнымъ трепетомъ воды?
И кинутъ-ли молніи горніе своды,
Предстануть покорно и скажутъ: «Мы здѣсь!»

— «Отвѣтствуй: не ты-ли уловишь для львицы добычу проворную,
И, львятъ накормивъ, на покой ихъ уложишь въ пещеру дозорную?
Отвѣтствуй: Кто ворону пищу даётъ,
Когда къ Іеговѣ птенцы возалкавшіе громко взываютъ?...
Когда на утёсахъ газели рождаютъ?
Когда отягчаетъ еленицу плодъ?

Считалъ-ли ты мѣсяцы тягости ихъ и назначишь-ли время,
Когда, преклонившися долу, въ болѣзни носимое бремя
Внезапно отъ лона онѣ отрѣшатъ?
На пажитяхъ злачныхъ ростутъ и тучнѣютъ ихъ чада,
И, вскорѣ размножась, уходятъ отъ стада,
И къ стаду ужé не вернутся назадъ...

Кто волю далъ зебру и путы ему разрѣшастъ понынѣ?
Не я-ли его поселилъ въ солончатой и дикой пустынѣ?
Смѣшёнъ ему сустный шумъ городовъ;
Не слышитъ онъ криковъ погонщика; ищетъ въ горахъ себѣ пастьву,
И тамъ онъ находитъ обильную яству
Средь зелени мягкой росистыхъ луговъ.

Заставишь-ли ты носорога работать и спать поневолѣ
При ясляхъ твоихъ, иль подъ иго преклонишь его, и на полѣ

Онъ борону вслѣдъ за тобой повлечётъ?
Надѣешься-ли ты, — послику въ немъ крѣпость и сила упорна—
Что онъ возвратитъ тебѣ съ лихвою зёрна
И сѣмя въ гумно у тебя соберётъ?

Отвѣтствуй — иные вопросы тебѣ предлагаю теперь Я: —
Ты далъ-ли красивыя перья павлину, иль аисту перья,
Иль строоокамплу? — Въ горячіи песокъ
Безпечно слагаетъ онъ яица, вовсе о томъ забывая,
Что ихъ человѣкъ, или хищная стая
Звѣрей истребитъ... И къ птенцамъ онъ жестокъ,

Какъ будто они — не его, потому-что разсудка отъ Бога
Лишёнъ онъ... Зато по пустынѣ вездѣ ему — путь и дорога,
И тамъ ему конь и наѣздникъ смѣшны...
Ты-ль силой копя облекаешь? Ты ль выю повилъ ему громомъ,
Ты-ль страхъ въ немъ пробудишь, какъ страхъ въ насѣкомомъ?
Его разъярённыя ноздри страшны!...

Онъ роетъ копытами бранное поле и рвётся навстрѣчу
Покрытымъ бронею, и просится смѣло въ кровавую сѣчу,
На мечъ, на копье и на стрѣлы врага.
Звенятъ надъ нимъ тулы и лукъ; онъ дрожитъ весь и ждётъ —
не дождётся
Призывной трубы, и, едва раздаётся
Звукъ трубный, онъ радостно вымолвитъ: «Га!»

Такъ издали чуетъ онъ битву и по-полю скачетъ со ржаньемъ...
Отвѣтствуй: твоею-ли хитростью, или твоимъ-ли познаньемъ,
Въ поднебесьѣ ястребъ недвижно стоитъ
И смотритъ на югъ, а орёлъ возлетаетъ подъ самыя звѣзды,

И вьетъ на скалахъ неприступныя гнѣзда
И зорко добычу на нихъ сторожитъ?»

И рекъ Господь Іову:
«Кто-же теперь отъ суда уклоняется?
Не долженъ-ли смѣло отвѣтствовать тотъ, кѣмъ Самъ Богъ обличается?»
И Іовъ отвѣтилъ: — «Моя слѣпота
Грѣховна; но, Боже! Твое милосердье ко мнѣ безгранично...
Что разъ говорилъ, не скажу я вторично,
И руку себѣ положу на уста...»

САМПСОНЪ.

—

— «Не любишь ты меня!» Сампсону говорила,
Змѣей вокругъ него обвившися, Далила.
— «Не любишь ты меня, обманщикъ мой—еврей:
Таишься отъ меня—въ чемъ мощь твоя и сила?»
И филистимлянкѣ признался Назарей:
— «Силёнъ обѣтомъ я: не стричь моихъ кудрей.»
И, золотомъ враговъ его заранѣ
Подкуплена, коварная краса:
Атлету сонному остригла волоса,
И крикнула:
— «Сампсонъ, вставай—филистимляне!»
Отъ ложа страстнаго воспрянулъ назарей,
Какъ левъ, но ужь безъ ней, безъ прежней львиной мочи,
И вотъ попикнулъ онъ подъ тяжестью цѣпей,
И погасилъ ему ножъ филистимскій очи,
И съ торжествомъ былъ взятъ, въ позорный плѣнъ Сампсонъ,
И жерновами хлѣбъ молоть былъ обреченъ,
На радость злобную и Тира, и Сидона.
Но дни, недѣли, мѣсяцы прошли,
И снова волоса́ густые отросли
И пали на плеча́ широкія Сампсона...

Справлялся праздникъ грознаго Дагона.
Жрецы, съ молитвой жертвенной, съ зори,
Цвѣточной вязію обвили алтари,

И мягкорунные овны предъ алтарями
Склонялися извитыми рогами,
И изъ курильницъ вверхъ вздымался ѳиміамъ,
И въ солнечныхъ лучахъ горѣлъ и таялъ храмъ...
Въ алмазахъ, въ жемчугахъ, въ парчѣ и въ багряницѣ,
Соперницы самой божественной денницѣ,
На кровлѣ храмовой, всѣ — ко цвѣтку цвѣтокъ,
Сплелись красавицы въ одинъ сплошной вѣнокъ,—
И въ каждой молодой и пламенной зеницѣ
Стрѣлой грозилъ любви неодолимый богъ...

Раздольный пиръ жрецамъ!... Ихъ набожная паства
Превозошла себя: причудливыя яства
Едва-едва столовъ не ломятъ подъ собой,
И бьётъ вино кипучею струей
Черезъ края сосудовъ... И, хмѣлѣя
Отъ возліяній жертвенныхъ, жрецы
Кричатъ соборнѣ:
— «Архонты-отцы,
Велите привести намъ плѣннаго еврея,
Да пѣснею своей возрадуетъ насъ онъ!...»

И въ храмъ былъ приведенъ въ цѣпяхъ слѣпой Самсонъ,
И молвилъ отроку-вожатаю:
— «Гдѣ онъ,
Гдѣ столпъ, что капища подпорой утвержденъ?»
И отрокъ указалъ подпорный столбъ Самсону,
И ощупью нашелъ слѣпой атлетъ колонну...
И мышцы у него тревожно напряглись...
А съ кровли храмовой торжественно неслись
Побѣдоносныя насмѣшки Назарею:
— «Спой, какъ Господь повѣдалъ Моисею —
Чрезъ море Чермное, въ стѣнахъ послушныхъ водъ,

Провесть, какъ по̀ суху, израильскій народъ,
И какъ святой пророкъ, отъ громоносной да̀ли
Спустившись внизъ, разбилъ завѣтныя скрижали
И съ ними сокрушилъ божественный законъ,
Затѣмъ, что вкругъ тельца златого заплясали
Еврейки и онъ самъ, ихъ пастырь, Ааронъ?...
Да спой ужь кстати намъ, какъ у кого-то силу
Нашъ грозный богъ Дагѐнъ потратилъ на Далѝлу,
И подъ ножёмъ глаза, могучему ему,
Астàртэ обрекла̀ на вѣчный мракъ и тьму?
Спой намъ свои псалмы священные, покуда,
Съ тобой не сбудется израильскаго чуда?»

И ото всей души провозгласилъ слѣпецъ:
— «Днесь сыну твоему поможешь Ты, Отецъ!»

И обпятòй гранитъ прижалъ къ себѣ до лона,
И капище потрясъ съ конца онъ и въ конецъ,
И разлетѣлася гранитная колонна,
И кровля вслѣдъ за ней.... И рухнулъ храмъ Дагѐна,
Собою задавивъ всѣхъ бывшихъ,—и Самсона...

Ты, умственный атлетъ гремучихъ нашихъ дней,
Пѣвецъ, и ты силёнъ, какъ ветхій Назарей:
Ты такъ же смѣлъ и гордъ предъ силою земною,
И такъ же слабъ, какъ онъ, предъ всякой красотою...
Но, если-бъ ты погибъ и духомъ изнемогъ,
Но, ежели-бъ тебя коварно усыпили,
И пре́дали тебя врагамъ, и ослѣпили,
О!... За тебя тогда заступится самъ Богъ,—
И за тебя, за новаго Самсона,
Въ прахъ разгромитъ всё капище Дагона.

ЮДОФЬ

(Посвящается Софьѣ Григорьевнѣ Мей.)

I.

Недавно, почью, ассирійской стражей,
Къ шатру вождя была приведена
Изъ Ветилуи бѣглая жена..

Еврейскій городъ, передъ силой вражей,
На смѣлый бой и тысячу смертей
Готовяся въ отчаяньѣ упорномъ,
Какъ старый левъ, залёгъ въ ущельѣ горномъ
И выжидалъ непрошенныхъ гостей;
Но обманулся онъ: враги не подходили,
А голодомъ его и жаждою томили.

И вотъ ужь тридцать и четыре дня
Народъ выноситъ ужасы осады —
И нѣтъ ему спасенья и пощады...
Вотще воззвалъ онъ къ Господу, стеня;
Вотще въ нёмъ вѣра праотцевъ воскресла;
Вотще пришёсъ онъ на алтарь свой даръ,
И пепломъ пересыпалъ свой кидаръ,
И вретищемъ перепоясалъ чресла,
И умертвилъ постомъ и покаяньемъ плоть:
Во гнѣвѣ отвратилъ лицё своё Господь.

Отъ Доѳаима вплоть до Экревила,
Отъ Ветилуи и пагорныхъ мѣстъ,
По всей долинѣ Хусской и окрестъ,
Ассуровъ рать лицё земли покрыла.
И конники, и пѣшіе бойцы,
И въ ополченьѣ брашномъ колесницы,
И на слонахъ подвижныя стрѣльницы,
И челядь, и плясуньи, и ловцы,
И евнухи, и вся языческая скверна, —
Всё станомъ—стало вкругъ памёта Олоферна.

Онъ вождь-вождей... Ему самимъ царёмъ,
Властителемъ стоватой Ниневіи,
Повелѣно — согнуть народамъ выи
Подъ тягостный, но общій всѣмъ ярёмъ;
Повелѣно — потщиться, въ страхѣ многомъ,
И истребить нещадно всякой родъ,
Что въ слѣпотѣ своей не признаётъ
Царя земли — единымъ, сильнымъ богомъ...
И на челѣ тьмы — темъ сталъ Олоферпъ тогда, —
И царства рушились, и гибли города.

И передъ нимъ во прахъ главы склоняли
Недавніе, кичливые враги,
И всепобѣдный слѣдъ его ноги
Съ подобострастнымъ трепетомъ лобзали...
И далѣе, успѣхомъ возгоржёнъ,
Онъ шёлъ, безъ боя страны покоряя...
Вдругъ передъ нимъ утёсовъ цѣпь сплошная
И пѣтъ пути... Остановился онъ:
Ничтожный городокъ залёгъ въ ущельѣ горномъ
И преграждаетъ путь въ отчаньѣ упорномъ...

*

II.

Сатрапъ почилъ на пурпурѣ одра,
Подъ сѣнію завѣсы златоткапной,
Въ каменья многоцѣнные убранной,
Когда, со стражей, у его шатра
Явилася Еврейка... Разгласилось
По всѣмъ шатрамъ пришествіе жены,
И собрались Ассуровы сыны,
И всё ихъ ополченіе столпилось
Вокругъ пришелицы, и удивлялись всѣ
Евреямъ и ея неслыханной красѣ.

И посреди невольниковъ безгласныхъ
Вошла Юдиѳь въ предсѣніе шатра...
Сатрапъ возсталъ отъ пышнаго одра
И, въ сонмищѣ вельможъ подобострастныхъ,
Въ предшествіи серебряныхъ лампадъ,
Предсталъ передъ еврейскою женою...
Смутилася Юдиѳь передъ толпою,
И трепетомъ былъ духъ ея объятъ,
И пала въ прахъ она, исполненная страха,
И подняли её невольники отъ праха.

И Олоферъ Юдиѳи:

«Не страшись!
Не сдѣлано обиды Олоферномъ
Тому, кто былъ царю слугою вѣрнымъ.
И *твоій* народъ передо мной смирись
И не противься въ гордости — съ побѣдой
Въ его горахъ не появился-бъ я.
И на него не поднялъ-бы копья...

Не бойся-же, и правду намъ повѣдай:
За чѣмъ ты отъ своихъ передалася намъ?»
И молвила Юдиоь, въ отвѣтъ его рѣчамъ:
— «Владыко мой! прiйми слова рабыни,
И лжи тебѣ она не возвѣститъ:
Она тебѣ, владыко, предстоитъ
Пророчицей Господней благостыни.

«Всѣмъ вѣдомо, что въ царствѣ ты одинъ
И въ разумѣ, и въ дѣлѣ бранномъ чуденъ,
И благъ душой, и мудро — правосуденъ...
Послушай же, владыко-господинъ!
Мой родъ не сокрушимъ — крѣпки его основы —
Пока угоденъ онъ предъ окомъ Іеговы.

Но на пути нечестія и зла
Израиль сталъ, — и погибаетъ нынѣ...
И повелѣлъ Господъ твоей рабынѣ
Творить съ тобой великія дѣла:
Я поведу тебя къ побѣдамъ новымъ —
И вся земля падётъ къ твоимъ стопамъ.»

И Олофернъ сказалъ своимъ слугамъ:
«Еврейка намъ угодна вѣщимъ словомъ.»
И всѣ сказали: «Нѣтъ жены, подобной ей,
Ни въ красотѣ лица, ни въ разумѣ рѣчей.»

И Олофернъ: «Спасла себѣ ты душу,
Отъ племени строптиваго прiйдя
Въ побѣдный станъ ассурскаго вождя.
Я говорю и слова не нарушу,
Пока я живъ и власть моя жива!

Ты въ этотъ день прославилась предъ нами
И красотой и мудрыми речами, —
И, если Богъ вдунулъ тебѣ слова,
Войдёшь въ чертогъ царя ты въ ликованьѣ многомъ,
И будетъ твой Господь моимъ единымъ Богомъ.»

III.

Три дня Юдиѳь межь вражескихъ шатровъ
Свила гнѣздо голубкой непорочной,
И третью ночь уходитъ въ часъ урочной
Молиться въ сѣнь пустынную дубровъ.
Но занялась четвертая денница...

Сатрапъ рабамъ вечерній пиръ даётъ...
Къ Еврейкѣ евнухъ крадется въ намётъ:
«Не полѣнись, моя отроковица,
«Прославиться красой передъ вождемъ-вождей
«И быть съ нимъ, какъ одна изъ нашихъ дочерей.»

И говоритъ ему Еврейка: «Кто я,
Чтобъ отказать владыкѣ моему?...
Иди и возвѣсти слова мои ему.»
... И вышелъ отъ нея ликующій Вагоя...

Вечерній пиръ кипитъ ужѣ въ шатрѣ;
Торопятъ вина общее веселье...
Въ запястіяхъ, въ перловомъ ожерельѣ,
На постланномъ рабынею коврѣ,
Вошедши — возлегла Юдиѳь передъ гостями,
Сверкая яхонтомъ подвѣсокъ и очами.

И пилъ сатрапъ, такъ много пилъ сатрапъ,
Какъ не пивалъ ни разу отъ рожденья, —

И въ нёмъ въ ту ночь дошла до изступленья
Къ Юдиоп страсть — и духомъ онъ ослабъ...
Поздпѣло... Гости вышли всей толпою;
Вагоя самъ замкнулъ шатёръ отвнѣ —
И прѣбыли тогда наединѣ
Ассурскій вождь съ еврейскою женою,—
Онъ — на пурпурный одръ поверженный вшомъ,
Она — пылавшая и гнѣвомъ, и стыдомъ...

Спитъ Олоферпъ... Полуденною кровью,
Горятъ его ланиты и уста,
И всё въ нёмъ — мощь, желанье, красота...
И подошла Еврейка къ изголовью —
Мечъ Олоферна со столпа сняла,
Однимъ колѣпомъ оперлась на ложе,
И прошептавъ: «Спаси народъ Твой, Боже!»
Въ горсть волосы сатрапа собрала
И два раза потомъ, всей силою своею,
Ударила мечёмъ во вражескую шею. —

И голову отъ тѣла отняла,
И, оторвавъ завѣсу золотую,
Ей облекла добычу роковую,
Шатёръ стопой неслышною прошла,
Прокралася къ внимательной рабынѣ —
И миновала усыплённый станъ...

IV.

Бѣжитъ Ассуръ, испугомъ обуянъ,
Съ зори бѣжитъ, разсыпавшись въ пустынѣ,
Затѣмъ, что свѣсили, съ зорею, со стѣны
Главу его вождя Израиля сыны.

Отъ Дофаима вплоть до Экревила,
Отъ Ветилуи и нагорныхъ мѣстъ,
По всей долинѣ Хусской и окрестъ,
Бѣжитъ Ассура дрогнувшая сила.
И вражій станъ расхищенъ и сожжёнъ;
Возмещены сторицею евреи,
И къ Господу воззвали іереи, —
И, посреди хвалебныхъ ликовъ жёнъ,
Воскликнула Юдиѳь въ опустошённомъ станѣ:
«Хвалите Господа въ кимвалѣ и тимпанѣ!

«Пришелъ Ассуръ отъ сѣвера — и тьмы
Его стрѣльцёвъ лицё земли покрыли,
И водные истоки заградили,
И конница покрыла всѣ холмы.
Хвалился онъ — пожечь мою обитель,
И юношей мечами умертвить,
И по̀мостомъ младенцевъ положить,
И дѣвъ плѣнить .. Но Богъ и Вседержитель, —
Непреборимый Богъ и мира и войны, —
Во прахъ низвергъ врага десницею жены!

«Не силою земнаго исполина
Врагъ сокрушёнъ и гибнетъ до конца, —
Его красой побѣдною лица
Сразила дочь младая Мерарѝна,
Затѣмъ, что ризы вдовіи сняла,
И умастилась благовоннымъ масломъ,
И увѣнчала волосы увясломъ,
И взоръ вождя соблазномъ привлекла:
Моя сандалія ему прельстила око —
И выю вражію прошёлъ мой мечъ глубоко.

«Великъ нашъ Богъ! Воспойте пѣснь Ему!
Погибнулъ врагъ отъ Божья ополченья,
И мало жертвъ, и мало всесожженья,
Достойнаго Владыкѣ моему!
Онъ — Судія и племенамъ и родамъ,
И движутся, словамъ Его внемля,
И небеса, и воды, и земля..
Великъ нашъ Богъ!... И горе тѣмъ народамъ,
Которые на насъ, кичася, возстаютъ, —
Зане ихъ призоветъ Господь на страшный судъ!

ЭНДОРСКАЯ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА.

—

Саулъ разгнѣванъ и суровъ:
Повсюду видитъ тайный ковъ;
Вездѣ враговъ подозрѣвая,
Онъ, въ лютой ярости, изъ края
Изгналъ пророковъ и волхвовъ.

Ему висонная хламида
И золотой вѣнецъ — обида
И бремя тяжкое, съ тѣхъ-поръ,
Какъ восхвалилъ евреекъ хоръ
Пѣвца и пастыря Давида.

Межъ-тѣмъ напасть со всѣхъ сторонъ:
Народъ взволнованъ и смятёнъ;
Передъ Супѣмомъ, въ крѣпкомъ станѣ,
Опять стоятъ Филистимля́не;
Гроза собрàлась на Сіонъ.

Душа Саула тьмой одѣта...
Нѣтъ Самуила — нѣтъ совѣта..
Склонивъ молитвенно главу,
Царь вопросилъ Іегову;
Но не далъ Богъ ему отвѣта.

Призвалъ вельможъ: «Хочу сполна
Извѣдать — что̀ сулитъ война?
Сыщите мнѣ волхвовъ...» И вскорѣ
Ему приносятъ вѣсть: — «Въ Эндорѣ
Есть духовидица—жена.»

Пошёлъ онъ къ ней; въ ночную пору,
Какъ тать, приблизился къ Эндору, —
И двое слугъ любимыхъ съ нимъ...
Старуха призракомъ сѣдымъ
Предстала царственному взору.

«Я знаю,» царь промолвилъ ей:
«Тебѣ, на вызовъ твой, тѣней
Являетъ тёмная могила:
Внемли же и мнѣ и Самуила
Изъ гроба вызови скорѣй.»

Ему старуха: «Я не смѣю:
Могильной чарою владѣю,
Но гнѣва царскаго страшусь...»
И отвѣчалъ ей царь: — Кляпусь,
Душёй и жизнію моею,—

«Саулъ проститъ тебя, жена!»
... И — тайнымъ ужасомъ полна,
И прорицанья вѣщимъ жаромъ —
Старуха приступила къ чарамъ...
Но вдругъ замедлилась она,

Умолкла, вся затрепетала...
«Ты — самъ Саулъ!» она сказала.

«Зачѣмъ меня ты обманулъ?...»
И молвилъ ей въ отвѣтъ Саулъ:
«Скажи, пророчица, сначала, —

Что́ видишь?» — «Вижу я вдали,
Боговъ, пшедшихъ изъ земли.»
— «Кого ты увидала прежде?»
— «Кого-то въ шёлковой одеждѣ,
Въ покровѣ бѣломъ...» — «Но внемли

«И отвѣчай». Саулъ ей снова:
«Лицё ты видишь сквозь покрова?»
Старуха: — «Вижу: онъ сѣдой,
Въ кидарѣ, съ длинной бородой...»
И царь Саулъ не молвилъ слова.

И въ прахъ главу свою склонилъ...
Тогда Саулу Самуилъ
Вѣщалъ:—«Зачѣмъ ты потревожилъ
Мой духъ и дерзостно умножилъ
Грѣхи предъ Господомъ всѣхъ Силъ?»

Саулъ: «Вотъ... ополчившись къ бою,
Спросилъ я Господа съ мольбою:
Предастъ-ли въ руки мнѣ враговъ?
Но не отвѣтилъ Саваоѳъ...»
— «Зане прогнѣванъ онъ тобою!

«Зане на смерть обречены—
И ты, и всѣ твои сыны!»
Пророкъ усопшій возглашаетъ.
«Тобой Израиль погибаетъ
И ввержень въ ужасы войны.

«Не ты-ль добра личиной лживой
Прикрылъ свой духъ властолюбивой,
И угнетенья сѣмена
Въ Израиль высѣялъ сполна?
Любуйся-жь, пахарь, спѣлой нивой.

«И жни на ней позоръ и страхъ...
То царство распадётся въ прахъ,
Въ пучинѣ золъ и бѣдъ потонетъ,
Гдѣ царь пророковъ вѣщихъ гонитъ
И тщится мысль сковать въ цѣпяхъ!»

И поднялъ онъ покровъ надъ ликомъ...
Саулъ возсталъ съ безумнымъ крикомъ...
А утромъ бой былъ... а потомъ
Саулъ пронзилъ себя мечёмъ, —
Въ урокъ нечестовымъ владыкамъ.

ДАВИДУ ІЕРЕМІЕМЪ.

—

На рѣкахъ Вавилонскихъ
Мы сидѣли и плакали, бѣдные,
Вспоминая въ тоскѣ и слезахъ
О вершинахъ Сіонскихъ:
Тамъ мы лютни повѣсили мѣдныя
На зеленыхъ вѣтвяхъ.
И сказали враги намъ:
«Спойте, плѣнники, пѣсни Сіонскія.»
— Нѣтъ въ землѣ нечестивой, чужой,
По враждебнымъ долинамъ,
Не раздаться, сыны Вавилонскіе,
Нашей пѣснѣ святой!
Городъ Господа брани,
Мой Шалимъ свѣтозарный, въ забвеніи
Будетъ вѣчно десница моя
И присохнетъ къ гортани
Мой языкъ, если я на мгновеніе
Позабуду тебя!
Помяни, Адона́и.
Въ день суда — какъ Эдо́мляне пламени
Предавали твой городъ и въ плѣнъ
Насъ вели, восклицая:

«Не оставимъ и камня на камени!»
О, блаженъ и блаженъ.
Злая дочь Вавилона,
Кто воздастъ твоей злобѣ сторицею,
Кто младенцевъ твоихъ оторвётъ
Отъ нечистаго лона
И о камень ихъ мощной десницею
Предъ тобой разобьётъ!

ПРИТЧА ПРОРОКА НАѲАНА.

—

I.

Въ вѣнцѣ и въ порфирѣ, и въ ризѣ виссонной,
Внезапно покинувъ чертогъ благовонной,
Гдѣ смирна курилась въ кадилахъ невольниковъ,
Гдѣ яства дымились предъ сонмомъ состольниковъ
И въ винахъ сверкали рубинъ и янтарь,
Гдѣ струны псалтирныя славили Бога, —
На кровлю чертога
Взошёлъ псалмопѣвецъ и царь.

II.

Взошёль онъ — предъ Господомъ мира и брани
Воздѣть покаянно могучія длани
За кровь, пролитую въ борьбѣ съ Аммонитами,
Взошелъ примириться молитвой съ убитыми—
По волѣ престолодержавной его:
Стоялъ еще гибнувшій окрестъ Раббава
Весь полкъ Іоава, —
А брань началась ни съ чего.

III.

И къ небу возвёлъ онъ орлиное око
И долу склонилъ: передъ взоромъ далёко
Стремилася въ высь синева безкопечная,
И зрѣлась въ ней Сила и Воля предвѣчная...
Смутился, внизъ—глянулъ и дрогнулъ...
Въ саду,
Вся въ огненныхъ брызгахъ, что змѣйка рѣчная,
Жена молодая,
Купаясь, плыла по пруду...

IV.

Ревниво поднявшись кругомъ вертограда,
Какъ евнухъ докучный, стояла ограда;
Ревнивѣй ограды, шатрами зелёными,
Ливанскіе кедры срослись съ кипнамонами;
Маслина вѣтвями склонялася низъ;
Всё солнцемъ прогрѣтое, ярко-цвѣтное,
Сочилось алоэ,
И капалъ смолой кипарисъ.

V.

Очей отъ купальщицы царь не отводитъ;
И вотъ она на̀ берегъ смѣло выходитъ,
Тряхнула кудрями, что крыльями чёрными
И капли посыпались крупными зёрнами
По гибкому стану и смуглымъ плечамъ;
Дрожатъ ея перси, какъ двѣ голубицы;
Прильнули рѣсницы
Къ горячимъ и влажнымъ щекамъ.

VI.

Рабыня ей стелетъ ковёръ пурпуро̀вый;
Младыя красы облекаетъ въ покровы;
На кудри льетъ мура струю благовонную...
И царь посылаетъ спросить приближённую:
— Кто женщина эта? — И молвитъ раба:
«Она отъ колѣна и рода Хеттіи,
Супруга Уріи,
Эліама дочь, Бэтъ-Шэба»

VII.

И близкіе слуги, по царскому слову,
Красавицу вводятъ въ ложницу царёву,
И только наутро, предъ свѣтлой денницею,
Еврейка разсталася съ пышной ложницею
И вышла такъ тайно, какъ тайно вошла...
Но вскорѣ царя извѣщаетъ: — «Къ рабынѣ
Будь милостивъ нынѣ:
Подъ сердцемъ она понесла.»

VIII.

И ревностью сердце Давида вскипѣло;
Задумалъ онъ злое и тёмное дѣло...
Урію изъ стана позвалъ къ себѣ лестію
И встрѣтилъ дарами, почётомъ и честію,
И два дня Урія въ дворцѣ пировалъ;
На третій былъ снова съ израильской ратью:
Съ нимъ Царь, за печатью,
Письмо къ Іоаву послалъ.

IX.

Написано было царёмъ Іоаву;
«Приблизься немедля всѣмъ станомъ къ Раббаву,
Но ближе всѣхъ прочихъ предъ силою вражею
Пусть станетъ Урія съ немногою стражею —
Ты прочь отступи, и оставь одного:
Пусть будетъ онъ смятъ и задавленъ врагами
И пусть подъ мечами
Погибнетъ и стража его.»

X.

И вождь — Іоавъ предъ силою вражей
Поставилъ Урію съ немногою стражей,
Съ мужами въ бою и на брани несмѣлыми,
А самъ отступилъ передъ первыми стрѣлами
Къ намётамъ и ставкамъ своимъ боевымъ
И вышли изъ града толпой Аммониты,
И были убиты
Урія и отроки съ нимъ.

XI.

И горько жена по Уріи рыдала;
Но вдовьяго плача пора миновала,
И царь за женой посылаетъ приспѣшниковъ...
Да Богъ правосудный преслѣдуетъ грѣшниковъ,
Порочное сердце во гнѣвѣ разитъ
Подъ самою сѣнью царёва чертога,
А Господа-Бога
Прогнѣвалъ собою Давидъ.

XII.

И Богъ вдохновляетъ Наѳана пророка...
Предсталъ сердцевѣдецъ предъ царское око
И молвилъ: «Прійми отъ меня челобитную,
Яви мнѣ всю правду свою неумытную
И судъ изреки мнѣ по правдѣ своей,
Да буду наставленъ моимъ господиномъ...
Во градѣ единомъ
Знавалъ я двухъ нѣкихъ мужей.

XIII.

Одинъ былъ богатый, другой былъ убогой...
И было добра у богатаго много,
И стадъ, и овецъ у него было множество,
А бѣдному, трудъ, нищета и убожество
Достались на долю, и съ нивы гнала
Его полу-ночь, а будила денница,
И только ягница
Одна у него и была.

XIV.

Купилъ онъ ее и берёгъ, и лелѣялъ;
Для ней и оралъ онъ, для ней онъ и сѣялъ;
Съ его сыновьями росла и питалася
Изъ чаши семейной его утолялася;
Какъ дочь, засыпала на лонѣ его;
Была ему также любовна, какъ дѣти,
И не было въ свѣтѣ
Дороже ему ничего...

XV.

Богатый, что левъ пресыщенный въ берлогѣ...
Но вотъ къ нему путникъ заходитъ съ дороги —
И жаль богачу удѣлить ото многаго,
А силою взялъ онъ ягницу убогаго,
Зарѣзать велѣлъ и подать на обѣдъ...
Что скажетъ владыка и какъ онъ разсудитъ?»
Давидъ: — «И не будетъ,
И не́ было казни, и нѣтъ

XVI.

«Для этого мужа: кровь—крови на мужѣ!»
Наѳанъ ему:
— «Царь, поступаешь ты хуже!
Похитилъ у бѣднаго радость единую
И пролилъ предательски кровь неповинную:
Урію поставилъ подъ вражескій мечъ,
И силой жену его взводишь на ложе!
О, Боже мой, Боже!
Гдѣ судъ твой и правда, и речь?

XVII.

«На насъ и на чадахъ они, и надъ нами!...
Царь, Богъ возвѣщаетъ моими устами:
— «Твое отроча, беззаконно рождённое,
Умретъ беззаконно, какъ все беззаконное...
Тебя охраняя и чтя, и любя,
Погибъ отъ тебя-же твой рабъ и твой воинъ...
Ты смерти достоинъ;
Но сынъ твой умрётъ за тебя»

XVIII.

И палъ Псалмопѣвецъ, рыдая на ложе,
И къ Богу воззвалъ онъ:
«Помилуй мя, Боже,
Помилуй, зане я и прахъ и ничтожество,
Зане, Милосердый, щедротъ твоихъ множеств
И милость твоя не скудѣетъ во вѣкъ.
Суди-же раба твоего благосклонно:
Зачатъ беззаконно,
Рождёнъ во грѣхахъ человѣкъ.

XIX.

Предсталъ передъ Судъ Твой всестрашный и правый
Твой рабъ недостойный, убійца лукавый:
Воздай мнѣ за зло мое, Боже, сторицею,
Казни, но наставь вездѣсущей десницею
Наставь меня, Боже, на правомъ пути,
Зерно упованья внѣдри въ маловѣрцѣ,
Очисти мнѣ сердце,
Душевную тьму освѣти!»

XX.

И долго молилъ онъ, рыдая на ложѣ:
«Помилуй мя, Боже, помилуй мя Боже!»
И сынъ его умеръ...
Съ тоской несказанною
Давидъ преклонился главою вѣнчанною,
Но Богъ Псалмопѣвца — царя и раба
Простилъ, осѣнивъ его царское лоно...
Простилъ: Соломона
Царю родила Бэтъ-Шэба.

ЖИДЫ.

Жиды, жиды! Какъ дико это слово!
Какой народъ!... Что шагъ, то чудеса...
Послушать ихъ враговъ—ревниво и сурово
Съ высотъ жидамъ грозятъ святыя небеса....

Быть можетъ—и грозятъ, но развѣ только нынѣ
Гдѣ вѣра въ небеса, тамъ и небесный громъ,
А прежде безъ грозы народъ свой вёлъ въ пустынѣ —
Самъ Богъ, то облакомъ, то огненнымъ столпомъ.

Теперь презрѣннѣй нѣтъ, проклятѣй нѣтъ народа,
Нѣтъ ни къ кому такой, какъ къ нимъ, къ жидамъ, вражды,
Но тамъ, гдѣ понятъ Богъ, и понята природа,
Вездѣ они—жиды, жиды, жиды!

Въ Шалимѣ ихъ, рукою Саваоѳа,
Пророку на скрижаль начёртанъ былъ законъ,
И крестнымъ знаменемъ отмѣчена Голгоѳа,
И вѣнчаны—цари: Давидъ и Соломонъ.

И на Сіонъ къ жидамъ сошла отъ Бога вѣра;
И святы стали всѣ шалимскія мѣста;
И пламенной мольбой шалимская гетэра
Свой искупила грѣхъ у Божьяго креста. ..

ЕВРЕЙСКІЯ ПѢСНИ.

—

I.

— Поцелуй-же меня, вышей душу до дна...
Сладки перси твои и хмѣльнѣе вина;
Запахъ чёрныхъ кудрей чище мирры стократъ,
Скажутъ имя твое—пролитой ароматъ!
Оттого — отроковица —
Полюбила я тебя ..
Царь мой, гдѣ твоя ложница?
Я сгорѣла, полюбя.....
Милый мой, возлюбленный, желанный,
Гдѣ, скажи, твой одръ благоуханный?.

II.

— Хороша я и смугла;
Дочери Шалима!
Не корите, что была
Солнцемъ я палима —
Не найдёте вы стройнѣй
Пальмы на Энгаддѣ:
Дѣти матери моей
За меня въ разладѣ.
Я за братьевъ вертоградъ

Ночью сторожила,
Да дѣвичій виноградъ
Свой не сохранила...
Добрый мой, душевный мой,
Что̀ ты не бываешь?
Гдѣ пасёшь въ полдневный зной?
Гдѣ опочиваешь?
Я найду, я сослѣжу
Друга въ полдень жгучій
И на перси положу
Смирною пахучей.

По опушкѣ лѣса гналъ
Онъ козлятъ, я — тоже,
И тѣнистый лѣсъ постлалъ
Намъ двойное ложе —
Кровлей лиственной нависъ,
Тёмный, скромный, щедрый;
Наши звѣнья — кипарисъ,
А стропила — кедры.

III.

«Я—цвѣтокъ полевой, я—лилея долинъ.»
—«Голубица моя бѣло-лопная
Между юныхъ подругъ—словно въ терніи кринъ.»
— Словно яблонь въ цвѣту благовонная
Посреди̇нѣ безплодныхъ деревьевъ лѣсныхъ,
Милый мой—межь друзей молодыхъ;
Я подъ тѣнь его сѣсть восхотѣла—и сѣла,
И плоды его сладкіе ѣла.
— Проведите меня въ домъ вина пировъ,
Одарите любовною властію,

Положите на одръ изъ душистыхъ цвѣтовъ:
Я больна, я уязвлена страстію.
Вотъ рука его здѣсь, подъ моей головой;
Онъ меня обнимаетъ другой...
Заклинаю васъ, юныя дѣвы Шалима,
Я должна, я хочу быть любима!

IV

— Голосъ милаго — ужь день!
Вотъ, съ пригорка на пригорокъ,
Скачетъ милый, лёгокъ, зорокъ,
Словно серна, иль олень
Горъ Веѳильскихъ однолѣтокъ.
Вотъ за нашею стѣной
Онъ стоитъ, избранникъ мой,
Вотъ—онъ, сквозь оконныхъ сѣтокъ,
Увидалъ меня,—глядитъ,
На привѣтъ мой говорятъ:
«Встань, сойди! давно денница,
И давно тебя жду я —
Встань отъ ложа, голубица,
Совершенная моя!
Солнце зиму съ поля гонитъ,
Дождь прошёлъ-себѣ, прошёлъ,
И росистый лугъ зацвѣлъ...
Чу! и горлица ужь стонетъ,
И смоковница въ цвѣту,—
Завязала плодъ и сѣмя,
И обрѣзанія время
Запыхалось на лету.
Вѣетъ тонкимъ ароматомъ

Недозрѣлый виноградъ...
Выходи, сестра и съ братомъ
Обойди зелёный садъ.
Высока твоя свѣтлица,
И за каменной стѣной...
Покажись-же, голубица,
Дай услышать голосъ твой:
Для того, что взоръ твой ясенъ,
Голосъ сладокъ, образъ красенъ.»

— «Изловите лисенятъ,
Чтобы гроздій не губили
И созрѣлъ нашъ виноградъ.»

Мы пасли стада межь лилій...
Утомлённый, онъ заснулъ...
Мы пасли...
Но—день дохнулъ,
Но задвигалися тѣни—
Онъ умчался, лёгокъ, скоръ,
Словно серны, иль олени
На высяхъ Веѳильскихъ горъ.

V.

Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ...
За дверями голосъ милаго звучитъ:
— «Отвори, моя невѣста, отворп!
Догорѣло пламя алое зори;
Надъ лугами, надъ шелковыми
Бродитъ бѣлая роса
И слезинками перловыми
Мнѣ смочила волоса;
Сходитъ съ неба ночь прохладная —

Отвори мнѣ, ненаглядная!»
— «Я одежды легкотканныя сняла,
Я омыла мои ноги и легла,
Я на ложѣ цѣпенѣю и горю—
Какъ я встану, какъ я двери отворю?»
Милый въ дверь мою кедровую
Стукнулъ смѣлою рукой:
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной,
И, полна желанья знойнаго,
Встала съ ложа я покойнаго.

Съ муглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользитъ;
Жжётъ нога моя холодный мраморъ плитъ;
Съ чёрныхъ косъ моихъ струится ароматъ;
На рукахъ запястья цѣнныя бренчатъ.
Отперла я дверь докучную:
Статный юноша вошёлъ
И со мною сладкозвучную
Потихоньку речь повёлъ—
И слилась я съ речью нѣжною
Всей душой моей мятежною.

VI.

На ложѣ дѣвичьемъ, въ полуночной тиши,
Искала я тебя, возлюбленный души:
Искала я тебя—напрасно я искала,
Звала тебя къ себѣ—напрасно призывала!
Отъ ложа встану я и городъ обойду,
На улицахъ тебя, на торжищахъ найду:
Искала я тебя—напрасно я искала,

Звала тебя къ себѣ—напрасно призывала!
Мнѣ стражи встрѣтились въ полупочной тиши:
«Не знаете-ль—гдѣ онъ, возлюбленный души?»
Не знали—я прошла... но вскорѣ и нежданно
Я встрѣтилась съ тобой, блѣдна и бездыханна...
Нашла тебя—нашла и крѣпко обняла,
И не пускала прочь, пока не увела
Въ домъ нашей матери, подъ сѣнь того чертога,
Гдѣ мать насъ зачала и поболѣла много...

VII.

—«Кто это, ливаномъ и смирной,
Какъ дымъ изъ душистой кумирной,
Кадя по пустынѣ, вдали
Летитъ, не касаясь земли?

Кто это рукой вождѣленной
Сосудъ муроварца безцѣнной
На чёрные кудри пролилъ
И розой уста обагрилъ?

Ты—это, моя голубица,
Летишь по пустынѣ, какъ птица,
Какъ дымъ изъ кадила быстра,
Ты это, мой другъ и сестра!

— Скажите мнѣ, дщери Сіона,
Видали-ль вы одръ Соломона?...
Окрестъ шестьдесятъ сторожей,
Израильскихъ сильныхъ мужей,

Мечёмъ препоясавшихъ бедра...
Весь одръ изъ ливанскаго кедра,
И золотомъ, словно огнёмъ,
Горитъ изголовье на нёмъ.

Скажите мнѣ, дщери Сіона,
Видали-ли вы Соломона
Въ порфирѣ, подъ царскимъ вѣнцёмъ?
Да?...
Нѣчего видѣть потомъ».

VIII.

— «Хороша ты хороша,
Всей души моей душа!...
Ты, сестра, ты голубица,
Мнѣ—восточная денница!...

Зубы — перлы; пряди косъ
Мягче пуха рѣзвыхъ козъ,
Что мелькаютъ чуткимъ стадомъ
Надъ скалистымъ Галлаадомъ.

Очервлённыя уста —
Алой розы красота;
Подъ лилейно-бѣлой шеей,
Какъ подъ вешнею лилеей

Горной серны близнецы,
Притаились сосцы
Въ юномъ трепетѣ... Нѣтъ мочи
Ждать тебя и тёмной ночи.»

IX.

— «Сестра, все сердце намъ до-тла
Сожгла ты окомъ чистымъ,
И наши взоры привлекла
Ты дѣвственнымъ монистомъ —

Но отчего–же у тебя,
Все паше сердце погубя,
Такъ рано перси зрѣютъ.
И такъ уста алѣютъ?

Ты на зорѣ взошла цвѣткомъ,
И, ароматомъ вѣя,
Благоухаешь ты кругомъ,
Весенняя лилея!

Вотъ отчего такъ рано ты
Зажгла въ насъ страстныя мечты,
Такъ рано насъ прельстила взглядомъ,
И выросла любимымъ садомъ.

Гдѣ ключъ у насъ запечатлѣнъ,
Гдѣ все цвѣтётъ: и нардъ съ шафраномъ,
И кипарисъ, и киннамонъ,
Гдѣ — зеленѣй, чѣмъ надъ Ливаномъ, —

Вся лѣторосль...
Скорѣй, скорѣй
Прохладой утренней повѣй
Въ нашъ садъ, и съ сѣвера, и съ юга,
О, вѣтеръ!... жду тебя, какъ друга...

X.

— «Отчего же ты не спишь?
Знать цѣнна утрата,
Что въ полуночную тишь
Всюду ищешь брата?

— Оттого, что онъ мнѣ братъ,
Дочери Шалима,
Что утрата изъ утратъ
Тотъ, кѣмъ я любима.

Оттого, что здѣсь, у насъ,
Рѣзвыхъ козъ-лукавицъ,
По горамъ, еще не пасъ
Ввѣкъ такой красавецъ:

Нѣтъ кудрей чернѣй нигдѣ;
Очи такъ и блещутъ;
Голубицами въ водѣ
Синей влагой плещутъ.

Какъ зоря, мой братъ румянъ —
И стройнѣй кумира...
На вѣнцѣ его слiянъ
Съ искрами сапфира

Солнца лучъ, и подарёнъ
Тотъ вѣнецъ невѣстѣ...
— «Гдѣ-же братъ твой?.. Гдѣ-же онъ?
Мы поищемъ вмѣстѣ?»

XI.

— «Всѣ шестьдесятъ моихъ царицъ,
И восемьдесятъ съ ними
Моихъ наложницъ, пали ницъ
Съ поклонами нѣмыми,

Предъ тобой, и всей толпой
Рабыни, вслѣдъ за ними,
Всѣ пали ницъ передъ тобой
Съ поклонами нѣмыми.

Зане одна ты на Сіонъ
Восходишь, какъ денница,
И для тебя озолочёнъ
Вѣнецъ, моя царица!

Зане тебѣ одной мой стихъ,
Какъ смирна изъ фіала,
Благоухалъ изъ устъ моихъ —
И пѣсня прозвучала.»

XII.

— «Словно пальма, величаво
Наклонила ты главу...
Но, сестра, — повѣрь мнѣ — право,
Я всѣ финики сорву...

Всѣ, хоть рвать пришлось-бы съ самой
Верхней вѣтки... вѣрь мнѣ — да!
Я сорву рукой упрямой
Отъ запретнаго плода —

Лучшій гроздъ... Въ тревогѣ старой
Сердце... Гдѣ уста твои...
Жажду!.. Брата жаркой чарой
Устъ румяныхъ напой»

XIII.

«Ты — Сіона звѣзда, ты — денница-деницъ:
Пурпурòвая вервь — твои губы;
Чище снѣга перловые зубы,
Какъ стада остриженныхъ ягницъ,
Двоеплодно съ весны отягчённыхъ,
И — дрожатъ у тебя смуглыхъ персей сосцы,
Какъ у серны пугливой дрожатъ близнецы,
Съ каждымъ шорохомъ яворовъ сонныхъ.»

— «Мой возлюбленный, милый, мой царь мой и братъ,
Приложи меня къ сердцу печатью!
Недавай разрываться объятью:
Ревность жарче жжётъ душу, чѣмъ адъ,
А любви не загасятъ и рѣки —
Не загасятъ и воды потопа во-вѣкъ...
И — отдай за любовь всё добро человѣкъ —
Только мученикъ будетъ на вѣки!»

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНЫМЪ.

—

(Н. И. Кролю.)

Храни поученье отцёво,
Мой сынъ, и въ скрижали души
Мое заповѣдное слово
Отнынѣ на вѣки впиши:
Пребудь безбоязненъ душёю,
Но Господа бойся и чти;
Премудрость зови ты сестрою
И разумъ себѣ просвѣти.
И рѣчи грѣха и обмана
Не будутъ надъ мудрымъ властны,
И въ разумѣ будетъ охрана
Тебѣ отъ лукавой жены.

— Взглянп!.. Не находитъ на ложѣ
Она ни покоя, ни сна,
И ночью сидитъ на-сторожѣ,
Сидитъ и глядитъ изъ окна —
Не бродитъ-ли гдѣ въ околоткѣ
Случайно глупецъ молодой?
Не слышно-ли праздной походки?
Не слышно-ли пѣсни почной?

Увидитъ — услышитъ далече,
И выйдетъ, и станетъ ласкать,
И станетъ коварныя речи
Съ безстыднымъ лицомъ лепетать:

«Сегодня должна, по обѣту,
Я мирную жертву свершить,
А гостя любимаго нѣту
Транѐзу мою раздѣлить,
Тебя я ждала и искала —
Ждала отъ вечерней поры:
Завѣсила одръ и постлàла
Египта двойные ковры,
Посыпала ложе шафраномъ,
Корицей посыпала полъ —
Войди — и въ весельѣ желанномъ
Возляжемъ за трàпезный столъ.

Мой мужъ отлучился далёко
И много унёсъ серебра —
Унесъ и ревнивое око:
Пробудь у меня до утра..»
Прельстила бесѣдою грѣшной,
Тенётами устъ привлекла, —
И въ слѣдъ за женою поспѣшно
Безумная жертва пошла:
Идётъ онъ, какъ волъ на закланье,
Идётъ онъ, какъ къ привязи пёсъ,
Забывъ, что души достоянье
На жертву блудницѣ принёсъ.

ОТОЙДИ ОТЪ МЕНЯ, САТАНА.

—

На горѣ первозданной стояли Они,
И надъ ними, бездонны и сини,
Поднялись небосводы пустыни,
А подъ Ними земля — вся въ туманѣ и тѣни.
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей,
А *другой* былъ мрачнѣе эреба:

Изъ глубокихъ зеницъ вылетали огни;
На челѣ его злоба пылала
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И Мессіи сказалъ сатана:
«Раввуни!
Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ...»

И десницу простёръ....
Прояснилася даль... Изъ тумана
Засинѣлася зыбь океана,
Поднялися громады маститыя горъ,
И земли необъятной равнина,
Вся въ свѣту и въ тѣни, подъ небеснымъ шатромъ,
Разостлалася круглымъ, цвѣтистымъ ковромъ.

Каменистая степь.... Палестина....
Вотъ сѣдой Аррарат; вотъ угрюмый Синай;
Почернѣлые кедры Ливана;
Серебристая бить Іордана;
И Десницей карающей выжженный край,
И возлюбленный градъ Саваоѳа:
Здѣсь Сіонъ въ тощей зелени маслинъ, а тамъ
Купы низкихъ домовъ съ плоской кровлею, храмъ,
Холмъ и крестъ на нёмъ праздный — Голгоѳа...

Къ югу — степь безъ границъ. Перекатной волной
Ураганы песокъ поднимаютъ,
А на немъ оазисы мелькаютъ,
Какъ зелёный узоръ на парчѣ золотой.
Красной пылью одѣты, деревья
Клонятъ книзу вершины подъ гнётомъ плода;
Разбрелись табуны кобылицъ и стада
Вкругъ убогихъ намётовъ кочевья;
Смугло-ликихъ наѣздниковъ рыщутъ толпы;
Воздухъ пламенемъ встрѣчу имъ пышетъ,
А по воздуху марево пишетъ
Стѣны, башни, палаты, мосты и столпы.
Мимо...

Сѣрой, гремучей змѣёю,
Безконечныя кольца влача черезъ илъ,
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ.
Города многочленной семьею
Улеглися на злачныхъ его берегахъ;
Блещутъ синія воды Мерида;
Пирамида, ещё пирамида,
И ещё, и ещё, — на широкихъ стопахъ

Опершись, поднялися высòко;
Обелисковъ идётъ непрерывная цѣпь;
Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
Устремляя гранитное око...
Мимо...

Индъ и Гангѐсъ, среброводной четой,
Катятъ волны въ далекое море;
Вѣковые лѣса на просторѣ
Разрослися вездѣ непроглядной стѣной;
Мелкой сѣтью заткали лiаны
Всѣ просвѣты съ верхушекъ деревъ до корней;
Попугаи порхаютъ; съ тяжёлыхъ вѣтвей
Съ визгомъ прыгаютъ внизъ обезьяны;
Полосатую матку тигрёнокъ сосётъ;
Птичекъ носится яркая стая;
Осторожно сучки раздвигая,
Слонъ тяжёлою поступью мѣрно бредётъ;
На коврахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ,
Змѣи нѣжатся, свившись упругимъ кольцёмъ,
И сквозь тёмную зелень, зубчатымъ вѣнцёмъ,
Выдвигаются куполы пагодъ.
Подъ нависшимъ ихъ сводомъ, во мракѣ, блеститъ
Въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ божница;
Безобразныя идоловъ лица
Лучъ священной лампады слегка золотитъ;
Предъ богами жрецы-изувѣры,
Преклоняясь во прахъ, благовонiя жгутъ,
И, въ неистовой пляскѣ кружася, поютъ
Свой молитвенный гимнъ баядеры.
Мимо...

Сѣверъ... Теряясь въ безвѣстной дали,
Разметались широко поляны;
Смурой шапкой нависли туманы
Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
Нѣчѣмъ тѣшить пытливые взоры:
Снѣгъ да снѣгъ, всё одинъ, вѣчно-дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые тёмные боры.
Сѣверъ спитъ: усыпилъ его крѣпкій морозъ,
Уложила сѣдая подруга,
Убаюкала буйная вьюга...
Не проснётся во вѣкъ — задремавшій колоссъ,
Или къ небу отчизны морозной
Приподниметъ главу, отягчённую сномъ,
Зорко глянетъ очами во мракѣ ночномъ
И воспрянетъ громадою грозной?
Онъ воспрянетъ и, долгій нарушивши миръ,
Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя
Съ мощныхъ плечъ отряхнётъ на испуганный міръ?
Мимо...

Словно младая наяда,
Въ свѣтлоструйномъ хитонѣ, съ вѣнчанной главой,
Изъ подводныхъ чертоговъ, изъ бездны морской,
Выплываетъ небрежно Эллада.
Прорѣзные ряды величавыхъ холмовъ,
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спѣлыя нивы,
Сладкозвучная сѣнь кипарисныхъ лѣсовъ,
Рощей пальмовыхъ тёмные своды —
Созданы для любви, наслажденій и нѣгъ...

Чудесами искусствъ увѣнчалъ человѣкъ
Вѣковѣчныя дива природы:
Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпого пѣвца
Вторятъ струны чарующей лиры;
Въ красотѣ первобытной кумиры
Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца;
Взоръ дивятъ восковыя картины
Смѣлымъ очеркомъ лицъ, сочетаньемъ цвѣтовъ;
Горделивой красой храмовъ, стѣнъ и домовъ
Спорятъ Ѳивы, Коринѳъ и Аѳины.
Мимо...

Римъ. Семихолмный, раскидистый Римъ,
Со своей нерушимой стѣною,
Со своею Тарпейской скалою,
Съ Капитоліемъ, съ пѣнистымъ Тибромъ своимъ. .
Груды зданій надъ грудами зданій:
Термы, портики, кровли домовъ и палатъ,
Тріумфальныя арки, дворцы и сенатъ —
Въ коронадахъ нагихъ изваяній
И въ тройномъ ожерельѣ гранитныхъ столповъ.
Вдоль по стогнамъ всесвѣтной столицы
Скачутъ кони, гремятъ колесницы,
И, блестя подвижной чешуею щитовъ,
За которой проходитъ когорта.
Мачты стройныхъ галеръ поднялись, какъ лѣса,
И, какъ чайки, трепещутъ крыломъ паруса
На зыбяхъ отдалённаго порта.
Форумъ стелется пёстрою массой головъ;
Въ циркѣ зрителей тѣсныя группы
Обнизали крутые уступы;
Слышенъ смѣшанный говоръ и гулъ голосовъ:

Обитателей Рима арена
Созвала на позорище смертной борьбы. —
Здѣсь съ рабами сразятся другіе рабы,
Въ искупленье позорнаго плѣна;
Здѣсь боецъ-побѣдитель, слабѣя отъ ранъ,
Юной жизнью заплатитъ народу
За лавровый вѣнокъ и свободу;
Здѣсь, при радостныхъ кликахъ суровыхъ гражданъ,
Возрощенцевъ желѣзнаго вѣка,
Подъ вестальскою ложей отворится дверь,
На арену ворвётся некормленный звѣрь
И въ куски изорвётъ человѣка...
Мимо...

Полной кошницею свѣжихъ цвѣтовъ,
На лазурныхъ волнахъ Тирренеи,
Поднимаются скалы Капреи.
Посреди густыхъ, благовонныхъ садовъ,
Вознеслася надменно обитель —
Перлъ искусства и верхъ человѣческихъ силъ:
Словно камни расплавилъ и снова отлилъ
Въ благолѣпныя формы строитель.
Въ тёмныхъ нишахъ, подъ вязами лилій и розъ,
Передъ мраморнымъ входомъ въ чертоги,
На сторожѣ — хранители-боги
И трёхглавый, изъ золота вылитый пёсъ.
Купы миртъ и оливъ и алоэ
Водомёты жемчужною пылью кропятъ...
Скоморохи въ личинахъ наполнили садъ,
Какъ собраніе статуй живое:
Подъ кустомъ одыхаетъ сатиръ-паразитъ,

У фонтана гетэра–наяда,
И нагая плясунья–дріада
Сквозь зелёныя вѣтви лукаво глядитъ.
Вкругъ чертоговъ хвалебныя оды
Воспѣваетъ согласный, невидимый клиръ,
Призывая съ небесъ благоденственный миръ
На текущіе Кесаря годы,
Прорицая безсмертье ему впереди.
И, подъ стройные клирные звуки,
Опершись на изсохшія руки,
Старецъ, въ пурпурной тогѣ, съ змѣёй на груди,
Среди сонма Лапсъ и Глицерій,
Задремалъ на одрѣ золотомъ... Это самъ,
Сопрестольный, соравный безсмертнымъ богамъ,
Властелинъ полусвѣта — Тиверій.

— «Падши ницъ, поклонись — и отдамъ всё сполна -
Я Тебѣ..,» говоритъ Искуситель.
Отвѣщаетъ Небесный Учитель:
— «Отойди, отойди отъ меня, Сатана!»

СЛѢПОРОЖДЁННЫЙ.

—

То были времена чудесъ,
Сбывался слова пророка:
Сходили ангелы съ небесъ;
Звѣзда катилась отъ востока;
Міръ искупленья ожидалъ —
И въ бѣдныхъ ясляхъ Виѳлеема,
Подъ пѣснь хвалебную эдема,
Младенецъ дивный возсіялъ,
И загремѣлъ по Палестинѣ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ...

Пустыня... знойные пески...
На сѣверъ — голыхъ скалъ уступы;
На югъ — излучины рѣки
И пальмъ развѣсистыя купы;
На западъ — моря полоса,
А на востокъ, за далью синей,
Слились съ пустыней небеса —
Другой безбрежною пустыней...
Кой-гдѣ, межь скалъ, на днѣ долинъ,
Сѣрѣютъ, въ лиственномъ навѣсѣ
Смокновицъ, нардовъ и маслинъ,
Евреевъ пастырскія веси,

И зданья бѣдныхъ городовъ
Прилипли къ кручѣ обнажённой,
Какъ гнѣзда пыльныя орловъ...
Истомленъ воздухъ воспалённой;
Земля безтѣнна; тишина
Пески сыпучіе объемлетъ:
Природа будто–бы больна
И въ забытьѣ тяжёломъ дремлетъ,
И каждый образъ, и предметъ,
И каждый звукъ — какой то бредъ.
Порой, далёко, точкой чёрной,
Газель, иль строусъ, иль верблюдъ
Мелькнутъ на мигъ — и пропадутъ;
Порой, волна рѣки нагорной
Простопетъ въ чащѣ тростника,
Иль долетитъ издалека
Рыканіе голодной львицы,
Иль рѣзкій клокотъ хищной птицы
Пронижетъ воздухъ съ вышины —
И снова всё мертво и глухо...
Слабѣетъ вздоръ, тупѣетъ ухо
Отъ безпредметной тишины...
Зачѣмъ къ поморью Галилеи,
По лону жгучему песковъ,
Изъ горныхъ селъ и городовъ,
Толпами сходятся Евреи?
Пастухъ, рыбакъ и селянинъ.
И рабъ, и мытарь, и раввинъ,
И мать съ младенцемъ, и вдовица,
И роза горъ — откровица,
И смолекудрая жена
Спѣшатъ пустынною дорогой...

Одѣтый ризою убогой,
Въ повоѣ грубомъ полотна,
Идётъ слѣпецъ съ толпой народа,
Усталый, блѣдный и худой,
Изнеможённый нищетой.
Онъ — внѳсандецъ. Мать-природа
Ему злой мачихой была
И—на страданье обрекла,
Безъ облегченья, безъ прощенья:
Онъ слѣпъ отъ самаго рожденья...
Ростя бездомнымъ сиротой,
Въ пыли, въ пескѣ степной дороги,
Иль у порога синагоги,
На знойныхъ плитахъ мостовой,
Онъ испыталъ, по волѣ неба,
Всю горечь нищенскаго хлѣба,
Извѣдалъ съ болью, какъ тяжка
Благодающая рука...
Не мало грубыхъ разговоровъ,
Намёковъ, брани и укоровъ,
Еще ребёнкомъ вынесъ онъ...
— «Слѣпецъ!» Евреи говорили:
«Отецъ и мать твои грѣшили —
«И ты въ грѣхахъ отъ нихъ рожденъ!»
Въ грѣхахъ рождёнъ!... Слѣпыя очи
Покрыты мракомъ вѣчной ночи, —
И яркій день, и небеса,
И пышноцвѣтная краса
Земной полуденной природы —
Лѣса, пустыня, горы, воды,
И красота самихъ людей,
И отчій кровъ и кругъ друзей,

Вниманье, ласки и участье,
Любовь и радости и счастье:
Всё — непонятныя слова
Для слѣпоты и сиротства!

Въ грѣхахъ рождённый, наслажденья
Искать и жаждать ты не смѣй:
Ты — сынъ печали и скорбей,
Ты проклятъ въ самый день рожденья,
Въ утробѣ матери своей!

Онъ такъ и вѣрилъ... (неизбѣжно,
Съ пелёнъ, повѣрить долженъ былъ,)
И тяжкій жребій безнадежно,
Но и безропотно сносилъ.

Теперь пустыню пробѣгаетъ
Онъ за толпою изнурённъ
И худъ, и блѣденъ, и согбёнъ.
Зачѣмъ идётъ — и самъ не знаетъ:
Пошла толпа — пошёлъ и онъ...
Спросить не смѣлъ: на цѣмъ съизмладу —
Лежитъ молчанія искусъ;
Но слышалъ онъ въ Тиверіаду
Приплылъ недавно Іисусъ
Изъ Назарета... Поучаетъ
О Богѣ истинномъ народъ;
Бѣсовъ молитвой изгоняетъ;
Недужнымъ помощь подаетъ
И прокаженныхъ очищаетъ
Затѣмъ-то на̀ берегъ морской,
Песками знойными угорья,

Евреи сходятся толпой.
Слѣпецъ любилъ холмы поморья...
Тамъ на поляхъ ростётъ трава
Свѣжѣй цвѣты благоухаютъ,
И надъ землею деревà
Намётъ тѣнистый разбиваютъ...
И, жизнь слышна: свои стадà
Туда охотно пастырь гонитъ,
И, не смолкая никогда,
Тамъ море плещется и стонетъ...
Его тревожный, дикій стонъ
Слышнѣй, слышнѣе... по немногу
Песокъ мелѣетъ... Слава Богу, —
Конецъ пути! — и кончень онъ...
Подъ сѣнью пальмоваго свода,
Въ траву, на мягкій одръ земли,
Слѣпецъ и путники легли...
Какое множество народа!
Гулъ голосовъ — ростётъ, ростётъ
И заглушаетъ постепенно
Однообразный говоръ водъ...
Но вдругъ всё смолкнуло мгновенно
И шумный берегъ онѣмѣлъ...

Узрѣвъ народъ, Учитель сѣлъ
На холмъ, возвышенный средь поля;
По манію Его руки,
Къ нему сошлись ученики,
И Онъ отверзъ уста, глаголя...
Не передать словамъ людей
Его божественныхъ рѣчей.
Нѣма предъ ними рѣчь людская...

Но весь народъ, Ему внимая,
Позналъ и благъ земныхъ тщету,
Позналъ и міра суету,
Позналъ и духа совершенство:
Позналъ, что истое блаженство
Себѣ наслѣдуетъ лишь тотъ,
Кто духомъ нищъ, кто слёзы льётъ,
Кто правды алчетъ, правды жаждетъ,
Кто кротокъ былъ и незлобивъ,
Кто сердцемъ чистъ, миролюбивъ,
Кто отъ людей невинно страждетъ,
Кого поносятъ въ клеветахъ
И злобнымъ словомъ оскорбляютъ,
Кого за правду изгоняютъ:
— Имъ будетъ мзда на небесахъ!...
...Гонимы были и пророки...

Людскую злобу и пороки
Онъ кроткимъ словомъ обличалъ,
Онъ къ покаянью призывалъ:
Занѐ созрѣло смерти сѣмя
И настаётъ, и близко время,
Когда воскреснетъ бренный прахъ.
Когда всѣ сущіе въ гробахъ,
Гласъ сына Божія изъ тлѣна
Услышавъ, снова оживутъ
Иль въ жизнь нетлѣнную, иль въ судъ...
Тогда восплачутъ всѣ колѣна,
Женой рождённыя, тогда
Померкнетъ солнце; мглой одѣта,
Луна не дастъ ночнаго свѣта,
И за звѣздой спадётъ звѣзда,

И силы неба содрогнутся,
И съ трубнымъ звукомъ понесутся
По небу ангелы — сзывать
Всѣхъ, Сыномъ Божіимъ избранныхъ...

Онъ поучалъ — не избирать
Путей широкихъ, вратъ пространныхъ,
Вводящихъ въ пагубу,—входить
Въ сѣнь жизни узкими вратами
И трудно-тѣсными путями:
Не осуждать, благотворить,
Радѣть о скорбныхъ, немущихъ,
Благословлять враговъ клянущихъ
И ненавидящихъ любить.

Умолкъ божественный Учитель...
И вотъ, снѣдаемый стыдомъ,
Раввинъ, законовъ охранитель,
Поникъ зардѣвшимся челомъ;
Смутился книжникъ; фарисеи
Повоевъ сдѣлались бѣлѣе,
И жадный мытарь волоса́
Рвётъ на себѣ, и, не дерзая
Поднять свой взоръ на небеса,
Рыдаетъ грѣшница младая...

Что́ чувствовалъ слѣпецъ,—въ словахъ
Не можетъ быть изобразимо...
Когда-же шёлъ Учитель мимо,
Слѣпецъ упалъ предъ Нимъ во прахъ,

И, вдохновенный высшей силой,
Воскликнулъ съ вѣрою: «Равви,
Спаси страдальца и помилуй,
Во имя Бога и любви!»

Безумецъ! слыхано-ль отъ вѣка,
Чтобъ кто слѣпаго человѣка
Могъ исцѣлить отъ слѣпоты?
Но вѣра малыхъ — ихъ спаситель..
И подошёлъ къ нему Учитель...
И непорочные персты,
Во имя Господа живаго,
Въ очахъ безжизненныхъ слѣпого
Свѣтильникъ зрѣнія зажгли, —
И онъ, какъ первый сынъ земли,
Исполненъ радости и страха,
Возсталъ изъ тлѣнія и праха,
Съ печатью свѣта на челѣ,
И — поелику вѣрилъ много —
Узрѣлъ въ предвѣчной славѣ Бога —
На небесахъ... и на землѣ.

ОТРОКОВИЦА.

—

.. И собрались къ *Нему* всѣ власти града вскорѣ,
И говорилъ *Онъ* имъ и всѣмъ ученикамъ
Съ святою кротостью, но съ пламенемъ во взорѣ:
«Аминь, аминь, глаголю вамъ:
Кто вѣруетъ—съ зерно горчичное, тотъ самъ
Речётъ горѣ: «возстань и кинься прямо въ море!»
И будетъ такъ!...»

Еще *Онъ* говорилъ,
Къ начальнику помѣстной синагоги
Приходитъ нѣкто, со словами:
«Ты
Не утруждай *Учителя!* тревоги
Не возбуждай въ бесѣдѣ.. Но... вѣдь—вотъ
Дочь у тебя скончалась... У воротъ
Столпился ужь испуганный народъ...
Ступай скорѣй домой!»
Но Іисусъ: «Постойте:
Во имя Божіе, въ вашъ домъ мнѣ дверь откройте.
Не бойся, Іаиръ!.. Вѣрь: дочь твоя жива!..»

Вошли; глядятъ...
Въ фіялкахъ голова;
Весь стройный станъ подъ пеленою бѣлой...
Безцѣнный плодъ любви, хотя и не поспѣлый:
Не опускалася еще до пятъ коса;
Не переглядывались съ ней ни полночь, ни денница,
Ни молнія, ни вешняя зорница,
И въ очи страстно ей не брызгала роса...

«Спитъ!» *Онъ* вѣщалъ... Кругомъ всѣ улыбнулись,
Шепча: «не слыхано, чтобъ мёртвые проснулись!»
Но надъ покойною простёръ тогда Онъ длань,
Взялъ за руку и рекъ:
«Отроковица, встань!..»

И встала...

Съ ужасомъ народъ весь разбѣжался,
Крича: «Не слыхано, чтобъ мёртвый просыпался!..»

Тысячелѣтняя моя отроковица!
На сѣверѣ своёмъ ты также обмерла,
Да, Божьей волею, тебя ужь подняла —
Благословенно-мощная десница....

II.

АЛЬФУСЪ.

МОРАВСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

(Посвящается Станиславу Симоновичу Рехневскому.)

—

Быль, пережившая въ устномъ преданіи роды и роды...

Близко моравскаго города Ольмюца, въ старые годы,
Былъ монастырь кармелитовъ. Суровъ и печаленъ
Нынѣшній видъ монастырскихъ развалинъ:
Крѣпкія стѣны обители, башни ея и платформы,
Камень за камнемъ, пизринули грозныя бури реформы;
Оставъ разрушенный въ саванъ колючій одѣли
Тёмныя сосны и ели.

Но до реформы, до распреї кровавыхъ ея и гоненій,
Иноковъ мирный пріютъ отъ юдольныхъ тревогъ и волненій
Былъ охраняемъ покровомъ святой благодати.
Въ это-то время, межь ольмюцкихъ братій,
Славился Альфусъ своимъ благочестіемъ строгимъ,
Христолюбивою помощью нищимъ, больнымъ и убогимъ,
Знаніемъ мудрымъ: провёлъ онъ всѣ лучшіе годы
Въ вѣщемъ искусѣ природы

Но, посѣдѣвъ надъ исканіемъ истинъ въ земныхъ идеалахъ,
Альфусъ позналъ ихъ тщету, и, смиренною вѣрою малыхъ

Духъ укрѣпивши съ сомнѣньями въ тягостной битвѣ,
Жизнь посвятилъ и посту и молитвѣ.
Изрѣдка снова былыя сомнѣнья къ нему возвращались;
Снова вопросы тревожно съ душевнаго дна поднимались;
Въ присныхъ глаголахъ природы отыскивалъ снова
Онъ вѣковѣчнаго слова...

Онъ убѣгалъ изъ обители... Дикую горную мѣстность: —
Скалы, овраги и чащу лѣсовъ — представляла окрестность.
Альфусъ садился на кручѣ, надъ шумнымъ потокомъ,
И вопрошалъ испытующимъ окомъ,
Все сотворённое, но... святотайнаго трепета полны,
Словомъ однимъ отвѣчали деревья, стремнины и волны:
«Богъ!» — восклицали онѣ на вопросъ одногласно, —
«Богъ! — и сомнѣнье напрасно!»

Альфусъ слезами раскаянья, новымъ и тяжкимъ искусомъ,
Жаркой молитвой свой грѣхъ искупалъ предъ Христомъ Іисусомъ;
Сердце его, изнурённое грозной борьбою,
Вновь исполнялось святой тишиною;
Вѣра, сразивши сомнѣнья въ душѣ коренилась глубоко;
Зорко и ясно глядѣло на міръ просвѣтлённое око;
Духомъ горѣ возносяся къ Господню престолу,
Былъ онъ лишь перстію долу.

Вдругъ, на исходѣ земного пути, передъ сѣнью загробной,
Духъ отрицанья встревожилъ монаха насмѣшкою злобной:
«Старецъ, — шепталъ онъ ему, — сердцевѣдецъ маститый,
«Мудрой ученостью мужъ именитый!
«Яснаго знанія пламенникъ ты представляешь собою;
«Всё, что для смертнаго ночь, лучезарнѣе дня предъ тобою:
«Мракъ мой разсѣй, помоги мнѣ въ сомнѣніи новомъ—
«Душеспасительнымъ словомъ.

«Какъ сочетать нераздѣльно съ единствомъ безсмертнаго духа
«Нашу премѣнчивость чувствъ? Отчего для юдольнаго слуха
«Въ вѣчно-единой гармоніи нѣтъ наслажденья?
«И отчего для юдольнаго зрѣнья
«Нѣтъ постоянной красы ни въ природѣ, ни въ мірѣ искусства?
«И отчего утомляемся мы неизмѣнностью чувства?
«Чѣмъ объяснить вѣчноюныхъ основъ обветшалость,
«Силъ неустанныхъ усталость?»

«Еслижъ мы здѣсь устаемъ, какъ-же *тамъ*, гдѣ предвѣчно блаженство,
«Гдѣ созерцать постоянно мы будемъ одно совершенство
«Какъ не устанетъ *тамъ* сила и воля земная?
«Что неизмѣнныя радости рая?
«Что для людей эта вѣчность, безъ прошлаго—безъ вспоминаній,
«И безъ грядущаго также — безъ свѣтлыхъ, святыхъ упованій?
«Вѣчность — предъ ней человѣкъ и трепещетъ и плачетъ —
«Что-жь она на небѣ значитъ?»

Нѣ далъ смущенный отшельникъ отвѣта на эти вопросы...
Мысли роились въ его головѣ, какъ сердитыя осы:
Каждая жаломъ язвила со злобой змѣиной,
И отогнать онъ не могъ ни единой.
Въ этихъ-то мукахъ, въ палящемъ томленіи нравственной жажды —
Духъ утолить изъ источника вѣры, по-утру однажды,
Онъ изъ обители вышелъ въ нагорное поле —
Думалъ предаться на волѣ.

Майское утро сіяло всей свѣжей своей красотою;
Каждая травка на полѣ сверкала алмазной росою;
Вѣтеръ, припавши къ деревьямъ, шептался съ листами:
Пчёлы жужжали, кружась надъ цвѣтами.

Альфусъ спускался въ долину по узкой лѣсистой тропинкѣ;
Птицы, порхая въ кудрявыхъ кустахъ, отряхали росинки
На посѣдѣлую голову старца-монаха,
И распѣвали безъ страха.

Всё ликовало въ природѣ, красуясь весеннимъ уборомъ; —
А равнодушный отшельникъ привѣтствовалъ мёртвеннымъ взоромъ
Праздникъ весны-чаровницы, и вспомнилъ невольно,
Какъ ему нѣкогда было раздольно
Въ этой окрестности дикой, на первыхъ порахъ послушанья;
Но приглядѣлись подъ старость ему красоты мірозданья:
Пукъ земляники и звѣздъ океанъ многосвѣтный
Стали равно̀ безотвѣтны.

И вопросилъ искуситель: «Какія–же дастъ наслажденья
Небо душѣ, утомлённой и долу красами творенья?» —
Въ полномъ безсильѣ отвѣтить лукавому бѣсу,
Близился Альфусъ къ дремучему лѣсу.
Онъ еще издали видѣлъ, что страннымъ и трепетнымъ свѣтомъ
Былъ озорёнъ каждый листикъ въ лѣсу неизвѣданномъ этомъ,
И разливалось съ деревьевъ, покрытыхъ цвѣтами,
Благоуханье волнами.

Тайнымъ испугомъ объятъ былъ монахъ, подошёдши къ опушкѣ:
Дыбомъ сѣдые его волоса поднялись на макушкѣ;
Шагъ онъ замедлилъ, какъ будто-бы не было входа
Въ тёмныя сѣни древеснаго свода;
Но, пересиливши ужасъ невольный, раздвинулъ тревожно
Онъ темнолиственный пологъ кустовъ и вступилъ осторожно,
Еле–замѣтно стежкою, въ лѣсъ незнакомый,
Свѣтомъ призывнымъ—ведомый.

Свѣтъ его вывелъ къ полянѣ, обставленной часто дубами.
Словно, какъ сброшенный съ неба, поросшій цвѣтущими мхами,
Заткапный сѣтію злаковъ, въ дубровной пустынѣ, —
Выспался камень по самой срединѣ:
Сѣлъ на него престарѣлый монахъ, изнурённый ходьбою,
Въ тяжкомъ раздумьѣ склонился къ землѣ головою,
И на колѣняхъ скрестилъ исхудалыя руки...
Вдругъ донеслись къ нему звуки...

Ближе, слышнѣе, стройнѣй и согласнѣе сверху звучало,
Будто-бы небо на землю пѣвучей волной упадало, —
И раздался межъ деревьевъ невѣдомый голосъ...
Снова на Альфусѣ дыбомъ сталъ волосъ,
Дрожь пробѣжала по фибрамъ его охладѣлаго тѣла...
А надъ дубровой, въ дубровѣ, вездѣ и повсюду гремѣла,
Вѣщими звуками прямо съ душой говорила
Оку незримая Сила...

И никакая гармонія въ мірѣ земномъ не могла-бы
Дать хоть понятье о голосѣ чудномъ: беззвучны и слабы
Были въ сравненіи съ нимъ голоса мірозданья,
Какъ передъ громомъ листовъ лепетанья;
Но тихо — стройнѣе вѣщаго голоса, чище, нѣжнѣе
Не было звука не только въ природѣ, — въ безплодной идеѣ:
Всякая нота въ неслыханномъ голосѣ этомъ
Звукомъ дрожала и свѣтомъ.

Нѣ было собственно словъ въ нёмъ, по речь изъ него выливалась.
Нѣ было собственно пѣнья, по пѣсня за пѣсней слагалась...
Таинства вѣры и тайны искусства, и тайны науки
Всё единили въ мелодію звуки:

Слушая тѣ пѣснопѣнья, внимая ихъ дивному строю,
Всё и сполна́ понималъ человѣкъ и умомъ и душёю,
Жилъ нераздѣльно, дышалъ нераздѣльнымъ дыханьемъ
Съ цѣлымъ Господнимъ созданьемъ.

Альфусъ внималъ имъ въ забвеньѣ... Впадали въ такое забвенье
Древле пророки, когда нисходило на нихъ откровенье...
Время летѣло, а Альфусъ всё слушалъ и слушалъ —
И хоть-бы помыслъ единый нарушилъ
Сосредоточенность чувствъ напряжённыхъ его и вниманья:
Мигъ или часъ онъ прослушалъ — въ нёмъ не было даже
сознанья...
Но понемногу затихнули звуки — и снова
Стала беззвучна дуброва.

Альфусъ хотѣлъ приподняться, но члены его ослабѣли;
Всталъ онъ съ великимъ трудомъ, и, тропинку найдя еле-еле,
Изъ лѣсу вышелъ, шатаясь... Румянцемъ заката
Было давно ужь полнеба объято;
Крѣпковѣтвистые дубы, стрѣльчатыя сосны и ели
Только на самыхъ верхушкахъ живымъ изумрудомъ горѣли...
Альфусъ прослушалъ весь день и часовъ не замѣтилъ,
Духомъ восторженъ и свѣтелъ.

Между-тѣмъ, за́ день, окрестность, какъ-будто бы вся измѣнилась:
Вмѣсто тропинки, дорога широкою лентой ложилась;
Лавы надъ рѣчкой смѣнилися аркой высокой;
Рѣчка, поросшая прежде осокой,
Гладкимъ, глубокимъ прудомъ разлилась, запертая плотиной.
Женщины мыли бѣлье на плоту; но изъ нихъ ни единой
Альфусъ не зналъ, хоть ему въ поселеньяхъ окрестныхъ
Не было лицъ неизвѣстныхъ.

—«Странно! — одна изъ молоденькихъ прачекъ подругамъ сказала, —
«Знаю я ольмюцкихъ братій, а этого старца не знала.»
Альфусъ прошелъ, на болтунью не бросивши взгляда...
Вотъ показалась вдали и ограда
Мирной обители; но совершились и въ ней перемѣны:
Новыя зданія выросли; шире раздвинулись стѣны;
Храмъ изукрасился извнѣ лѣпною работой;
Куполъ горѣлъ позолотой.

Альфусъ къ вратамъ монастырскимъ приблизился — новое диво:
Яворъ, посаженный имъ накануне, разросся красиво
И надъ вратами раскинулся сѣнью густою,
Альфусъ звонокъ тренетавшей рукою
Дёрнулъ слегка и смутился его измѣнившимся тономъ...
—«Что-же случилось, — спросилъ онъ привратника съ старцемъ Оттономъ?»
Новый придверникъ отвѣтствовалъ, послѣ поклона:
«Нѣтъ у насъ старца Оттона.»

Альфусъ въ ограду вступилъ: по аллеямъ ея вереница
Ольмюцкихъ братій тянулась, но все незнакомыя лица...
Сталъ онъ ихъ звать поименно, но всѣ въ изумленьѣ,
Молча, стояли предъ нимъ въ отдаленьи.
—«Братья! — воскликнулъ, онъ, — Богъ не явилъ-ли великаго чуда?
«Развѣ изъ васъ никому неизвѣстно, кто̀ я и откуда?
«Развѣ вы прежде меня никогда не видали,
«Альфуса-брата не знали?»

—«Альфуса?» молвилъ одинъ изъ старѣйшихъ монаховъ. Когда-то
«Я отъ игумна покойнаго слышалъ про Альфуса-брата:

«Мудрый былъ, свѣдущій старецъ, и въ мірѣ бываломъ
«Прослылъ науки зерцаломъ...
«Разъ по-утру, изъ обители онъ невзначай отлучился —
«Видѣли братья со стѣнъ, какъ въ лѣсу отдалённомъ онъ скрылся,
«Но ужь потомъ никогда и нигдѣ не видали...
«Только съ-тѣхъ поръ миновали...

«Цѣлыхъ сто лѣтъ...»

И съ безумнымъ, отчаяннымъ крикомъ
Альфусъ на землю упалъ, цѣпенѣя въ испугѣ великомъ...
—«Боже, — воскликнулъ онъ, — Боже! спаси и помилуй!...
«Духъ мой незримою силой.

«Ты укрѣпилъ и очистилъ: столѣтье, какъ день, миновало.
«Ибо глаголамъ Твоимъ сокрушённое сердце внимало...
«Но до конца мнѣ яви милосердіе то-же,
«Боже мой, праведный Боже!

«Ты восхотѣлъ показать мнѣ, какъ былъ я безуменъ, дерзая
«Радость земную ровнять съ вѣковѣчною радостью рая: —
«Сталъ мнѣ понятенъ и рай, и его наслажденья.
«Боже, прости мнѣ мои заблужденья!
«Грѣшенъ и малъ человѣкъ, но Твое милосердье велико:
«Нынѣ раба своего отпущаеши, съ миромъ, Владыко,
«И да прославится Имя Твое Тресвятое!»

Смолкъ — и свершилось земное.

СУМЕРКИ.

—

Оттепель... Поле чернѣетъ;
Кровля на церкви обмокла;
Такъ—вотъ и вѣетъ, и вѣетъ —
Пахнетъ весно́ю сквозь стёкла.
Съ каждою новой ложбинкой
Во̀дополь всё прибываетъ,
И огранённою льдинкой
Вёшняя звѣздочка таетъ.
Тѣни въ углахъ шевельнулись,
Тёмныя, сонныя тѣни,
Вдоль по стѣнамъ потянулись,
На́-полъ ложатся отъ лѣни...
Сонъ и меня такъ и клонитъ...
Тѣни за тѣнями — грёзы...
Дума въ невѣдомомъ тонетъ...
На́ сердцѣ — крупныя слёзы...
Охъ, если-бъ крылья—да—крылья,
Если-бы доля—да—доля,
Не было-бъ мысли: «*безсилья*,»
Не было-бъ слова — «*неволя!*»

СЪ КАРТИНЫ ОРАСА ВЕРНЭ. (*)

—

Въ одной сорочкѣ бѣлой и босая,
На прикрѣплённыхъ къ дереву доскахъ,
Съ застывшею слезой въ угаснувшихъ глазахъ,
Лежитъ она, красавица, страдая
Въ предсмертныхъ мукахъ...
Чёрная коса
Растрёпана; полураскрыты губы,
И стиснуты нѣмой, но жгучей болью зубы,
И проступаетъ потъ на тѣлѣ, что роса...
Бѣдняжечка! Надъ ней—и небо голубое,
И померанца сѣнь душистая — въ плодахъ,
И всё вокругъ нея въ сіяньѣ и цвѣтахъ, —
А ужь у ней распятье золотое
Положено на грудь... И вотъ-ужь, въ торопяхъ,
Съ прощальнымъ и напутственнымъ поклономъ,
Уходятъ отъ нея и духовникъ — монахъ,
Подъ сѣрой рясою и сѣрымъ капюшономъ,

(*) Картина находится въ галлереѣ гр. Г. А. Кушелева-Безбородко.

И впереди, съ зажжённою свѣчей.
Могильщикъ—каторжныхъ съ обритой головой:
Онъ ротъ закрылъ платкомъ, онъ весь дрожитъ отъ страха,
Какъ будто передъ нимъ — не смертный одръ, а плаха...

Одну, безъ помощи, безъ дружеской руки,
Оставить бѣдную въ послѣднія мгновенья —
О, Господи, въ нихъ нѣтъ ни искры сожалѣнья!..
Но что—это? Взгляните: у доски
Разбросаны одежды въ безпорядкѣ —
Плащъ фіолетовый съ мантильей голубой,
И платья женскаго межь нихъ бѣлѣютъ складки,
И рукоятка шпаги золотой
Видна изъ подъ одеждъ, а вотъ и ларчикъ рядомъ,
Съ рѣзьбой и съ дорогимъ узорчатымъ окладомъ;
Въ нёмъ серьги и запястья, и жемчугъ —
Больная всё снята, когда сразилъ недугъ,
Лишь обручальнаго кольца снять не хотѣла...
А!... У нея въ рукѣ — ещё рука,
Чужая, мёртвая, и вся ужь потемнѣла...
Вотъ отчего одна скривилася доска:
Съ нея свалился трупъ — страдальцевъ было двое!..
Припавъ къ землѣ кудрявой головой,
Лежитъ, поверженъ ницъ, мужчина молодой!..
Онъ весь накрытъ плащомъ; со смертью въ грозномъ боѣ.
Онъ не сробѣлъ до са́мого конца,
И ницъ упалъ, чтобъ мёртваго лица
Не увидала милая подруга...

Но замерла у ней рука въ рукѣ супруга:
Страналицѣ легко́ съ нимъ вмѣстѣ умирать —
И никому ихъ рукъ теперь не разорвать,

И скоро ужь конецъ, и скоро эти очи.
Неразрѣшимой тьмой загробной, вѣчной ночи
Съ улыбкой злобною завѣситъ смерть сама. .
Глядите... вслушайтесь—шепнула: «умираю;»
Нѣтъ, не глядите; прочь!.. Теперь я понимаю:
Прочь, поскорѣе прочь:
У ней—чума, чума!!

ДЕРЕВНЯ.

(Посвящается Надеждѣ Дмитріевнѣ П—вой.)

I.

Они прошли, прошли былые дни
Спокойствія вдали отъ шума свѣта!
Когда-жь опять вернутся къ намъ они?
Конечно, мы дождемся снова лѣта
И двадцати-трёхъ градусовъ въ тѣни,
Но эта лѣнь, невозмутимость эта —
Не вѣрится, что вновь когда-нибудь
Мы усладимъ ей жизненный нашъ путь.

Я возставалъ на жизнь тѣхъ домосѣдовъ
Помѣщиковъ, которые, какъ ай
Въ своемъ дуплѣ, въ углу отцовъ и дѣдовъ
Сидятъ весь вѣкъ, чѣмъ ихъ ни вызывай.
Теперь ихъ лѣнь я понялъ... Грибоѣдовъ
Давно сказалъ: «*деревня — лѣтомъ — рай:*»
Да! въ хорошо-устроенныхъ имѣньяхъ
Блаженна жизнь, какъ въ праведныхъ селеньяхъ.

Вы помните?.. Бывало мы въ саду
Сидимъ въ тѣни; по листьямъ вѣтеръ жаркой

Лепечетъ что-то, какъ больной въ бреду;
Надъ нами вязъ темнозелёной аркой
Спускается; лучъ солнца по пруду
Бѣжитъ струёй чешуйчатой и яркой;
Рой пчёлъ жужжитъ на полевыхъ цвѣтахъ
И воробьи чирикаютъ въ кустахъ.

Сидимъ... въ рукахъ дымятся папиросы,
А лѣнь курить; — лѣниво ищетъ взоръ
Знакомыхъ мѣстъ: вотъ нива. вотъ покосы,
Дорожка на зелёный косогоръ...
Съ малиной и съ клубникою подносы
Не тронуты стоятъ, и разговоръ
Чуть вяжется... Не худо-бъ прогуляться,
Да какъ съ скамьей дерновою разстаться?
Вотъ вечеромъ...

II.

Да: *вечеромъ* пришлось
Приписывать къ былому полустишью;
Но сколько лѣтъ межъ нами пронеслось,
Но какъ давно Покровскому затишью
Я сталъ чужой, и какъ давно мы врозь?..
Не сельской я, а городскою мышью,
По чердакамъ, не въ зелени полей,
Гложу листы... печатанныхъ статей.

Конечно, пища вовсе недурная
И много пользы отъ нея подчасъ;
Но всё-таки, о прежнемъ вспоминая,
Я умственно не отводилъ-бы глазъ,

Отъ оныхъ мѣстъ потеряннаго рая,
(Не Мильтона—могу увѣрить васъ! —)
Гдѣ услаждали молодость не книги,
А лѣсъ, да лугъ съ живою змѣйкой Скниги.

И точно: рѣчка чудно-хороша,
По вечерамъ.... Тогда жара отхлынетъ,
И, полной грудью на воду дыша,
Зелёный берегъ понемногу стынетъ;
То вѣтвь сосны, то стрѣлку камыша
Прозрачной тѣнью въ воду опрокинетъ,
И тѣнь за тѣнью — стройны и легки —
Лѣниво тонутъ въ пурпурѣ рѣки.

Какъ весело тогда по косогору,
Промошной песчаной, на конѣ,
Взбираться вверхъ къ темнѣющему бору
И кланяться то ели, то соснѣ,
Чтобъ вѣткою колючей, безъ разбору,
Не наклонялись, сонныя, онѣ...
Но вотъ и гребень глинистый обрыва,
Багровый весь отъ зорнаго отлива.

И что за видъ оттуда за рѣкой!
Незнаю вамъ, а мнѣ тоска сжимала —
Всю внутренность рукою ледяной,
Когда съ обрыва я глядѣлъ, бывало,
Внизъ на рѣку... За-то о, Боже мой,
Рвалася вонъ душа и ликовала
И призракомъ казалася печаль,
Когда смотрѣлъ я за рѣку, въ ту даль...

Въ ту даль, гдѣ я оставилъ много—много
И радостей, и жизни молодой,
Куда вилась знакомая дорога...
Но я боюсь вамъ надоѣсть собой, —
Забылся я: простите, ради Бога!
Мы съ вами на обрывѣ за рѣкой...
Ужѐ темнò. Огни зажглись въ избушкахъ,
Зоря погасла на лѣсныхъ верхушкахъ.

Подъ нами сѣтка изъ цвѣтовъ и травъ.
Весною опрокинутый стаканчикъ
Льётъ запахъ ландышъ, подъ кустомъ припавъ,
И мотылькомъ порхаетъ одуванчикъ;
И, къ холкѣ ухо лѣвое прижавъ,
Мотаетъ мордой вашъ гнѣдой *Буянчикъ* —
Упрямится, — нельзя-ль щипнуть травы,
Да не даютъ: его упрямѣй вы...

Хоть нѣсколько боитесь, если ухо
Прижмётъ онъ къ холкѣ... А домой пора,
Пока росы нѣтъ на полѣ и сухо...
Вотъ лай собакъ съ господскаго двора
И стукъ колёсъ донёсся намъ до слуха:
Къ вамъ гости — и навѣрно до утра!
Въ галопъ, Буянчикъ! право опоздаемъ:
Чу! десятъ бьётъ — всё общество за чаемъ...

Милый другъ мой! румянцемъ заката
Облилось мое небо, и ты,
Какъ зоря, покраснѣла за брата
Прежней силы и юной мечты.

Не краснѣй ты, и сердцемъ воскресни:
Я ничѣмъ, кромѣ ласки и пѣсни,
И любви безъ границъ, безъ конца,
За тебя не прогнѣвалъ Отца...

Преклонись же съ молитвой дочерней,
И попомни, что были всегда
И зорей, и звѣздою вечерней
Утромъ — тѣ-же зоря и звѣзда.

КАНАРЕЙКА.

—

Говоритъ султанша канарейкѣ:
— «Птичка! лучше въ теремѣ высокомъ
«Щебетать и пѣсни пѣть Зюлейкѣ,
«Чѣмъ порхать на Западѣ далекомъ?
«Спой-же мнѣ про за-море, пѣвичка,
«Спой-же мнѣ про Западъ, непосѣдка!
«Есть-ли тамъ такое небо, птичка,
«Есть-ли тамъ такой гаремъ и клѣтка?
«У кого тамъ столько розъ бывало?
«У кого изъ шаховъ есть Зюлейка —
«И поднять-ли такъ ей покрывало?»
Ей въ отвѣтъ щебечетъ канарейка:
— «Не проси съ меня заморскихъ пѣсенъ,
«Не буди тоски моей безъ нужды:
«Твой гаремъ по нашимъ пѣснямъ тѣсенъ
«И слова ихъ одалыкамъ чужды...
«Ты въ лѣнивой дрёмѣ разцвѣтала,
«Какъ и вся кругомъ тебя природа,
«И не знаешь—даже не слыхала,
«Что у пѣсни есть сестра—свобода.»

ТЫ ПЕЧАЛЬНА.

—

Кому-то.

Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты въ слезахъ, моя краса!
А слыхала-ль въ старой пѣснѣ:
«Слёзы дѣвичьи—роса?»

Поутрý на пóле пала
А къ полýдню нѣтъ слѣда...
Такъ и слёзы молодыя,
Улетаютъ навсегда,
Словно рóсы полевыя, —
Знаетъ Богъ одинъ—куда.

Развѣваетъ ихъ и сушитъ
Жаркимъ пламенемъ въ крови
Вихорь юности мятежной,
Солнце красное любви.

ЗАЧѢМЪ?

—

Зачѣмъ ты мнѣ приснилася,
Красавица далёкая, —
И вспыхнула что въ полымѣ,
Подушка одинокая?

Охъ, сгинь ты, полуночница!
Глаза твои лѣнивые
И пепелъ косъ разсыпчатый,
И губы горделивыя, —

Всё на яву мнѣ снилося,
И всё, что грёза вешняя,
Умчалося, — и на̀ сердце
Легла потьма кромешняя...

Зачѣмъ-же ты приснилася,
Красавица далекая,
Коль стынетъ вмѣстѣ съ грезою
Подушка одинокая?...

СКАЖИТЕ, ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗКИ.

—

Скажи́те, зелёные глазки:
Зачѣмъ столько страсти и ласки
Господь вамъ однимъ удѣлилъ,
Что всё я при васъ забылъ?

Лукавыя ваши рѣсницы
Мнѣ мечутъ такія зорницы,
Какихъ нѣтъ въ самихъ небесахъ, —
И все зеленѣетъ въ глазахъ.

Скажи́те: какимъ-же вы чудомъ,
Зажглися живымъ изумрудомъ
И въ дýшу мнѣ, вѣяли сны?
Зелёнымъ покровомъ весны?

Зачѣмъ?...
Да зачѣмъ — и вопросы?
Знакомы мнѣ слёзныя рòсы,
И вешняя зелень, и новь,
И всё, кипятящее кровь...

Да òпытомъ дòзналъ я тоже,
Что стынетъ весеннее ложе,
Что вянетъ, своей чередой.
Зелёная травка зимой.

И нѣтъ ужь въ ней ласки и страсти,
И рвётъ ее вѣтеръ на части,
И гнётся она и летитъ,
Куда её вихорь крутитъ...

Зачѣмъ-же, зелёные глазки,
У васъ столько страсти и ласки
Горитъ въ изумрудныхъ лучахъ,
Что все зеленѣетъ въ глазахъ?

ПОЛЕЖАЕВСКОЙ ФАРАОНКѢ.

—

Охъ, не лги-ты, не лги,
Даромъ глазокъ не жги,
Вороватая!
Лучше спой про своё,
Про дѣвичье житье
Распроклятое:
Какъ въ зелёномъ садȕ
Соловей, на бѣду,
Разъистомную
Пѣсню пѣлъ — распѣвалъ —
Съ милымъ спать не давалъ
Ночку тёмную...

ДЫМЪ.

—

Охъ, холоднò!... Жаль, градусника нѣту...
А у меня, съ заутрени, морозъ
На стёкла набросалъ гирлянды бѣлыхъ розъ,
И всѣ—одна-въ-одну, какъ есть, по траффарету...
И всѣ—одна-въ-одну—подъ небомъ голубымъ,
Всѣ трубы въ небеса стремятъ посильный дымъ.
И засмотрѣлся я на нихъ сегодня...
Трубы!
Всѣ огляпулъ я васъ и думалъ: — «Люди грубы:
Твердятъ имъ мѐлочность и гордость свысокà
Что жизнь юдòльная ничтожна и низка,
И вообще, внизу, узка у жизни трòпка.
О, трубы!. . Не понять не зябшимъ, что есть тóпка,
Что на землѣ она, но что порой и дымъ
Летитъ, о Господѣ, подъ небомъ голубымъ,
И — можетъ-быть — горѣ расказываетъ что-то.

Быть можетъ...
Вотъ и я, нѣитомъ чердачка,
Столицу обозрѣлъ, конечно свысокà,
И видѣлъ я: Нева и Крѣпость, и Исакій,
И Академія, и мостъ черезъ Неву,
И *стрѣлка* съ Биржею, и всё, что видитъ всякій,
Побывши въ Питерѣ, во снѣ иль на яву...

Я «питерщикъ» вполнѣ... На Питерѣ съѣлъ зубы:
Затѣмъ и говорятъ со мною даже трубы,
И дымомъ говорятъ:

— «Вотъ», говоритъ одна,

«Вы, сударь, видите, что я совсѣмъ бѣдна,
Что истопель принесъ мнѣ дворникъ за послугу?...
Да какъ же къ празднику не угодить другъ-другу?»
— «Аришка!» говорю я мысленно трубѣ,
Жила бы ты себѣ у батюшки въ избѣ,
Доила бы коровъ, купалась подъ Купа́ло
И...»

Только изъ трубы дымъ по́ вѣтру умча́ло...

Но пристально за нимъ я по́ вѣтру смотрю:
Онъ обнялся съ другимъ...

«Аришка! говорю,
Какъ разъ туда! для насъ, чернорабочихъ братій,
Тамъ постланъ цѣлый рядъ фланелевыхъ кроватей:
Тамъ есть и доктора́, тамъ есть и фельдшера́:
Тамъ, помнишь, родила́ Мароушина сестра?....
И померла́...»

Бѣжитъ родопріимный дымъ,

Стеля́ся са́ваномъ подъ небомъ голубымъ...

А рядомъ — чёрный дымъ, какъ съ чумнаго погоста,
Какъ съ погребальнаго, потухшаго костра,
Гдѣ заражённыхъ жгли съ полно́чи до утра́.
Да, за́лихо здѣсь жгутъ, подъ буйный во́зглась тоста,
Безумныхъ юношей...

И вьётся чумный дымъ
Ехидною клубясь подъ небомъ голубымъ,

Съ собою унося весь пепелъ лицемѣрья
Передъ природою, обмана чувствъ, безвѣрья —
И радужныхъ бумажекъ...

Вотъ валитъ

Дымъ тучей: гдѣ-то здѣсь—недалекò горитъ.
Кто̀ погорѣлъ—бѣднякъ, или богатый?
Что̀ вспыхнуло—лачуга, иль палаты?
Иль просто занялись сарай и сѣновалъ?
Иль пламя охватить готово весь кварталъ?
Не знаю... Пусть горитъ: быть-можетъ, и сгорѣло
Въ пожарѣ тёмное и казусное дѣло...

Вотъ, мѣрной сотней трубъ, строенiй длинный рядъ
Дымится, окаймивъ широкiй плацъ-парадъ,
И за колонною подвижная колонна,
Волнуяся, идетъ на приступъ небосклона,
И кажется—въ дыму̀ сомкнулися полки,
И вьются знамена̀, и искрятся штыки...

Вотъ, жиденькой и сѣденькой кудрёй,
Завился дымъ въ лазури голубой...
Однимъ-одинъ дрожитъ согбенный надъ камином
Сановникъ отставной, томимъ чиновнымъ сплиномъ.
Давно ли, кажется, въ пріемной у него
Просители пороги обивали?
И цѣлые часы почтительно зѣвали,
Въ надеждѣ встрѣтить взоръ орлиный *самого̀?*
Давно ли важенъ, гордъ и величавъ по мѣсту,
Онъ могъ разсчитывать на каждую невѣсту
И твёрдо сознавалъ, что каждой будетъ милъ?
Но онъ себя берёгъ и бракомъ не спѣшилъ...

Да для чего ему и торопиться было,
Когда по нём у стольких сердце ны́ло,
Когда у Кларочки, иль Фанни, столько разъ
Сверкали молніи любви изъ томныхъ глазъ!
Давно ли? — А теперь фортуна измѣнила,—
И Кларочка свой взоръ съ насмѣшкой отвратила...
Коварная судьба всё разомъ отняла́ —
И вотъ, ужь подъ судомъ за добрыя дѣла̀,
Покинутый, больной, дрожитъ передъ каминомъ
Сановникъ отставной, томимъ чиновнымъ сплиномъ.

Передъ каминомъ же задумалась и ты...
Кругомъ тебя ковры, и бронза, и цвѣты;
И роскошью все дышитъ горделивой...
Такъ что жь ты въ даль глядишь съ улыбкою ревнивой
На стиснутыхъ губахъ? Зачѣмъ въ глазахъ тоска?
Не образъ ли своей соперницы счастливой
Ты видишь въ трепетномъ мерцаньѣ комелька!
И вотъ летитъ струя лукаваго дымка́, —
И вотъ — разноситъ онъ, на волѣ и просторѣ,
Сожжёнными въ письмѣ, любовь твою и го̀ре...

И много говорятъ мнѣ тру́бы... Въ клубахъ дыма
Я вижу о̀бразы живые .. Много ихъ,
И малыхъ и большихъ, чредой воздушной, мимо
Промчались въ небесахъ морозно-голубыхъ.

Сказалъ бы я имъ въ слѣдъ... А, впрочемъ, что̀ скажу я?
Уже ли, отъ трубы къ иной трубѣ кочу́я,
Я стану говорить, что до̀роги дрова;
Что вотъ послѣдній грошъ сейчасъ сожгла вдова
Страдальца бѣднаго...

*

Что далѣе, вотъ тамъ,
Дымится фабрика, а здѣсь—науки храмъ,
А тутъ — гостиный дворъ, театры, магазины;
А это-де—не дымъ, а паръ — и отъ машины,
Что, можетъ-быть, уйдётъ за тридевять земель,
Въ то царство, гдѣ никто и не бывалъ досель,
Гдѣ, можетъ-быть, и нѣтъ, подъ многотрубной крышей,
Ни вздорожалыхъ дровъ, ни дворника съ Аршшей,
Ни безпріютныхъ вдовъ; гдѣ не бѣжитъ изъ трубъ
Какимъ-то узникомъ тюремнымъ дымный клубъ,
И будто говоритъ съ выси такія рѣчи:
«Нѣтъ солнца, холодно—за то есть плошки, свѣчи.
Пожалуй, и дрова казенныя, и пе́чи...»
Въ такое царство я съ тобою, бѣглый дымъ,
Понѣсся бы теперь подъ небомъ голубымъ...

Да!.. есть глубокій смыслъ въ сравненьѣ простодушномъ
Всей нашей жизни сей съ тобой, полувоздушнымъ.

Да!.. есть глубокій смыслъ въ преданіи святомъ,
Изъ вѣка въ вѣкъ таинственно хранимомъ,
Что весь нашъ грѣшный міръ очистится огнемъ
И въ небесахъ исчезнетъ дымомъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Т. П. Е—вой.)

Я видѣлъ мелькомъ васъ, но мимолетной встрѣчей
Я былъ обрадованъ: она казалась мнѣ
Чего-то новаго отрадною предтечей —
И хоть на мигъ одинъ я счастливъ былъ вполнѣ.
Простите-же мое невольное желанье —
Оставить по себѣ у васъ воспоминанье:
Всё легче на душѣ, всё какъ-то веселѣй...
Такъ путникъ, встрѣтивъ храмъ, среди чужой пустыни,
На жертвенникъ ему невѣдомой богини
Приноситъ скудный даръ—и въ путь идётъ смѣлѣй.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Гр. Е. П. Ростопчиной.)

Я не хочу для новоселья
Желать вамъ новаго веселья
И всѣхъ извѣстныхъ вамъ обновъ,
Когда-то сшитыхъ отъ бездѣлья
Изъ красныхъ словъ.

Но дай вамъ Богъ, подъ новымъ кровомъ,
Стереть слѣды старшихъ слёзъ,
Сломать шипы въ вѣнцѣ терновомъ
И оградиться Божьимъ словомъ
Отъ старыхъ грозъ.

А если новыя печали
На долю вамъ въ грядущемъ пали,
Какъ встарь, покорствуйте Творцу
И встрѣтьте ихъ, какъ встарь встрѣчали,
Лицомъ къ лицу.

Пусть вѣра старая основой
Надеждѣ старой будетъ вновь
И, перезрѣвъ въ бѣдѣ суровой,
Пускай войдётъ къ вамъ гостьей новой
Одна любовь.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Е. П. М—вой.)

Желаю вамъ рѣзвой виллисой
По жизненной сценѣ порхать,
Печаль и тоску за кулисой,
Какъ скучныхъ глупцовъ, оставлять

Желаю вамъ Время сѣдое
На пляску съ собой заманить
И силой страстей молодою
До смерти его закружить.

Желаю вамъ съ каждой деннщей
Въ цвѣтистыхъ мечтахъ умирать
И съ каждой полу́почью—жрицей
Волшебной любви оживать.

Когда-же улыбкой прощальной
Васъ дольная жизнь подаритъ
И занавѣсъ васъ погребальной
Со свѣтомъ на-вѣкъ раздѣлитъ,

Желаю чтобъ вызвалъ васъ, Джэнни,
На сцену забывчивый свѣтъ
И милой, плѣнительной *тѣни*
Признательно бросилъ букетъ.

СЕКСТИНА.

—

Опять, опять звучитъ въ душѣ моей унылой
Знакомый голосокъ, и дѣвственная тѣнь
Опять передо мной съ неотразимой силой
Изъ мрака прошлаго встаётъ, какъ ясный день;
Но тщетно памятью ты вызванъ, призракъ милой!
Я устарѣлъ: и жить, и чувствовать—мнѣ лѣнь.

Давно съ моей душой сроднилась эта лѣнь,
Какъ вѣтеръ съ осенью угрюмой и унылой,
Какъ взглядъ влюблённаго съ привѣтнымъ взглядомъ милой,
Какъ съ боромъ вѣковымъ таинственная тѣнь:
Она гнетётъ меня и каждый Божій день
Овладѣваетъ мной всё съ новой, съ новой силой.

Порою сердце вдругъ забьётся прежней силой;
Порой спадутъ съ души могильный сонъ и тѣнь;
Сквозь ночи вѣчныя проглянетъ свѣтлый день:
Я оживу на мигъ, и пѣснею унылой
Стараюсь разогнать докучливую лѣнь,
Но кратокъ этотъ мигъ, нечаянный и милой...

Куда-жь сокрылись вы дни молодости милой,
Когда кипѣла жизнь неукротимой силой,
Когда печаль и грусть скользили, словно тѣнь,
По сердцу юному, и тягостная лѣнь
Еще не гнѣздилась въ душѣ моей унылой,
И новымъ краснымъ днёмъ смѣнялся красный день?

Увы!... пришёлъ и онъ, тотъ незабвенный день,
День разставанія съ былою жизнью милой....
По морю жизни я, усталый и унылой,
Плыву.... меня волна невѣдомою силой
Несётъ—Богъ-вѣсть куда, а только плыть мнѣ лѣнь,
И всё вокругъ меня—густая мгла и тѣнь.

Зачѣмъ-же, разогнавъ привычную мнѣ тѣнь,
Сквозь ночи вѣчныя проглянулъ свѣтлый день?
Зачѣмъ, когда и жить, и чувствовать—мнѣ лѣнь,
Опять передо мной явился призракъ милой,
И голосокъ его съ неотразимой силой
Опять, опять звучитъ въ душѣ моей унылой?

ЗЯБЛИКУ.

—

Мнѣ гроза дана̀ въ наслѣдство:
Громъ и молнію стеречь
Научило рано дѣтство,
И понятна́ мнѣ ихъ речь.

Только молнія — первинка
Въ сердце врѣжется стрѣлой, —
Оживалъ я, какъ былинка,
Освѣженная грозой.

Только въ сѣрой тучѣ грянетъ, —
Громозвучная краса,
За собою такъ и манитъ
Душу прямо въ небеса!

А пройдётъ гроза, бывало,
Въ нашемъ садикѣ цвѣты
Всѣ поднимутъ покрывало:
Запоёшь тогда и ты.

И тогда, смѣясь надъ няней,
Убѣгалъ я въ мокрый садъ,
Подъ малинникъ, гдѣ заранѣй
Мнѣ готовъ былъ водопадъ.

И бумажный я корабликъ
Въ лужу мутную спускалъ;
Но тогда, мой милый зябликъ,
Я тебя не понималъ.

Не слыхалъ твоей я пѣсни,
Хоть звучала мнѣ она:
«Божье дѣревцо, воскресни:
Гдѣ гроза, тамъ и весна!»

ТАИНСТВЕННАЯ КНИГА.

(Средневѣковая сказка.)

Жили да были, когда-то, царь въ своёмъ маленькомъ царствѣ,
Царь и царица... А было ли царство Монако,
Иль Иветó, — я не знаю; но было не больше.
Дѣло не въ томъ; а что люди хорошіе были
Царь и царица—объ этомъ и къ намъ донеслося преданье.
Царь былъ учёный философъ, и вёлъ онъ разумныя рѣчи
Съ милыми сердцу друзьями: (друзья—не придворные были.)
Да... А царица цвѣты выводила, писала
Лики святыхъ, занималась подённымъ хозяйствомъ,
Перебирала струну за струной мандолину.
Но только больше всего занималась возлюбленной дочкой.
Дочка росла ихъ величествамъ чисто — на радость,
Такъ—что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать: «*царь — дѣвица...*»
Звали Іоландой...

Росла она ландышемъ свѣжимъ,
Нѣжно головкой своей бѣлокурой къ землѣ преклоняя
Словно на землѣ роняла перлóвыя слёзы,
Словно—вотъ въ ней, колокольчикѣ бѣломъ, звучало
Радость и счастье, и всё упóванье на счастье и радость.
Ну, и слетались-же къ ландышу, шумнымъ и рáдужнымъ рóемъ,

Рыцари: графы, маркизы, вассалы—бароны,
Герцоги, принцы — чистѣйшей наслѣдственно царственной крови:
Всѣ добивались чести — отдать ей руку и сердце...
Только Йоланда не очень гналась за богатствомъ и властью —
Мужа себѣ выбирала такого: вотъ былъ бы онъ мо̀лодъ,
Былъ-бы пригожъ и умёнъ, былъ бы витяземъ храбрымъ и пѣжнымъ,
И постоянно ей вѣрнымъ...

Неправдаль—не много хотѣла?
Но проносилося время—такихъ жениховъ не являлось,
Да и Йолоида сама торопилась не очень-то за̀ мужъ.
Крайне родители тѣмъ огорчались, но ей уступали.
Какъ ни промолвитъ она:
«Не по сѐрдцу мнѣ суженый этотъ.»
Только однажды къ ней съ просьбой ужь крѣпко они приступили.
—« А! Вы хотите, родители милые, всенепремѣнно?
— Буди по вашему; но извѣстите, дражайшій родитель,
Всѣхъ вѣрноподданныхъ вашихъ, союзниковъ вашихъ, сосѣдей,
Что я съ охотою за-мужъ пойду за любого,
Если женихъ предо мною предстанетъ съ таинственной книгой,
Книгою, гдѣ поучается каждый супругъ осчастливить супругу.»
— «Что̀ ты?» воскликнулъ самъ Царь. — «О какой-это книгѣ ты бредишь?
Знаю, о Господѣ, всѣ ихъ, а эдакой нѣтъ и въ поминѣ.»
— «Я сё знаю,» ему отвѣчала Йоланда,
Да не скажу.»
«И Царю и отцу?» вопросилъ онъ.
— «Да и Царю и отцу.»
— «Да—послушай: ты вѣрно рѣхнулась?»
Молвила мать и царица.

— «Нѣтъ матушка, что̀ ты!»
— «Можетъ быть, правда... А если никто не найдётъ твоей книги?»
— «Сыщется, матушка: вѣрю я въ Господа-Бога;
А не судьба мнѣ,—останусь Христовой невѣстой.»
— «Э!» перебилъ её Царь.» Я теперь тебя по̀нялъ, Йоланда!
Встань, поцелуй меня: мысль не дурная... Мы завтра
Рано, чѣмъ-свѣтъ, повѣстимъ всѣхъ и каждаго въ нашихъ владѣньяхъ,
И по союзникамъ нашимъ, и нашимъ сосѣдямъ—ука̀зомъ.»
Видя сама, убѣдившись, что даже самъ Царь одобряетъ
Мысли Йоланды, царица покорно умолкла.

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, возгласили на всѣхъ перекрёсткахъ герольды:
— «Такъ-молъ и—такъ: женихов̀ъ вызываетъ Царевна: —
Кто предъ нею предстанетъ съ таинственной книгой,
Книго́ю гдѣ поучается каждый супругъ — осчастливить супругу,
Тотъ и да будетъ возлюбленнымъ ей господиномъ и мужемъ...
Всѣмъ женихамъ отпускается мѣсяцъ на по̀иски книги;
А состязанье обсудится нашими всѣми чина̀ми.»

Всѣ: и вассалы—бароны, и герцоги, графы, маркизы,
Принцы чистѣйшей и царственной крови—всѣ сплошь изумились,
Выслушавъ волю Царевны о нѣкой таинственной книгѣ:
Всѣ-они только могли прочитать литургію пожалуй,
Да подписать кое-какъ благороднаго рыцаря имя.
Если бы дѣло дошло до меча̀, охъ!.. такъ *милости просимъ:*
Дали-бы знать мы себя!... А вѣдь тутъ—находи-себѣ книгу
Въ библіотекѣ какой-то, въ какомъ-то амбарѣ,
На чердакѣ?... Да и книга-то такъ не сподручна:
Есть-ли на свѣтѣ она, или нѣту? Скорѣе, что нѣту?
Многіе думали такъ, что Царевна смѣётся надъ ними,
Многіе думали такъ, что Царевна совсѣмъ помѣшалась.
Впрочемъ иные пошли въ монастырь за совѣтомъ къ монахамъ.

Были, пожалуй, такіе, что книжною пылью
Библіотекъ стародавнихъ себѣ засорили зеницы...

Былъ и Марсэль: научённый писецъ и пѣвецъ, несказанно
Милый всѣмъ дамамъ, и всѣмъ горожанкамъ достойно любезный...
Хоть и бывали за этимъ пѣвцомъ, за Марсэлемъ, проказы.
Рѣдко когда выходила Царевна, чтобъ онъ не попался на встрѣчу,
Рѣдко—когда не склонялъ онъ за нею во храмѣ колѣна;
Рѣдко—когда онъ ей подъ ноги тайно не бросилъ букета,
Если гуляла она...
И любовь его стала извѣстна
Всѣмъ, да и каждому; но запечаталъ её онъ молчаньемъ...

Крѣпко её запечаталъ; да тихо, легко и свободно
Эту печать бѣлой ручкой шутя поднимала Йоланда...
А потому, что замѣтила рысьимъ и женственнымъ глазомъ, —
Кто облюбилъ её, кто ей ударами-сердца, отвѣтилъ,
Словно подслушалъ, на всѣ поребьи, дѣвичьяго сердца.
Вотъ онъ какой былъ Марсэль... И цвѣла ему бѣлая роза,
Бѣлая роза, царевна всѣхъ розъ и красавицъ — Йоланда...

Странно сказать, что Йоланда его не замѣтила — вовсе:
Женщины всѣхъ замѣчаютъ, чьи взоры на нихъ обратились...
Но–вотъ вопросъ: признала-ли Йоланда покорное сердце ли?

Какъ–бы то ни было, юный пѣвецъ прежде всѣхъ отъ герольда
Вѣсть услыхалъ о рѣшеньѣ прекрасной Царевны.
Выслушавъ всё, онъ задумался крѣпко, и чуть–ли не мѣсяцъ
Не выходилъ онъ изъ бѣдной, холодной каморки.
Вотъ и пришёлъ испытанія день для Марсэля:
Въ лучшей одеждѣ отправился изъ дому онъ, поспѣшая
Прямо ко входу дворца...
Былъ онъ блѣденъ, но только горѣли
Очи его вѣщимъ блескомъ и будто гласили:

«Я на щитѣ иль съ щитомъ! Побѣжду, иль паду побѣжденнымъ!..»
Всѣхъ сторожа́ допускали, ктобъ ни́ былъ въ дворянской одеждѣ,
И ужь конечно впустили Марсэля.

Сіяла вся зала
Золотомъ яркимъ придворныхъ, нарядами дамъ, и всѣмъ блескомъ
Царственной роскоши. Важно на отчемъ престолѣ,
Крытомъ коврами индійскими, Царь возсѣдалъ со царицей.
Прямо, у ногъ ихъ, Царевна склонялась, на мягкой скамейкѣ:
Розовымъ было атласомъ съ серебряной кромкой покрыто
Все ея «*мѣсто.*» Въ ея волосахъ серебрились
Дѣвственнымъ блескомъ весенніе, бѣлыя розы:
Чисто и просто искусство изъ нихъ перелилось въ природу.
Видно по личику было, что тайно она волновалась,
Что безпокойно глядѣли на два́-ряда суженыхъ глазки. .

Вмѣстѣ съ гостями вошелъ и Марсэль, и запрятался въ уголъ,
И хорошо поступилъ: за пажа́ его приняли гости.
Но изо всѣхъ гостей тотчасъ его отличила Іоланда.
Взоры ея на красиваго юношу ми́гомъ упали,
Мигомъ окрасились яркимъ румянцемъ ланиты...
А у Марсэля, напротивъ, лицё, словно снѣгъ, побѣлѣло.

Какъ–бы то ни́ было, Царь памятуя былые порядки,
Всѣхъ пригласилъ, по чинамъ, преклонить предъ Царевной ко-
лѣно.
Я не намѣренъ представить вамъ это колѣнопреклоненье,
А напаче за тѣмъ, что продлилось оно безъ конца и безъ мѣры.
Тотъ приготовилъ ей библію, этотъ—служебникъ, а этотъ,
Старые во́рохи книгъ и тетрадей, отъ нихъ–же ни слова
Онъ не прочёлъ, и прочтётъ-ли когда-либо? Врядъ–ли!
Всѣмъ отвѣчала Царевна, лукавою головкой качая:
Нѣтъ, не объ этой я книгѣ, мессиръ, говорила.»

И женихи возвращались въ смущеньѣ на прежнее мѣсто.
Словомъ, изъ нихъ ни одинъ и не понялъ всю сущность загадки...
Я ошибаюсь: одинъ оставался—Марсэль, и, шатаясь,
Онъ къ престолу приблизился, словно бы трепетный голубь,
Да у престола его, трепеща, ожидала голубка.
— «Какъ! Да и ты сумасшедшій?» смущённый Владыка воскликнулъ.
Вмѣсто отвѣта, Марсэль поклонился Величеству въ поясъ,
И преклонилъ предъ своей бѣлокурой Іоландой колѣни.

— «Ну, говори,» возгласилъ ему Царь, «ты пришёлъ-ли
Съ книгой таинственной?»
— «Царь-Государь! не казни, а помилуй.»
Робко Марсэль отвѣчалъ. «Мнѣ сдается, что книга...»
— «Какая?»
— «*Женское сердце*,» Марсэль отвѣчалъ ему смѣло,
И потопулъ своимъ взоромъ въ лазурныя очи Іоланды.
Та пошатнулась и крикнула: нѣ было силъ воздержаться.
— «Скипетромъ я поклянусь и короной моею:
Ты угадалъ, молодецъ, но согласна-ли милая дочка?»
Кончить Іоланда отцу не дала: Марсэля руками
За руку крѣпко она ухватила, и облилъ слезами
Бѣлую ручку Марсэль ..
— «Господа-госпожи! посмотрите:
Вотъ мой наслѣдникъ и зять!» Царь друзьямъ и придворнымъ промолвилъ.

Ну, а теперь, господа, молодыхъ мы поздравимъ
Съ книгой таинственной: «*женское сердце*,» да кстати,
Выпьемъ за ихъ непорочное, брачное ложе!

Когда ты, склонясь надъ роялью,
До клавишей звонкихъ небрежно
Дотронешься ручкою нѣжной,
И взоръ твой нальется печалью,

И тихіе, тихіе звуки
Мнѣ на̀ душу капутъ, что слёзы,
Волшебны, какъ дѣвичьи грёзы,
Печальны, какъ слово разлуки, —

Не жаль мнѣ бываетъ печали
И грусти твоей мимолётной:
Теперь ты грустишь безотчетно —
Всегда–ли такъ будетъ, всегда-ли?

Когда-жь пламя юности жарко
По щёчкамъ твоимъ разольётся,
И грудь, какъ волна, всколыхнётся,
И глазки засвѣтятся ярко,

И быстро забѣгаютъ руки,
И звуковъ весёлые волны
Польются, мелодіи полны —
Мнѣ жаль, что такъ веселы звуки,

Мнѣ жаль, что ты такъ предаешься
Веселью, забывъ о печали:
Мнѣ кажется всё, что едва–ли
Ты такъ еще разъ улыбнешься...

Не знаю, — отчего такъ грустно мнѣ при ней?
Я не влюблёнъ въ неё: кто любитъ, тотъ тоскуетъ,
Онъ боленъ, изнурёнъ любовію своей,
Онъ день и ночь въ огнѣ — онъ плачетъ и ревнуетъ...
Я не влюблёнъ... при ней бываетъ грустно мнѣ —
И только... Отчего — не знаю. Оттого-ли,
Что дума и у ней такой-же проситъ воли,
Что сердце и у ней въ такомъ-же дремлетъ снѣ?
Иль отъ предчувствія, что нѣкогда напрасно,
Но пылко мнѣ её прійдётся полюбить?
Богъ вѣсть! а полюбить я не хотѣлъ-бы страстно:
Мнѣ лучше нравится — по своему грустить.
Взгляните, вотъ она: небрежно локонъ вьётся,
Спокойно дышитъ грудь, ясна лазурь очей —
Она такъ хороша, такъ весело смѣётся...
Не знаю, отчего такъ грустно мнѣ при ней? —

БѢГИ ЕЯ.

—

Бѣги ея... Чего ты ждёшь отъ ней?
Участія, сочувствія, быть можетъ?
Затѣмъ же мысль о ней тебя тревожитъ?
Зачѣмъ съ нея не сводишь ты очей?

Любви ты ждешь, хоть самъ еще не любишь.
Не правда–ли?.. Но знаешь: можетъ быть,
Тебѣ прійдётся страстно полюбить —
Тогда себя погубишь — ты, погубишь...

Взгляни, какъ эта ручка холодна,
Какъ сжаты эти губы, что за горе
Искусно скрыто въ этомъ свѣтломъ взорѣ ..
Ты видишь, какъ грустна она, блѣдна...

Бѣги ея: она любила страстно
И любитъ страстно — самоё-себя,
И, какъ Нарциссъ, терзается напрасно,
И, какъ Нарциссъ, увянетъ, всё любя.

Не осуждай: давно, почти дитятей,
Она душой и мыслью стала жить;
Она искала родственныхъ объятій:
Хотѣлось ей кого-нибудь любить...

Но нѣ съ кѣмъ было сердцемъ породниться,
Но нѣ съ кѣмъ было чувствомъ подѣлиться,
Но нѣ кому надежды передать,
Дѣвичьи сны и грёзы разсказать.

И показалось ей, что нѣтъ на свѣтѣ
Любви — одно притворство; нѣтъ людей —
Всё — дѣти, всё — безсмысленныя дѣти,
Безъ сердца, безъ возвышенныхъ страстей.

И поняла она, что безъ привѣта
Увянуть ей, какъ ландышу въ глуши,
И что на голосъ пламенной души
Ни отъ кого не будетъ ей отвѣта.

И только Богу вѣдомо, какъ ей
Подъ часъ бывало тяжело и больно...
И стала презирать она людей
И вѣру въ нихъ утрачивать невольно.

Науку жизни зная наизусть,
Таитъ она презрѣніе и грусть,
И — вѣрь — не измѣнятъ ни разговоры,
Ни бѣглая улыбка ей, ни взоры.

Но съ каждымъ днёмъ въ душѣ ея сильнѣй
И доброты, и правой злобы битва...
И не спасётъ ея отъ бѣдъ молитва...
Бѣги ея, но... пожалѣй о ней.

ОКТАВЫ.

—

(С. Г. П — ской.)

Въ альбомы пишутъ всѣ обыкновенно
Для памяти. Чего забыть нельзя?
Все болѣе иль менѣе забвенно.
Писать въ альбомы ненавижу я,
Но вамъ пишу и даже — откровенно. —
Не знаю я — вы поняли-ль меня?
А я, хоть васъ недавно знаю,
Повѣрьте мнѣ, васъ очень понимаю.

Мнѣ говорили многое о васъ;
Я слушалъ всё, внимательно-покоренъ:
Народа гласъ, извѣстно Божій гласъ!
Но слишкомъ любопытенъ былъ и вздоренъ,
И не согласенъ этотъ весь разсказъ;
Притомъ-же бѣлый свѣтъ всегда такъ чёренъ:
Я захотѣлъ поближе посмотрѣть —
О чёмъ такъ стоитъ спорить и шумѣть?

Я познакомился — вы были мнѣ сосѣдка.
Я захотѣлъ понять васъ; но труды
Мои всѣ пропадали, хоть не рѣдко
Я нападалъ на свѣжіе слѣды. —

Сначала думалъ я, что вы — кокетка,
Потомъ, что вы — ужь черезъ-чуръ горды;
Теперь узналъ: вы заняты собою,
Но дѣвушка съ разсудкомъ и душою. —

И нравитесь вы мнѣ, но не за то,
Что вы любезны, хороши собою:
Меня не привлечётъ къ себѣ никто
Умѣньемъ говорить и красотою.
Хорошенькое личико — ничто,
Когда нѣтъ искры чувства за душою,
А женскій умъ — простите-ль вы меня? —
Почти всегда — пустая болтовня.

Но вы мнѣ нравитесь, какъ исключенье
Изъ женщинъ, именно за то, что вы
Умѣли обуздать въ себѣ стремленье
И пылкость чувствъ работой головы,
За то, что есть и въ васъ пренебреженье
Къ понятьямъ свѣта, говору молвы,
Что вамъ доступны таинства искусства,
Понятенъ голосъ истины и чувства.

За это я люблю васъ и всегда
Любить и помнить буду васъ за это. —
Кто знаетъ? можетъ быть — пройдутъ года —
Васъ отравитъ собой дыханье свѣта,
И много вы измѣнитесь тогда,
И всё, чѣмъ ваша грудь была согрѣта,
Прійдётся вамъ покинуть и забыть;
Но я сказалъ, что буду васъ любить...

Любить за прежнее, былое... много
Я вамъ обязанъ... нѣсколько минутъ
Идёмъ мы вмѣстѣ жизненной дорогой,
Но съ вами версты поскорѣй бѣгутъ. —
Я не считаю ихъ: вѣдь, слава Богу,
Куда нибудь онѣ да приведутъ, —
И все равно мнѣ — долже иль скорѣе...
А всё таки мнѣ съ вами веселѣе!

Другая-бъ приняла слова мои
За чистое любовное признанье,
Но вамъ не нужно объяснять любви,
Но съ вами мнѣ не нужно оправданье. —
Попутчики пока мы на пути,
И разойдёмся; лишь воспоминанье
Останется о томъ, кто шёлъ со мной,
Тогда-то-вотъ, дорогою одной. —

И то на врядъ: — своё возьмётъ забвенье. —
Забудете меня вы... Впрочемъ я
И не прошу васъ — сдѣлать одолженье
И вспомнить обо мнѣ: вѣдь вамъ нельзя
Мнѣ удѣлить хотя одно мгновенье...
Мнѣ одному?... Вы поняли меня? —
Конечно да: — вы сами прихотливы
И сами, какъ и я, самолюбивы...

КАНУНЪ 184... ГОДА.

—

Ужь полночь на дворѣ... Еще два-три мгновенья, —
И отживающій навѣки отживётъ,
И капетъ въ прошлое — въ ту вѣчность безъ движенья...
Какъ грустно безъ тебя встрѣчать мнѣ новый годъ. .
Но, другъ далекой мой, ты знаешь, что съ тобою
Всегда соединёнъ я вѣрною мечтою:
Подъ обояніемъ ея могучихъ чаръ,
Надеждой сладкою свиданія волнуемъ,
Я слышу бой часовъ и каждый ихъ ударъ
Тебѣ передаю горячимъ поцелуемъ.

ГРАФИНЯ МОНТЭВАЛЬ.

(Легенда.)

Стала зима... зашумѣли дожди... Въ Ардіэрской долинѣ
Мутный потокъ по наклонному руслу змѣей извивался,
Жадно глотая дорогой деревья, ворочая корни;
Съ высей окружныхъ за нимъ, какъ змѣята, сползали
Тонкія струи и въ злобѣ безсильной шипѣли,
Твёрдыя персп гранита, одна за другой, уязвляя.
Городъ Божэ былъ затопленъ; лачужки и ветхія зданья,
Словно въ испугѣ, къ подошвѣ обрыва скалистаго жались;
Вѣтеръ по улицѣ выл и шатался, какъ пёсъ отощалый;
Къ ночи сильнѣй холодало, а снѣжныя хлопки крутились,
Прялися въ сѣтку, спускалися бѣлой сплошной занавѣской,
Такъ-что и замка Божэ и скалы его не было видно...
Только кой гдѣ просверкнётъ и погаснетъ, какъ искра, окошко.

Въ эту-то пору, въ декабрьскій холодный и пасмурный вечеръ,
Съ поздней работы домой возвращался усталый могильщикъ,
Въ дверь постучался — ему отворили... Худая-худая
Дѣвочка, лѣтъ девяти, на порогѣ обитомъ стояла,
Слабый ночникъ закрывая отъ вѣтра продрогшей рукою.
—«Батюшка!» крикнула: «ждали-мы—ждали тебя—не дождались:
Радость Господь посылаетъ намъ: маленькій братецъ родился.

Матушка крѣпко кричала, да бабушка съ ней... не отходитъ,
Такъ-что мы объ съ утра не видали ни крошечки хлѣба...
Ты вѣдь принёсъ намъ, не правда-ли?. Я голодна, какъ котёнокъ...»
Молча-нахмурясь, ступилъ за порогъ своей двери могильщикъ...
Молча-рыдая, крестилъ — целовалъ отца и мать, и ребёнка.
Молча сѣлъ за столъ... На грудь тяжело голова опустилась;
Сами собой зароились въ ней неотвязныя думы...
Думалъ онъ:

«Господи! вотъ умерла и Графиня Сусанна,
Мать сердобольная сирыхъ и бѣдныхъ... её хоронили,
Какъ подобаетъ графинѣ... И графъ Монтэвáль не утѣшенъ...
Истинно горько... И намъ, бѣднякамъ, помогла-бы навѣрно...
Съ мёртвой что взять?..»

И задумался на крѣпко бѣдный могильщикъ.

Было надъ чѣмъ:

Монтэвáли въ супружествѣ два́ года жили,
Такъ что кругомъ себя Божьяго мíра, глядя-не видали:
Точно-какъ голубь съ голубкой гнѣздо потаенное вили...
Но захворала Графиня какимъ-то особымъ недугомъ...
Прежде — безсонница, слабость, по тѣлу какъ будто мурашки...
Послѣ за сердце хватало... и вдругъ её грянуло о́бъ полъ!..
Графъ испугался... Врачи, какъ грачи, налетѣли всей стаей,
Стали усердно Графиню лечить, но всё чаще и чаще
Обморокъ съ нею случался, и жаркая жизнь застывала
Съ часу-на-часъ въ молодомъ и изнѣженномъ тѣлѣ...
Ночью однажды она приподнялась тревожно въ постелѣ,
Крикнула: «Дайти воды мнѣ, воды!» опрокинулась навзничь,
И . . . . . .

Трёхъ минутъ не прошло-какъ врачи изступлённому
Графу
Тщетно шептали: «молитеся Господу, Графъ: отстрадала!»

Въ прежніе старые годы смотрѣли на смерть христіански —
День похоронный, въ тѣ годы, считался кануномъ воскреснымъ:
Какъ подъ вѣнецъ убирали покойныхъ и въ гробы ихъ клали —
Съ радостной мыслію—встрѣтить ихъ на небѣ въ брачномъ парядѣ.
Вѣренъ былъ Церкви и Графъ: оградившись крестомъ животворным,
Мощно сдавилъ онъ змію подсердечную, слёзы и горе —
Всё позабылъ для великаго часа святаго обряда,
И приказалъ — совершать надъ усопшей обычныя требы...
Тѣло графини обмыли; одѣли въ богатое платье;
Свѣжимъ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ бѣло - мраморный лобъ ей обвили,
Перстни на пальцы надѣли, — всѣ лучшіе перстни покойной...
Два дня спустя, по скалистой и узкой дорогѣ, изъ замка
Поѣздъ печальный тянулся торжественно къ церкви Божэйской:
Тамъ, подъ церковными хорами, въ пращурномъ склепѣ семейномъ,
Долженствовали покоиться юной Графини останки...
Всѣ обыватели были на скорбной ея панихидѣ,
И съ ѳиміамомъ кадила молитвы ихъ къ небу неслися,
За упокой ея *духа* въ небесныхъ селеніяхъ съ миромъ...
Вотъ литію ужь пропѣли, и вотъ отошла панихида,
Вотъ по ступенькамъ и гробъ незаклёпанный сносятъ монахи,
Вотъ онъ и скрылся... Тогда-то раздалось по церкви рыданье—
Графъ зарыдалъ и шатнулся: — сломилась желѣзная воля, —
И на рукахъ домочадцы снесли его за мертво въ замокъ.

— «Съ мёртвой что взять?..» Думалъ Жакъ...
И невольно предъ нимъ появился
Образъ усопшей Графини, въ вѣнкѣ на челѣ поблѣднѣломъ,
Въ платьѣ богатомъ... На замершихъ персяхъ скрещённыя руки
Золотомъ, жемчугомъ, свѣтлыми камнями перстней сіяли...

Всталъ онъ... фонарь снялъ со—ржаваго гвоздика...
— «Ждите!» промолвилъ.
«Буду я скоро...» И вышелъ...
Ненастье и было ненастьемъ...
Только ни снѣга, ни слякоти Жакъ отъ волненья тогда не замѣтилъ:
Грудь на распашку, безъ шапки, зажжённый фонарь подъ полою,
Словно горячечный, шёлъ онъ къ собору старинному прямо...
Сторожъ дозорный попался ему и, крестясь, отшатнулся:
«Господи! знать не задобрымъ пришлось человѣку изъ дому
Выйдти, что вышелъ онъ къ нóчи, въ глухую, напастную пору...
Какъ бы–бѣды не случилось въ городѣ?..» Сторожъ подумалъ,
Да какъ всмотрѣлся, рукою махнулъ: «Э! да вѣдь это могильщикъ...
Имъ и Господь приказалъ полуночничать: видно, что церковь
Надо ему отпереть—потому и торопится бѣдный...»

Тёмной и сонной, но чутко—уснувшею каменной грудой
На́ небѣ облачномъ еле–видѣлась громада собора;
Южныя двери сомкнулися въ дрёмѣ... Когда-же могильщикъ
Къ нимъ подходилъ, показалось ему, будто крѣпкіе створы
Медленно, словно покойника тяжкія вѣки, раскрылись,
Будто рѣсницы моргаютъ и холодомъ на́–сердце пашутъ,
Будто глядитъ на него провалившійся глазъ изъ–за двери...

Скрипнули петли... Пронесся подъ сводомъ глухой отголосокъ...
Звучными хорами Жакъ къ алтарю перешёлъ торóпливо;
Сзади престоло-свѣтильника, прúподнялъ дверь опускную
И въ погребальные склепы по-лѣстницѣ узкой спустился.
Было въ нихъ мрачно и сыро, и за́тхло, и вѣяло смертью;
Кой-гдѣ туманною звѣздкой мерцала во мракѣ лампада;
Справа и слѣва, стояли, надмѣнно красуясь гербами,
Доблестныхъ графовъ, графинь, баронессъ и барóновъ гробницы:
Лиліи, бердыши, копья, шеломы, мечи и знамёна

Вдоль по стѣнамъ, обомшившимся плѣсенью сѣрой, тянулись;
На горностаевыхъ мантіяхъ громко гласили девизы
О пресловутыхъ дѣяньяхъ усопшихъ... Изъ каждой гробницы
Слышалось вѣщее слово Евангелья: «Во̀ время оно...»

Гробъ Монтэва̀ль, по обря̀ду, одѣтъ былъ парчёвымъ покровомъ;
Подлѣ лежала плита полощёнаго чёрнаго камня:
Ею заутро останки усопшей графини Сусанны
Были должны отдѣлиться на вѣки отъ дольнаго міра...
Сдёрнулъ парчу золотую привычной рукою могильщикъ;
Смѣло ножёмъ отвинтилъ заколоченный гробъ и небрежно
Сбросилъ тяжёлую крышу на старыя плиты помоста,
Такъ-что на трупѣ покойницы вся пелена колыхнулась
И лепестки у нея задрожали въ вѣнкѣ погребальномъ...
Жакъ ничего не видалъ; пелену торопливо откинулъ
И съ охладѣлой руки сталъ снимать драгоцѣнные перстни ..
А хорошо снарядилася въ гробъ молодая Графиня—
Словно-какъ вспрыснулась мёртвой водой и живой поджидала.
Синяя тѣнь окружила потухшія синія очи;
Синяя тѣнь между губъ горделивой улыбкой застыла;
Кудри, какъ травка, спалённая лѣтней грозой, золотились;
Строго нахмурились брови,—какъ будто на бой одиночный
Самую смерть вызывала съ презрѣньемъ графиня Сусанна.
Жакъ ничего не видалъ...

Не снимались упрямые перстни
Съ пальцевъ покойной Графини... И выступилъ потомъ холоднымъ
Ужасъ на блѣдномъ челѣ у могильщика:

Если бъ не мысли
О захворавшей женѣ и о дѣтяхъ, на вѣрно-бы кинулъ
Жакъ свой фонарь и свой ножъ, и бѣжалъ безъ оглядки изъ склена.
Но передъ нимъ починкомъ изъ окошка моргала лачужка,

Гдѣ умирали отъ голода дѣти и мать ихъ больная...
«Нѣтъ, не погибнутъ!» подумалъ онъ. «Что ей въ запястьяхъ и перстняхъ?

Развѣ за золото-камни покойникамъ рай отворяютъ?
Память тебѣ вѣковѣчная... Только прости мнѣ, Графиня:
Жакъ не себя, а свою безпомощную сѣмью спасаетъ!»
Крѣпко схватилъ её за—руку онъ... И ему показалось,
Будто въ отвѣтъ ему руку легонько Графиня пожала,
И содрогнулась въ нёмъ каждая жилка, и чуть онъ не вскрикнулъ...
Но—пролетѣло мгновенье—онъ снова взялъ мёртвую руку,
Ножъ приловчилъ и глубоко надрѣзалъ всю кисть у покойной...
«Охъ, какъ мнѣ больно!» покойница крикнула... Ножъ такъ и выпалъ
Изъ пораженной, какъ громомъ небеснымъ, руки святотатца.
Да оглянулся Господь милосердый на бѣднаго Жака,
На нищету и любовь, искусившую честное сердце:
Не обезумѣлъ несчастный могильщикъ отъ смертнаго страха,
Не завершилъ преступленьемъ кровавымъ проступка, а прямо
Бросился въ замокъ Божэйскій...

Его неутѣшный владѣлецъ
Спать не ложился: въ молельнѣ, при свѣтѣ полночной лампады,
Онъ на колѣняхъ стоялъ и ломалъ себѣ руки, рыдая
Передъ Распятьемъ...

Могильщика еле впустили,
Какъ ни-кричалъ и ни клялся онъ всѣми Святыми, что Графа
Долженъ немедленно видѣть.

Давно уже за-полночь было,
И пѣтухи ужь пропѣли, когда опустили для Жака
Цѣпи подъёмнаго мо̀ста...

Но—какъ покаянно признался
Жакъ въ своемъ умыслѣ графу, то знали Божэйскія стѣны,
Да развалились онѣ, поросли лопухóмъ и крапивой
И ничего не разскажутъ...
А старые люди слыхали,
Что ужь не всклепѣ Графиню нашли—на ступенькахъ алтарных,—
(Вѣрно, очнувшись, на свѣтъ фонаря, добралася до церкви.)
Что воспріемникомъ былъ отъ купели у Жакова сына
Графъ Монтэвáль; а графиня Сусанна лежала съ недѣлю,
Или съ другую, да послѣ и встала на долгіе годы,
И никогда своей милостью графской семьи умножавшейся Жака
Не оставляла...
Должнó-быть, Господь испытуетъ и смертью
Только за тѣмъ, чтобы въ вѣчность увѣровалъ смертный... Должно—быть...
Божьи пути намъ невѣдомы...
А разсказали мы правду.

ЦЕРЕРА.

—

(Посвящается графу Григорію Александровичу Кушелеву-Безбородко.)

Rachette me fecit.

Октябрь... клубятся въ небѣ облака,
Ужь утренникъ осеребрилъ слегка
Поблёкшіе листы березы и осины,
И окораллилъ кисть поспѣлую рябины,
И притупилъ иголки по соснамъ...
Пойдти къ пруду: тамъ водѣ мертво-сонны,
Тамъ въ кругъ сошлись подъ куполомъ колонны,
И всепечальницѣ земли воздвигнутъ храмъ,
Храмъ міродержицѣ — Церерѣ...

Тамъ,
Я часто, по весеннимъ вечерамъ,
Сидѣлъ одинъ на каменной ступени,
И въ высь глядѣлъ, и въ тёмной той выси
Одна звѣзда спадала съ небеси,
Вслѣдъ за другой, мнѣ прямо въ душу... Тѣни
Ложилися на тихій прудъ тогда —
Такъ тихо, что не слышала вода,
Не слышали и темныя аллеи
И на водѣ заснувшія лилеи...

Однѣ лишь сойка съ поволгой не спятъ:
Тревожатъ пѣсней задремавшій садъ, —
И этой пѣснѣ нѣтъ конца и мѣры...
Но вѣчно нѣмъ громадный ликъ Цереры...
На мраморномъ подножіи, въ вѣнцѣ
Изъ стѣнъ зубчатыхъ, изъ бойницъ и башенъ, —
Стоитъ подъ куполомъ, величественно-страшенъ,
Спокоенъ, и на бронзовомъ лицѣ
Небесная гроза не измѣнитъ улыбки...
А очертанія такъ женственны и гибки,
И такъ дрожатъ въ рукахъ богини ключъ
И пукъ колосьевъ, что сама природа,
А не художникъ, кажется, дала
Ей жизнь, и будто смертнымъ прорекла:
«Склонитесь передъ ней: — *вотъ сила и свобода!*»

Но вотъ, безъ мысли, цѣли и заботъ,
Обходитъ храмъ, по праздникамъ, народъ;
На изваяніе не взглянетъ ни единый,
И развѣ старожилъ къ сосѣду обратясь,
Укажетъ: «вонъ гляди! бесѣдку эту князь
«Велѣлъ построить въ честь Екатерины.»

ЧТО ТАКОЕ ВРЕМЯ?

—

(Мысль неизвѣстнаго, сѣверо-американскаго поэта.)

«Time was,» he said, «but time is no more...»

У *живыхъ* спросилъ я, у любезныхъ братій;
Но сквозь плачъ и скрежетъ, но сквозь стонъ проклятій,
Но сквозь смѣхъ и пѣсни, но сквозь звонъ оковъ—
Разслыхалъ я мало мнѣ понятныхъ словъ:

— «Для меня—пелёнки», говоритъ ребёнокъ:
«Ничего нѣтъ въ мірѣ тяжелѣй пелёнокъ...»
— «Для меня—игрушка, отрокъ говоритъ.
— «Я его не вижу!»—юноша твердитъ.

— «Время», отвѣчаетъ взрослый, «это—сила!»
— «Время», шепчетъ старецъ,—«тёмная могила.»
— «Время?» отвѣчаютъ люди мнѣ толпой:
— «Деньги!—Слава!—Мука!—Вѣчный упокой!»

Я спросилъ у *мёртвыхъ;* но, подъ сѣнью мрака,
Не дали отвѣта саванъ, гробъ и рака,
И на всѣ вопросы погребальный склепъ
Былъ всегда упорно—нѣмъ, и глухъ, и слѣпъ,

*

Я спросилъ у сердца: что-такое время?
Сердце отвѣчало: — «Лишній звукъ и бремя:
Маятникъ всей жизни только я, повѣрь.
И не имъ, а мною жизнь земную мѣрь...

У земной природы я спросилъ... Сначала
На вопросъ природа мнѣ не отвѣчала,
А потомъ сказала:—«Ты сошёлъ съ ума!
Развѣ ты не видишь? Время—я сама!»

У свѣтилъ небесныхъ я спросилъ: сіяютъ
Кротко надо мною, кротко отвѣчаютъ
Яснымн лучами въ синей вышинѣ;
Но отвѣтъ ихъ вѣщій непонятенъ мнѣ...

И *его* спросилъ я, самого Сатурна;
Но пронесся мимо онъ, какъ вихорь, бурно,
И ужъ былъ далеко—дальше всѣхъ планетъ,
И за нимъ дымился недогонный слѣдъ.

Ангела спросилъ я: мощною стопою
Грозно сталъ надъ моремъ онъ и надъ землёю,
И трубою судной мнѣ гремитъ въ отвѣтъ:
— «Время?.. —Время было; но его ужъ нѣтъ!»

ГДѢ ТЫ?

Онъ тебя встрѣтилъ, всему хороводу краса,
Встрѣтилъ и понялъ, — что значитъ дѣвичья коса,
Понялъ, — что значатъ дѣвичьи смѣховыя рѣчи,—
И подъ кисейной рубашкой опарныя плечи?
Понялъ онъ это и крѣпко тебя полюбилъ,
И городскихъ, — и посадскихъ красавицъ забылъ...

Но отчего же, Наташа, забыла и ты,
Какъ у васъ, въ Троицу, вьютъ—завиваютъ цвѣты,
Какъ у васъ, въ Троицу, красныя дѣвки гурьбами,
На—воду ходятъ гадать съ завитыми вѣнками;
Какъ онѣ шепчутъ:
«Охъ, топетъ—потопетъ вѣнокъ:
«Охъ позабудетъ про дѣвицу милый дружокъ!»

Не потонули — уплыли куда-то цвѣты,
Да уплыла за цвѣтами, Наташа, и ты...
И позабылъ онъ... И даже не знаетъ — не скажетъ, —
Гдѣ ты?.. И свѣжей могилки твоей не укажетъ...
Но пробудились цвѣточки, и шепчутъ они:
—«Спи, моя бѣдная!.. Будутъ пробудные дни...»

НА БѢГУ.

—

Посвящается С. П. Колошину.

Въ галлереѣ сидятъ господа;
Судьи важно толкуютъ въ бесѣдкѣ;
А народу-то сколько — бѣда:
Словно вешнія мошки на вѣткѣ.
На обо́и перила рѣки
(Еле держатъ чугунные склепы)
Налегли всѣмъ плечёмъ мужики,
Чуйки, шубы, поддёвки, салопы.
И нельзя же: бѣгъ на десять вёрстъ!
Ходенёмъ всё пошло въ ожиданьѣ:
Поднялъ дьяконъ раздумчиво пёрстъ,
Погрузяся въ нѣмомъ созерцаньѣ;
Бьются трое купцовъ объ закладъ;
Тараторятъ ихъ три половины.
И глядятъ сотни глазъ, и глядятъ,
На залитыя въ яхонты льдины,
На воткнутые въ яркомъ снѣгу,
И столбы и съ веревками стойки,
И знакомыя всѣмъ на бѣгу
Призовыя уда̀лыя тройки.
Что̀ за стати у бойкихъ коней!
Что́ за сбруя, за легкія сани!

А наѣздникъ-отъ, ей-же-вотъ ей,
Вонъ, вонъ этотъ въ нарядномъ кафтанѣ:
Ужь хорошъ больно!..
Я сквозь толпу,
Хоть бокамъ и была перебойка,
Пробрался-таки прямо къ столпу...
Это что́ же за новая тройка?..
Не видали ..
Въ корню калмычёкъ,
Двѣ донечки дрожатъ на пристяжкѣ;
У задка сѣлъ съ кнутомъ паренёкъ.
И въ саняхъ, и во всей-то запряжкѣ
Ничего показно́го на глазъ.
Самъ-наѣздникъ, быть надо, въ харчевнѣ...
Знать, въ почномъ побывалъ онъ не разъ
Да и выросъ въ глуши да деревнѣ,
Что съ дружками ему на бѣгу
Надо выпить паръ съ двадцать чаёчку?
Такъ и есть: вонъ лежитъ на снѣгу
Рукавица по кисть въ оторочку.
Такъ и есть: вонъ и самъ онъ въ дверяхъ,
У харчевни. Легокъ на поминѣ!
Астраханка на чёрныхъ бровяхъ,
А дублёнка на сѣрой овчинѣ.
Ждутъ звонка... Чу?.. Никакъ и звонятъ?
Чу? Въ судейской самой прозвенѣли...
Тройки чинно сравнялися въ рядъ —
И послѣдній звонокъ...
Полетѣли.
На дугу, на оглобли, гужи,
На постромки всѣ въ разъ налегая,

Понеслися, что въ вёсну стрижи,
Дружка дружку шутя обгоняя.
Только новая всё отстаетъ
Больше, больше, и вовсе отстала,
А съ наѣзднпка, какъ поворотъ,
Шапка наземь грѣхомъ и упала!..
А онъ что же! Онъ тройку сдержалъ,
Поднялъ шапку, на брови надвинулъ,
У парнишки-то кнутъ отобралъ,
Сталъ на мѣсто, какъ крикнетъ — и сгинулъ...

Боже Господи! видишь во дню,
А не то чтобы ночью, съ постели:
Словно вихорь завился въ корню,
А въ уносѣ-то вьюги-метели!
Закрутили весь снѣгъ, понесли,
Въ изморозной сѣти, безъ догони,
До столпа, до желанной дали...
Донеслися — и фыркнули кони...
И далеко жь умчались они
Ото всѣхъ, хоть и всѣ догоняли
И догнали, что ласточку ини,
Да и то запыхались — устали...
А они?.. На—возьми—подавай
Хоть сейчасъ ко крылыцу королевнѣ.
А наѣзникъ?
Прости, братъ, прощай!..
Знать пируетъ съ дружками въ харчевнѣ.

ЧУРУ.

—

Ты не породистъ былъ, нескладенъ и невзраченъ,
И постоянно золъ, и постоянно мраченъ;
Не гладила тебя почти ничья рука, —
И только иногда пріятель—забіяка
Мнѣ скажетъ, надъ тобой глумяся свысока:
«Какая у тебя противная собака!»
Когда-жь тебя недугъ сломилъ и одолѣлъ,
Всѣ въ голосъ крикнули: «Наспу околѣлъ!»
Мой—бѣдный—бѣдный чуръ! тобою паругались.
Тобою брезгали, а въ дверь войдти боялись,
Не постучавшися: за дверью ждалъ ихъ *ты*!
Богъ съ ними, съ нрйшлыми!...*Свои* тебя любили,
Не требуя съ тебя статей и красоты.
Ласкали, холили—и вѣрно не забыли.

А я... по ты—со мной, я знаю—ты со мной,
Мой неотходный пёсъ, ворчунъ неугомонной,
Просторожившій мнѣ дни жизни молодой —
Отъ утренней зорй до пѡлночи безсонной!
Одинъ ты былъ, одинъ свидѣтелемъ тогда
Моей нѣмой тоски и пытки горделивой,
Моихъ ревнивыхъ грёзъ, моей слезы ревнивой
И одинокаго, упорнаго труда...

Свернувшися клубкомъ, смирнёхонько, бывало,
Ты ляжешь, чуть дыша, у самыхъ ногъ моихъ,
И мнѣ глядишь въ глаза, и чуешь каждый стихъ...
Когда-же отъ сердца порою отлегало,
И съ мѣста я вставалъ, довольный чѣмъ-нибудь,
И *ты* вставалъ за мной,—и прыгалъ мнѣ на грудь,
И припадалъ къ землѣ, мотая головою,
И пёстрой лапою заигрывалъ со мною...
Прошли уже давно былыя времена,
Давно ужь нѣтъ тебя, но странно: ни одна
Собака у меня съ тѣхъ поръ не уживалась,
Какъ-будто тѣнь твоя съ угрозой имъ являлась...

Теперь ты сталъ еще любовнѣе ко мнѣ:
Повсюду и вездѣ, охранникомъ незримымъ,
Слѣдишь ты за своимъ хозяиномъ любимымъ;
Я слышу днёмъ тебя, я слышу и во снѣ,
Какъ ты у ногъ моихъ лежишь и дремлешь чутко...
Пережила-ль тебя животная побудка
И силой жизненной осталась на землѣ,
Иль бѣдный разумъ мой блуждаетъ въ тайной мглѣ —
Не спрашиваю я: на то отвѣтъ—у Бога...

Но, чуръ, отъ моего не отходи порога
И береги покой моей родной семьи!
Ты твёрдо знаешь—кто чужіе и свои:
Остерегай-же насъ отъ пѣдруга лихого,
Отъ друга ложнаго и ябедника злого,
Отъ переносчика усердпаго вѣстей,
Отъ вора тайнаго и нѣзванныхъ гостей:

Ворчи на нихъ, рычи и лай на нихъ, не труся,
А я на голосъ твой въ глухой ночи проснуся.
Смотри-же, узнавай ихъ по̀верху чутьёмъ,
А впустятъ—сторожи́ всей сметкой и умомъ,
И будь, какъ былъ всегда, довѣрія достоинъ...
Дай лапу мнѣ... вотъ такъ... Теперь я успокоенъ:
Есть сторожъ у меня!.. Пускай насъ осмѣютъ,
Какъ прежде, мно̀гіе: *немногіе* поймутъ.

МАЛИНОВКѢ.

(посвящается Варварѣ Александровнѣ Мей.)

Да! ты клѣтки не навидишь;
Ты съ тоской глядишь въ окно̀;
Воли просишь... только—видишь—
Право, рано: холодно̀!
Пережди снѣга̀ и вьюгу—
Вотъ олиствятся лѣса;
Вотъ разсыплется по лу̀гу
Влажнымъ бисеромъ роса:
Клѣтку я тогда открою
Ранымъ-рано по утру̀—
И порхай, Господь съ тобою,
Въ крупно-ягодномъ бору̀.
Птичкѣ весело на по̀лѣ
И въ лѣсу, да веселѣй
Жить на *волѣ*, пѣть на *волѣ*
Съ красныхъ зо̀рекъ до ночей....
Не тужи: весною вѣетъ;
Пахнетъ въ воздухѣ гнѣздомъ;
Алый гребень такъ и рдѣетъ
Надъ крикливымъ пѣтухомъ;

Ужь летять твои сестрицы
Къ намъ изъ-за̀ моря сюда:
Жди-же, жди весны царицы,
Тёплой ночи и гнѣзда.
Я пущу тебя на *волю*;
Но послушай: заведёшь
Ты мнѣ пѣсенку, что полю
И темнымъ лѣсамъ поешь?
Знаешь ту, что полюбили
Волны, звѣзды и цвѣты,
А задумали—сложили
Ночи вешнія, да ты.

РЫНОКЪ ФЕЙ.

—

(Нѣмецкая легенда.)

I.

Повѣрьте, что въ наше корыстное время,
И въ нашъ положительный вѣкъ,
Красавицы-феи промышленность цѣнятъ
Не менѣе, чѣмъ человѣкъ.

Повѣрьте, что имъ ужь давно надоѣло
Малютокъ-принцесокъ крестить
И въ тыквенныхъ чудныхъ своихъ колесницахъ
По воздуху ночью парить.

И даромъ на всѣхъ перекрёсткахъ кружиться,
Волшебный водя хороводъ...
Нѣтъ!... феи разсчётливѣй стали торговокъ,
И рынокъ заводятъ разъ въ годъ.

И мѣстность такую онѣ выбираютъ:
Должна непремѣнно она
Быть—дикой скалою, съ обрушеннымъ замкомъ,
И тайныхъ преданій полна.

Имъ любо, гдѣ камни навалены грудой
Подъ плѣсенью сѣрой и мхомъ,
И сфинксомъ лежатъ передъ мудрыми вѣка
И словно смѣются тайкомъ

Надъ тщетнымъ усильемъ пытливой науки —
Загадку вѣковъ разгадать...
А феи и знаютъ, да что имъ за дѣло?..
Онѣ собрались торговать.

И честь имъ и слава! Онѣ выставляютъ
На плѣсень на мохъ и траву
Такіе товары, что ежели взглянешь,—
Подумаешь: сонъ на яву!

Купи: вотъ и шапка тебѣ невидимка,
А шапки не хочешь, такъ вотъ, —
Готова и скатерть тебѣ самобранка,
Готовъ и ковёръ-самолетъ,

А ежели нужны кому талисманы
На чёрную нѣмочь и глазъ,
Иль нуженъ кому корешёкъ приворотный,
Такъ вотъ и они напоказъ!

А рядомъ лежатъ самоцвѣтные камни —
Алмазы, рубины, жемчугъ,
Безцѣнныя ткани, уборы и платья, —
Работа воздушныхъ ихъ рукъ.

Разложатъ товары заботливо феи,
Подъ мѣсячнымъ яснымъ лучёмъ,

И путницъ на рынокъ къ себѣ зазываютъ
Пѣвучимъ своимъ голоскомъ.

Напрасно онѣ зазываютъ, напрасно
Прохожихъ манитъ ихъ привѣтъ:
Прохожіе съ ужасомъ рынокъ обходятъ —
И всё покупательницъ нѣтъ.

II.

Однажды, по близости этого рынка,
Идётъ Маргарѣта домой;
Идётъ она степью, и свѣжаго сѣна
Не чуетъ она подъ ногой.

Ночь лѣтняя; мѣсяцъ въ поднебесьѣ таетъ;
Звенятъ переборы ручья,
И, словно, серебряный мѣсяцъ встрѣчаетъ
Гремучая пѣснь соловья.

Но Гретхенъ природы красотъ не видала;
Понуро несла кузовокъ:
Сегодня впервые, за мать—за старуху,
Снесла она въ за́мокъ оброкъ.

Бывало, она возвращалась съ работы,
Какъ птичка, парядна, легка,
И пѣла, какъ вольная птичка, а нынѣче
Сдавила ей сердце тоска:

Завидны ей стали, когда дожидалась
Въ передней она, межъ ливрей,

И эти роскошныя, длинныя залы,
Какія не снились ей,

И эти паркеты, обои, гардины,
И группы статуй по угламъ,
И эти картины, и гдѣ-то, далёко,
Наряды блестящіе дамъ...

И думала Гретхенъ: «Какое сравненье
Съ лачужкой убогой моей!
Кирпичныя стѣны, да узкія окна....
И тѣхъ не видать межь вѣтвей....

А въ праздникъ парядишься—хуже послѣдней
Служанки изъ замка....» И вотъ
Ей слышится, будто её потихоньку
Таинственный голосъ зовётъ:

— «Постой, Маргарѣта! постой Маргарѣта!
Готовы помочь тебѣ мы....»
Она оглянулась: изъ ветхихъ развалинъ,
Изъ ихъ неразгаданной тьмы,

Возникли видѣнія роемъ волшебнымъ,
И Гретхенъ узнала въ нихъ фей —
По поступи лёгкой, по бѣлымъ одеждамъ,
По крыльямъ изъ яркихъ лучей.

Толпой обступили онѣ поселянку
И въ рынокъ къ себѣ увлекли,
И стали показывать дивныя — дива,
Сокровища цѣлой земли:

«Смотри, Маргарѣта! Возьми, Маргарѣта!
Купи, если хочешь?...»—«Хочу,
Всѣмъ сердцемъ хочу, благородныя дамы!...
Да чѣмъ-же я вамъ заплачу?...»

—«Какая смѣшная! На нашемъ товарѣ
Особый положенъ зарокъ:
Купи что желаешь, а мы съ тебя просимъ
За каждую вещь — волосокъ....»

—«Шутить вы изволите вѣрно со мною?...»
Но феи поклялись, что — нѣтъ.
«Одинъ волосокъ мой,»—подумала Гретхенъ,
«За каждый безцѣнный предметъ...

Одинъ волосокъ мой!... Да эдакъ барона
Я буду богаче!... Какъ знать?
Богаче, быть можетъ, эрцгерцога.... принца?...
— Извольте! хочу покупать!»

И феи вокругъ нея роемъ слетѣлись,
Какъ пчелы на вешній цвѣтокъ;
И Гретхенъ за волосомъ дѣргаетъ волосъ;
И сталъ тяжелѣть кузовокъ....

А феи нарядъ съ нея сельскій ужь сняли
И сдѣрнули чепчикъ съ косы:
Воздушнымъ покровомъ онѣ обвиваютъ
Ея молодыя красы.

И зеркало ставятъ онѣ передъ нею,
Несутъ за нарядомъ нарядъ...

И что̀ за волшебные эти наряды!
На каждомъ туманится взглядъ...

То шарфъ бѣлоснѣжный прійдётся по плѐчамъ,
То серьги — по алой щекѣ....
И Гретхенъ за волосомъ дёргаетъ волосъ,
И мѣста ужь нѣтъ въ кузовкѣ.

А ночь на исходѣ. «Ну думаетъ Гретхенъ:
Теперь буду брать я ужь зря,
А то вѣдь опѣ закрываютъ свой рынокъ,
Едва замерцаетъ зоря.

Побольше-бы запонокъ, ко̀лецъ, булавокъ,
Да вотъ изумрудный уборъ...»
И Гретхенъ рвётъ во̀лосы цѣлою горстью,
И шире, всё шире проборъ.

«Еще-бъ ожерлье кровавыхъ рубиновъ,
Да эту перловую нить,
Да этотъ карбункулъ, да гребень алмазный....
Еще-бы чего не забыть?. .

Ахъ–да! кошелекъ съ золотыми забыла:
Ещё волосокъ....» Но увы!
Послѣдній свой волосъ за гребень алмазный
Она отдала съ головы.

— «Не можетъ быть!» крикнула въ ужасѣ Гретхенъ;
Но ярко востокъ заалѣлъ —
Съ насмѣшливыкъ хохотомъ Феи исчезли,
И рынокъ ихъ вмигъ опустѣлъ.

*

И солнце блеснуло.... Глядитъ Маргарѣта:
Кругомъ нея камни, пески;
Сама безъ волосъ она, — въ жалкихъ лохмотьяхъ;
И въ кузовѣ — всё черепки.

Безъ мысли, безъ чувства, не слыша, не видя,
Куда-то она побрела
Въ безпамятствѣ дикомъ и только очнулась
У церкви приходской села.

Надъ нею мальчишки кругомъ хохотали,
Кидали ей грязи комки,
И, важно сѣдой головою качая,
Твердили ей вслѣдъ старики:

«Вотъ—Божью красу продала́ за наряды —
Себѣ-жь въ поруганье и смѣхъ!
Ну, что-жь? По дѣломъ ей — сама виновата:
Богатству завидовать грѣхъ!»

Полна нестерпимой, отчаянной муки,
Стыда и досады полна́,
Заплакала горько несчастная Гретхенъ,
И вдругъ—пробудилась отъ сна...

Глядитъ: на разбросанномъ сѣнѣ заснула;
У ней въ голова́хъ кузовокъ;
Надъ нею лазурное тихое небо;
Въ ногахъ чуть журчитъ ручеёкъ,

И въ нёмъ, словно въ зеркалѣ, смотрится ива,
Росу отряхая съ кудрей....

Какъ птица пугливо она встрепенулась
И глянула также въ ручей.

И что-же? Не вѣритъ глазамъ Маргарѣта:
Она, какъ и прежде, все та-жъ:
Все тѣ-же на ней — полосотая юбка
И бархатный черный корсажъ;

Все та-же, подъ чепчикомъ бѣлымъ, густая,
Что спопъ золотистый, коса...
Опять она — скромная милая Гретхенъ,
Родного селенья краса...

Въ слезшкахъ глаза,—что въ росшкахъ фіялки,
Румянецъ пылаетъ со щёкъ...
И бѣрежно въ кòсу она заправляетъ
Скользнувшій по лбу волосокъ.

ОКТАВЫ.

—

(Е. Г. П—ской.)

I.

Мечтой любимой, думою избра́нной
Вы часто переноситесь на югъ;
Вамъ холодно на родинѣ туманной —
Васъ здѣсь томитъ мучительный недугъ
И васъ на берегъ свой обѣтованный
Италія манитъ къ себѣ, какъ другъ,
И снятся вамъ летучія гондолы,
И слышатся напѣвы баркароллы.

II.

Италія, любимица боговъ,
Владычица развѣнчанная міра!
Замолкъ побѣдный крикъ твоихъ орловъ,
И съ плечъ твоихъ скатилася порфира,
И не гремятъ мечи твоихъ сыновъ;
Но вся тебя поётъ и славитъ лира,
Все рвётся въ небеса твоя душа,
Все хороша-ты, дивно-хороша!

III.

Попрежнему тебя волна лилѣтъ.
Попрежнему цвѣтутъ твои цвѣты,
Попрежнему любовью воздухъ вѣетъ,
Попрежнему съ лазурной высоты
Тебя лобзаньемъ страстнымъ солнце грѣетъ:
Все таже ты, и вѣчно таже ты —
Въ вѣнкѣ изъ розъ, съ улыбкой молодою...
И что́ же наша Русь передъ тобою?

IV.

Зимой у насъ туманы, снѣгъ, морозъ;
Въ весну и въ осень — дождикъ непрерывный;
А лѣтомъ — зелень блѣдная берёзъ,
Кой-гдѣ трава, цвѣточки... Климатъ дивный:
Порою задыхаешься безъ грозъ,
Порою мёрзнешь...
Вѣтеръ заунывный,
Поётъ всё ту же пѣсню съ давнихъ поръ:
Ему у насъ раздолье и просторъ...

V.

Иные любятъ (впрочемъ вѣдь иные)
Иные любятъ вѣтра грустный стонъ,
Степей раздолье, глыбы снѣговыя,
Лѣсовъ дремучихъ непробудный сонъ,
Метели наши, вьюги завивныя,
Уныло-мёрный колокола звонъ,
Родной морозъ, да тройку удалую.
Да пѣсню молодецки—заливну́ю.

VI.

Но что̀ за вкусъ! что̀ это за народъ!..
Порой у насъ бываютъ чудны ночи:
Прозраченъ, необъятенъ небосводъ,
А бѣлый снѣгъ на полѣ, что̀ есть мочи,
Морозъ тяжелымъ молотомъ куетъ,
И смотрятъ неба пламенныя очи
Такъ пристально, что думы въ небеса
Летятъ невольно, какъ зорей роса.

VII.

Не то-ли ночь Италіи прекрасной!
Все тихо; рощи пальмовыя спятъ;
Вдали чуть слышенъ лепетъ моря страстный —
Съ цвѣтовъ струится тонкій ароматъ.
Купается въ лазури мѣсяцъ ясный;
И вотъ звучатъ, стихаютъ, вновь звучатъ
Октавы вдохновеннаго Торквато...
Любилъ и я Италію когда-то.

VIII.

Любилъ и я перелетать мечтой
На берега Италіи святые;
Но не гондолы съ пѣснею живой,
Не небеса, не волны голубыя,
Не Римъ и Капитолій вѣковой,
Не Этна и Везувій огневые,
Не Аппенинозъ дикая гряда
Влекли меня въ Италію тогда.

IX.

Въ тотъ мигъ, когда изъ нравственныхъ пелёнокъ
Душа освободится навсегда,

Когда, какъ въ клѣткѣ запертой орлёнокъ,
Въ груди забьётся сердце и когда
Природа намъ шепнётъ: ты не ребёнокъ,
Въ тотъ мигъ я полюбилъ... Прошли года,
А и теперь осталось въ сердцѣ что-то,
Въ чёмъ не могу я дать себѣ отчёта.

X.

Я *съ нею* никогда не говорилъ,
Но я искалъ повсюду съ нею встрѣчи,
Блѣднѣя и дрожа, за ней слѣдилъ,
Ея движенья, взглядъ, улыбку, рѣчи
Я жадно, я внимательно ловилъ,
А послѣ убѣгалъ отъ всѣхъ далече,
Её въ мечтахъ себѣ я представлялъ,
Грустилъ, вздыхалъ, томился, ревновалъ.

XI.

Не разсказать — что́ дѣлалось со мною.
Не описать волшебной красоты...
Съ весеннимъ солнцемъ, съ розовой зорею,
Съ слезой небесъ, упавшей на цвѣты,
Съ лучемъ луны, съ вечернею звѣздою
Въ моихъ мечтахъ слились ея черты...
Я помню только свѣтлое видѣнье —
Мой идеалъ, — отраду и мученье.

XII.

. . . . . .

XIII.

Но я не долго любовался ею:
Въ Италію уѣхала она —

И я мечтой послушною моею
Перелетѣлъ на югъ. Отчуждена
Была отъ міра мысль моя: предъ нею
Была повсюду чудная страна,
И издали мой призракъ неизбѣжный
Манилъ меня улыбкой грустно-нѣжной:

XIV.

И долго этотъ бредъ томилъ меня,
И долго-долго я не зналъ покою:
Въ тиши ночей, въ докучномъ шумѣ дня
Знакомый образъ былъ передо-мною:
Да и теперь, порой, невольно я
Перенесусь въ Италію мечтою —
И южный зной въ лицо повѣетъ мнѣ,
И кровь кипитъ, и голова въ огнѣ.

XV.

Но быстро это чувство пронесётся —
И снова я на родинѣ святой;
И сердце такъ легко, такъ ровно бьётся:
Родная пѣсня льётся надо-мной...
Какъ вѣрный другъ, мнѣ холодъ къ сердцу жмётся...
Играетъ ручка съ русою косой, —
И блещутъ очи тёмноголубыя,
Задумчивы, какъ небеса родныя.

ФЕЙЕРВЕРКЪ.

—

Много взвилось потѣшныхъ огней,
Брошенныхъ смѣлой рукою людей —
Дна допроситься у неба;
Да не извѣдано дно въ небеси
И въ бирюзовой бездонной выси
Звѣзды, сопутницы Фебa,
Не увидали взлетѣвшихъ ракетъ,
Будто ихъ не было въ небѣ и нѣтъ,
Будто изъ тёмнаго сада,
Съ каждаго дерева, съ вѣтки, съ листка,
Не разбросала ихъ чья-то рука,
И не глядѣла дріада?..
Нѣтъ: межь вѣтвей не глядитъ ужь она...
Но; какъ богини лѣсовъ, зелена —
Въ дымкѣ струистой хитона,
Вся, какъ цвѣтокъ, создана для вѣнца,
Кисти и пѣсенъ, струны и рѣзца,
Ты поглядѣла съ балкона,
Въ слѣдъ за ракетой, и быстрой мечтой
Обогнала её въ мглѣ голубой,
Выше надзвѣздной границы,
И замечталася—Богъ вѣсть о чёмъ?..

Между тѣмъ тѣни вставали кругомъ
Изъ повседневной гробницы;
Шли по аллеямъ, дорожкамъ, кустамъ,
По закурёнными до сна цвѣтникамъ
Ладаномъ ночи; скользили —
Гдѣ межь толпы, обогнувшей балконъ;
Гдѣ межь далёко—бѣлѣвшихъ колоннъ
Чёрный свой саванъ спустили,
Гдѣ охватили, припавши за кустъ,
Мраморный цоколь, иль бронзовый бюстъ,
Или предсѣніе храма...
Вотъ и бенгальскіе гаснутъ огни —
И потонуло въ росистой тѣни
Всё—и картина, и рама...
Всё... Воцарилась ночная краса...

Что жь ты пытливо глядишь въ небеса,
Что же не сводишь съ нихъ взора?
Что тебѣ звѣзды съ небесъ говорятъ?
То ли, что гаснетъ и огненный взглядъ
Также безвременно—скоро,
Какъ и ракета; что въ ихъ вышинѣ
Дщерямъ земли недоступны онѣ,
И что лазурной стезею
Много земныхъ звѣздъ умчалось туда,
Только назадъ ни одна никогда
Съ неба не спала звѣздою?
То ли онѣ говорятъ, что, пока
Лѣтній день дологъ и ночь коротка,
Надо ловить наслажденья;
Что предъ святымъ алтарёмъ красоты

Надо колпицами сыпать цвѣты,
Жечь опміамъ воскуренья;
Что потому-то все дышетъ кругомъ
И красоты, и любви торжествомъ:
Пышныя эти палаты.
Статуи, куполы, арки, столпы,
Шелестъ внизу изумленной толпы,
Стройные звуки сонаты.
Сдержанный шёпотъ привычныхъ похвалъ,
Вся эта роскошь, весь блескъ и весь балъ —
Всё для тебя?..
Отчего же,
Въ небо взглянувши, задумалась ты?
Знаю: ты свѣтской бѣжишь суеты,
Да и оковъ ея тоже;
Знаю: устала ты сердце губить, —
Хочется жить тебѣ, хочется жить
Страстью разумно-свободной,
И отрекаешься ты со стыдомъ —
Быть человѣку потѣшнымъ огнёмъ,
А не звѣздной путеводной.

ОГОНЬКИ.

(Посвящается Аполлону Александровичу Григорьеву).

По болоту я ржавому ѣду,
А за мною, по свѣжему слѣду,
Сквозь трясину и тину, по стрѣлкамъ густой осоки,
Кудри на̀ вѣтеръ—пляшутъ кругомъ огоньки.

Разгорѣлись, и, въ пляскѣ устойкой,
О-земь бьются они передъ тройкой,
То погаснутъ, то вспыхнутъ тревожно по тёмнымъ кустамъ,
Будто на смѣхъ и страхъ ошалѣлымъ конямъ.

Отшарахнулись кони, рванулись;
Гривы дыбомъ и ноздри раздулись:
Чуютъ вѣрно своей необманной побудкой они,
Что не спросту въ болотѣ зажглися огни. ..

Не глядѣлъ-бы: болотная пляска,
Для меня—только мука и тряска;
И не вѣрю я въ душу живую болотныхъ огней;
И въ трясину свою не сманить имъ копей.

Знаю ихъ—безъ покрова и гроба:
Душитъ ихъ пододонная злоба,

И честной людъ, и Божій весь міръ ненавидятъ они...
Погоняй-ка, ямщикъ!... »
По тѣснятся огни,

Забѣгаютъ предъ тройкой далече,
И ведутъ со мной пошептомъ рѣчи,
На глухомъ, да понятномъ и жгучемъ своемъ языкѣ:
— «Благовѣстная тайна горитъ въ огонькѣ! »

Говорятъ... «Всепрощающей Силой—
Колыбель примирилась съ могилой....
По зажорамъ, по прорубямъ, рытвинамъ, омутамъ, рвамъ,
Не прійдётся плясать уже нашимъ дѣтямъ.

Наша мука дѣтей искупила,
И теперь мы—не тёмная сила:
Мы надѣемся, вѣримъ и ждёмъ нашей пытки конца,
Чтобъ зажечься въ чертогѣ у Бога-Отца »

По болоту я ржавому ѣду,
А за мною, по свѣжему слѣду,
Сквозь трясину и тину, по стрѣлкамъ густой осоки,
Кудри на вѣтеръ— пляшутъ кругомъ огоньки.

ПОКОЙНЫМЪ.

—

Когда раскинетъ ночь мерцающія сѣни
И полы тёмныя небеснаго шатра,
Толпой у моего безсоннаго одра
Сбираетеся вы, возлюбленныя тѣни...
Незримы для другихъ, неслышимы другимъ,
Вы взору моему являетеся ясно.
Въ безплотныхъ призракахъ, и внятно, хоть безгласно,
Мнѣ шепчете: «усни — отраденъ сонъ живымъ.»
Не засыпаю я, но въ области мечтанья
Какой-то двойственной я жизнію живу —
Ни *здѣсь*, но и не *тамъ*, ни въ снѣ, ни на яву:
То грёза памяти, то сонъ воспоминанья...
И будто волшествомъ всё оживаетъ вновь,
Чѣмъ сердце нѣкогда и билося и жило,
Что нѣкогда оно, страдая, схоронило —
Желанія, мечты, надежды и любовь.
Летучей чередой, падучею звѣздою,
Мелькаютъ предо мной знакомыя черты:
Отецъ, младенецъ — братъ, и ты, родная, ты, —
Блѣдна, болѣзненна, подъ ранней сѣдиною,
Въ концѣ истомлена неравною борьбой,
Но незнакомая съ упрекомъ и съ укоромъ,
Но съ всепрощающей улыбкою и взоромъ,

—

Переглянувшимся отчаянно съ судьбой.
О, мать моя, скажи, скажи мнѣ: для чего-же
Печально ты глядишь въ загадочную высь,
И словно молвишь мнѣ: «бѣдняжка, не борись —
Для силы есть предѣлъ и для терпѣнья тоже?»

Но нѣтъ, я не забылъ примѣра твоего:
Я помню, какъ въ тебѣ двоились силы прежде
При первомъ отдыхѣ отъ горя, при надеждѣ
На милость Божію и на покровъ Его.
Мгновенно домикъ нашъ и всѣ мы веселѣли;
Въ бесѣдѣ дружеской, за трапезой простой,
Звучали за-полночь и смѣхъ и голосъ твой,
А чудные глаза пылали и темнѣли.

Мой милый Сашенька, съ тобою связанъ я
Всей братской памятью отъ самой колыбели,
И много разъ къ моей горячечной постели
Охраннымъ ангеломъ слетала тѣнь твоя.
Вотъ какъ теперь, гляжу на дѣтскую: о стекла
Дробится солнышко въ разсыпчатыхъ лучахъ;
Ты прыгаешь, смѣясь у няньки на рукахъ;
Игрушка въ ротикѣ пурпуровомъ намокла;
Глазенки свѣтятся весельемъ неземнымъ;
Подъ тонкой кожей кровь играетъ въ каждой жилкѣ,
Какъ-будто никогда ей не остыть въ могилкѣ,
Подъ вешней муравой и камнемъ гробовымъ...

Отецъ мой, и къ тебѣ судьба была сурова,
И въ полномъ цвѣтѣ силъ свела нежданно въ гробъ.
Ребенкомъ я глядѣлъ на твой остывшій лобъ,
На впалые глаза и на парчу покрова...
Спокойно я тебя поцѣловалъ въ уста,

Спокойно подошелъ къ могилѣ за толпою,
И видѣлъ, какъ тебя засыпали землею,
И какъ поверхъ легла тяжелая плита.
И были новы мнѣ — весенняя погода,
Кудрявые верхи кладбищенскихъ березъ,
И голосъ дьякона и рѣзкій стукъ колесъ,
И запахъ ладона, и скопище народа.
Потомъ я позабылъ на-долго о тебѣ,
А если вспоминалъ, — случайно, на мгновенье,
Какъ грёзу сонную, какъ смутное видѣнье,
Безмѣстное въ моей безвыходной судьбѣ.
Теперь, ты знаешь самъ, въ душѣ моей другое:
Воспоминанія мнѣ сладостнѣй всего,
И часто думаю я у гроба твоего...
Отецъ, простилъ-ли ты дитя свое родное?.,

Но тѣни новыя... И ближе всѣхъ одна...
Какъ нѣжны очерки лица и шеи бѣлой,
Какъ горделивъ погибъ у этой брови смѣлой,
Какъ молодая грудь легко округлена!
Красавица, съ земли на небо улетая,
Ты отдохнула-ль тамъ тревожною душой,
Забыла-ль прошлое, иль въ небо за тобой
Безсмѣнной спутницей умчалась страсть земная?
Бывало, вечеромъ, — все сумракъ обовьетъ,
За кровлями зоря край неба нарумянитъ,
И первая звѣзда слезою крупной канетъ
На темную лазурь съ невѣдомыхъ высотъ, —
Къ раскрытому окну припавъ съ нѣмой истомой,
Поникнувъ головой, дыханье затая,
Ты слушаешь: рѣки лѣнивая струя
Не донесла-ль къ тебѣ иль благовѣстъ знакомый,

Иль мѣрный бой часовъ того монастыря,
Гдѣ скрыла отъ тебя таинственная ряса
Праздполюбиваго хапжу и ловеласа...
Ты слушаешь — горишь и гаснешь какъ зоря...
Какъ угасаетъ все прекрасное на свѣтѣ...

Двѣ бабушки мои... Одна, какъ на портретѣ,
Въ робронѣ, съ кружевомъ и съ лентой голубой
По-верхъ напудренной прически величавой;
Вся — молодость и жизнь; усмѣшка на губахъ;
Сапфира переливъ въ разнѣженныхъ глазахъ,
Полузавѣшенныхъ рѣсницею лукавой..
Другая бабушка отцвѣтшую красу
Прикрыла, какъ могла, подъ складками капота,
Подъ рюшками чепца, безъ мѣры и безъ счета,
Подъ одногорбыми очками на носу.
Прямою сверстницей невозмутимыхъ парокъ,
Старушка тянетъ нить изъ вѣчнаго мотка...
И спицами стучитъ, и пятку у чулка
Спускаетъ бережно... Давно оплылъ огарокъ;
Давно внучата спятъ... Не спитъ изъ нихъ одинъ:
Упорно онъ глядитъ на блещущія спицы,
На чепчикъ бабушки, на бѣлыя рѣсницы,
На губы сжатыя и впадины морщинъ,
О, многое съ тѣхъ поръ для внука миновало
И много прожилъ онъ и думъ, и чувствъ, и дней;
Но какъ жалѣетъ онъ о бабушкѣ своей
И скромной комнаткѣ, гдѣ подъ-вечеръ все спало!

И вы въ толпѣ тѣней, друзья моей весны,
Былые спутники на жизненной дорогѣ!

*

Сошлися весело на школьномъ мы порогѣ
И смѣло въ путь пошли, судьбой увлечены. —
Я отставалъ отъ васъ: одни вслѣдъ за другими,
Умчалися вы въ даль и скрылися изъ глазъ;
Но слѣдъ вашъ свѣжъ еще и догоню я васъ
У общей пристани, за гранями земными.
Послѣднимъ перегналъ меня недавно — ты,
Поклонникъ пламенный и мученикъ искусства:
Не могъ ты подчинить труду живаго чувства,
Разсудкомъ обуздать не могъ своей мечты —
И пѣлъ, что пѣлося, безъ ладу, безъ разбора,
Какъ малое дитя, едва-ли разумѣвъ,
Что есть условный строй, наслушанный напѣвъ...
Не могъ перенести ты злаго приговора
Заносчивыхъ судей : довѣрчивый поэтъ,
Ты видѣлъ въ гаерѣ Ахилла гнѣвъ и силу,
И — грустно вымолвить — сложилъ тебя въ могилу
Нахальной выходкой журнальный пустоцвѣтъ.
Но судъ потомства чуждъ служенія кумиру;
Надъ урною твоей, непризнанный пѣвецъ,
Повѣситъ онъ и твой поруганный вѣнецъ,
И робкою рукой настроенную лиру.
Миръ праху твоему!..

Отшельникъ старый, дѣдъ...
Заваленъ грудой книгъ въ невзрачномъ кабинетѣ...
Науки труженникъ, занятавшійся въ сѣти
Сухой схоластики, ты мистицизма — бредъ
Считалъ за истину, конечную идею
Искалъ въ средѣ, гдѣ нѣтъ начала и конца,
И солнцемъ признавалъ лампаду мудреца...
Ты истину узналъ, представши передъ нею...

Поникшее чело, изъ подъ склоненныхъ вѣкъ
Едва примѣтный взоръ, не прежній гордѣливый.
А взоръ сознанія, спокойно-прозорливый,
Все говоритъ въ тебѣ: «безуменъ человѣкъ!»

Двѣ тѣни, двѣ сестры... Одна — дитя душой,
Съ слѣпою вѣрою въ прекрасное, благое,
Въ земное счастіе, въ призваніе земное,
Въ любовь, въ поэзію — во все, что у другой
Тяжелымъ опытомъ на-вѣкъ убито было,
Во что повѣрила когда-то и она,
Но что въ ней осмѣялъ разсудокъ-сатана
Что сердце прокляло, презрѣло и забыло.
Проносится она, несхожая чета,
Какъ воплощеніе насмѣшки и восторга,
Порыва и любви, прѣзрѣнія и торга, —
Жизнь, — какъ была, и жизнь, — какъ свѣтлая мечта...

Мечтою жизнь была и для тебя, мой милый,
Мой незабвенный другъ, товарищъ бурныхъ лѣтъ,
Загадка, для какой разгадки даже нѣтъ...
Порою юноша, порою старецъ хилый,
Порою твердый мужъ совѣта и труда,
Порой изнѣженный, ребячливый сангвиникъ,
Въ душѣ христіанинъ, въ привычкахъ истый циникъ,
Роскошный цвѣтъ ума, увядшій безъ плода!
Ты всѣхъ спокойнѣе... ты, окруженный сонмомъ
Полуночныхъ тѣней, по-прежнему мнѣ милъ,
Ты будто говоришь: «Я вѣрилъ и любилъ —
«Я вѣрю и люблю... Помолимся и вонмемъ!»
И слѣдомъ за тобой мелькаютъ всѣ они,
Всѣ сердцу моему знакомые, родные, —

Былые образы и призраки былые.
Какъ надъ могилами блудящіе огни,
Они колеблятся и теплятся уныло,
И въ этихъ огонькахъ, и въ каждой вспышкѣ ихъ
Горитъ частица думъ, частица чуствъ моихъ,
Упавшая слезой надъ свѣжею могилой.
Толпой у моего безсоннаго одра
Сбирается вы, возлюбленныя тѣни,
Когда раскинетъ ночь мерцающія сѣни
И полы темныя небеснаго шатра.
Вы всѣ вокругъ меня, вы живы, вы воскресли.
Неправда-ли — вы здѣсь, вы не обманъ пустой?
Но... если вы — мечта и вызваны мечтой?
Но если нѣтъ васъ здѣсь и нѣтъ нигдѣ?.. Но если?..
Молчи, лукавый умъ, сомнѣній не буди:
Я вѣрю пламенно въ присутствіе не-сущихъ,
Я вѣрю — есть союзъ межь жившихъ и живущихъ,
Какъ есть безсмертіе и вѣчность впереди!

III.

МУЗА.

(Гр. Ѳ. П. Толстому.)

Видѣлъ однажды я музу: она, надъ художникомъ юнымъ
Нѣжно склонившись, вѣнчала счастливца и миртомъ, и лавромъ,
Въ жаркомъ лобзаньѣ устами къ устамъ молодымъ припадала.
Перси лилейныя крѣпко къ высокой груди прижимала...
Видѣлъ я ласки пермесской богини другому —
Видѣлъ и прочь отъ счастливой четы отошелъ я ревнивo.

Видѣлъ въ другой разъ я музу: въ объятья маститаго старца
Пала она въ цѣломудренно–страстномъ порывѣ,
Въ вѣщія очи любимца смотрѣлась она ненаглядно.
Кудри сѣдыя безмолвно кропила слезами,
Руки, изъ праха создавшія дива искусства, лобзала...
Видѣлъ я ласки пермесской богини *другому* —
Видѣлъ — и палъ передъ ней на колѣна въ восторгѣ.

ГАЛАТЭЯ.

—

I.

Бѣлою глыбою мрамора, высей прибрежныхъ отброскомъ,
Страстно плѣнился ваятель на рынкѣ паросскомъ;
Сталъ передъ ней — вдохновенный, дрожа и горя...
Фебъ утомлённый закинулъ свой щитъ златокованный за̀ море,
И разлилась на мраморѣ
Вешнимъ румянцемъ зоря...

Видѣлъ ваятель, какъ чистыя крупинки камня смягчались,
Въ нѣжное тѣло и въ алую кровь превращались,
Какъ округлялися формы — волна за волной,
Какъ, словно воскъ, растопилася мрамора масса послушная,
И облеклася, бездушная,
Въ образъ жены молодой.

— «Душу ей, душу живую!» воскликнулъ ваятель въ восторгѣ,
«Душу вложи ей, Зевесъ!»
Изумились на торгѣ
Гра̀ждане — старцы, и мужи, и жёны, и всѣ,
Кто-только былъ на агорѣ... Но полонъ святымъ вдохновеніемъ,
Онъ обращался съ моленіемъ
Къ чудной, незримой Красѣ:

— «Вижу тебя, богоданная, вижу и чую душею
Жизнь и природа красны — мнѣ одною тобою...
Обликъ безсмертья провижу я въ смертныхъ чертахъ....»
И передъ нею, своей вдохновенною свыше идеею, —
Передъ своей Галатэею, —
Пигмаліонъ палъ во прахъ....

II.

Двѣсти дней славили въ храмахъ Кивеллу, небесную жницу;
Двѣсти дней Гéліосъ съ неба спускалъ колесницу;
Много свершилось въ Элладѣ событій и дѣлъ;
Много красавицъ въ Аонахъ мелькало и гасло — зорницею, —
Но передъ ней, чаровницею,
Даже лучъ солнца блѣднѣлъ....

Бѣлая, яркая, свѣтъ и сіянье кругомъ разливая,
Стала въ ваяльнѣ художника дѣва нагая,
Мраморный, дѣвственный образъ чистѣйшей красы...
Пѣнились юныя перси волною упругой и зыбкою;
Губы смыкались улыбкою;
Кудрились пряди косы.

— «Боги! молилъ въ изступленіи страстномъ ваятель. Уже-ли?
Жизнь не проснется въ такомъ обаятельномъ тѣлѣ?
Боги! пошлите неслыханной страсти конецъ....
Нѣтъ!... ты падешь, Галатэя, съ подножія въ эти объятія,
Или творенью проклятія
Грянетъ безумный творецъ!»

Взялъ ее за́-руку онъ... И чудесное что-то свершилось...
Сердце подъ мраморной грудью тревожно забилось;

Хлынула кровь по очерченнымъ жиламъ ключомъ;
Дрогнули гибкіе члены, недавно еще каменѣлые;
Очи, безжизненно-бѣлыя,
Вспыхнули синимъ огнемъ.

Вся обливаяся розовымъ блескомъ весенней денницы,
Долу стыдливо склоняя густыя рѣсницы,
Дѣва съ подножія легкою грёзой сошла;
Алыя губы раскрылися, грудь всколыхнулась волнистая,
И, что струя серебристая,
Тихая рѣчь потекла:

— «Вѣстницей воли боговъ, предстою я теперь предъ тобою.
Жизнь на землѣ — сотворенному смертной рукою;
Творческой силѣ — безсмертье у насъ въ небесахъ!»
....И передъ нею, своей воплощенною свыше идеею,
Передъ своей Галатэею,
Пигмаліонъ палъ во прахъ.

ФРИНЭ.

—

— Ты, чужеземецъ, ревнуешь меня къ Праксителю напрасно:
Вѣрь мнѣ, мой милый, что въ немъ я художника только любила—
Онъ потому мнѣ казался хорошъ, что искусство прекрасно,
Онъ для другой измѣнилъ мнѣ — и я про него позабыла...
Впрочемъ, кого не смутили-бы льстивыя рѣчи: «Гнатена,
«Нѣтъ, не Киприду, — *тебя* породила жемчужная пѣна!
«Будь образцемъ для статуи богини, безсмертія ради:
«Имя твое и твоя красота не погибнутъ въ Элладѣ!»

Я согласилася... Мрамора глыба,—такая, что только бы нимфѣ,
Или богинѣ статую изсѣчь, — красовалась въ ваяльнѣ;
Чуда рѣзца животворнаго ждали всечасно въ Коринѳѣ,
А Пракситель становился скучнѣе, угрюмѣй, печальнѣй. —
—«Нѣтъ, не могу!» говорилъ онъ, бросая рѣзецъ въ утомленьѣ:
«Я не художникъ, а просто влюбленный: мое вдохновенье —
«Юноши бредъ, — не она, Прометеева жгучая сила...
«О, для чего въ тебѣ женщина образъ богини затмила?» —
—Прошлой зимою... налей мнѣ вина изъ потэра —
Вечеръ свѣжѣетъ — по тѣлу и холодъ и жаръ пробѣгаетъ —

Прошлой зимою, въ Коринѳѣ у насъ появилася гетэра,
Именемъ Фринэ... Теперь её всякой коринѳянинъ знаетъ;

Но,—захотѣлось-ли ей возбудить любопытство въ народѣ,
Или отъ бѣшеныхъ оргій Аѳинъ отдохнуть на свободѣ, —
Только она укрывалась отъ смертныхъ, подобно богинѣ...
Вскорѣ однако-жь Коринѳъ коротко познакомился съ Фриной!

— Вотъ, подошли Элевзинскія празднества... Пестрой толпою,
Жители Аттики шумно стекалися на берегъ моря:
Шли сановитые старцы, вѣнчанные Крона рукою;
Отроки шли, съ Ганимедомъ красою весенней споря,
Юныя жены и дѣвы, потупивъ стыдливые взоры,
Ловко несли на упругихъ плечахъ храмовыя амфоры;
Мужи и смѣлые юноши, вслѣдъ за сѣдыми жрецами,
Жертвенныхъ агнцевъ вели и тельцовъ, оплетённыхъ цвѣтами.

— Всѣ обступали толпой оконечность пологаго мыса:
Противъ него, по преданію, вышла изъ моря Киприда.
Жрицы Пафосской богини готовились, въ честь Адониса,
Гимны обрядные пѣть: застонала въ рукахъ ихъ пектида,
Звуки свирѣли слились съ ея обольстительнымъ стономъ..
Вдругъ отъ толпы отдѣлилася женщина .. Длиннымъ хитономъ
Былъ ея станъ величавый ревниво сокрытъ; покрывало,
Бѣлой, широкой волной, съ головы и до пятъ ниспадало.
— Плавно, какъ будто бы чуткой погою едва пригибая
Стебли росистыхъ цвѣтовъ, по прибрежію — далѣй и далѣй —
Къ самой окраинѣ мыса она подошла; не внимая
Шопоту ближней толпы, развязала ремни у сандалій;
Пышныхъ волосъ золотое руно до земли распустила;
Перевязь персей и поясъ лилейной рукой разрѣшила;
Сбросила ризы съ себя, и, лицомъ повернувшись къ народу,
Медленно, словно зоря, погрузилась въ лазурную воду.

— Ахнули тысячи зрителей; смолкли свирѣль и пектида;
Въ страхѣ упавъ на колѣни, всѣ жрицы воскликнули громко:

Чудо свершается, граждане! Вотъ — она, матерь — Киприда!
Такъ ослѣпила своей олимпійской красой незнакомка...
Все обояніе дѣвственныхъ прелестей, все, чѣмъ отъ вѣка
Жёнъ украшала природа, иль смѣлая мысль человѣка,
Всё эта женщина образомъ дивнымъ своимъ затьмѣвала...
Я поняла Праксителя и горько тогда зарыдала!
— Но не Киприда стояла въ волнахъ, а мегаряшка Фринэ.
Межь изумленныхъ гражданъ живописцы... ваятели были:
Всѣхъ ихъ прельстила гетэра... прельщаетъ ихъ всѣхъ и понынѣ;
Всѣ, въ свою очередь эту гетэру безумно любили...
Многихъ она обманула, а прочихъ обманетъ жестоко:
Тёмную душу не всякій увидитъ сквозь свѣтлое око...
Съ этого самаго утра, Гнатена съ ваятелемъ — розно.
Можетъ быть, онъ и раскаялся, только раскаялся поздно...

— Что-же сказать мнѣ еще? Изваяніе богини Киеры
Кончилъ давно Пракситель, и давно повторяетъ Эллада
Имя ваятеля съ именемъ мнѣ ненавистной гетэры;
Но — да хранятъ меня боги! — теперь я спокойна, я рада...
Рада свободѣ...
Взгляни: потемнѣли высокія горы...
Тихо, въ вѣнцахъ многозвѣздныхъ, проносятся вѣчныя Оры...
Ночь и природѣ, и людямъ завѣтное слово шепнула:
«Спите!»

...О, еслибы ревность .. твоя, чужеземецъ, заснула!

ФРЕСКИ.

—

Дафнэ.

Какъ отъ косматаго сатира, иль кентавра,
Отъ Свѣтозарнаго бѣжала ты тогда,
Испугана, блѣдна, но дѣвственно-горда,
Пока не облеклась въ укорный образъ лавра,
Какъ въ ризу чистую чистѣйшаго стыда,
И, цѣломудреннымъ покровомъ зеленѣя,
Не стала на брегахъ родимаго Пенея
Предъ юнымъ пастыремъ Адметовымъ... Но онъ
И пастыремъ былъ — богъ...
Когда, одревенѣнъ,
Твой гибкій станъ въ корѣ опутался смолистой,
Когда окорпилась летучая нога,
Когда ты поднялась, стройна, полунага,
Подъ зеленью твоей туники остролистой,
Предъ тобою Фебъ колѣна преклонилъ,
И всѣ твои красы безсмертьемъ одарилъ,
И вѣчно, нимфа, ты цвѣтешь — не увядаешь,
И смертнаго одна къ безсмертью призываешь,
И лиру для одной тебя беретъ пѣвецъ,
И всё, и всё — твое, и слава, и вѣнецъ.

ПЛЯСУНЬЯ.

—

Окрылённая пляской безъ рòздыху,
Закалённая въ сѣрномъ огнѣ,
Ты, Помпеянка, мчишься по воздуху,
Не по этой спаленной стѣнѣ.

Опрозрачила ткань паутинная
Твой призывно-откинутый станъ;
Вѣтромъ пашетъ коса твоя длинная
И въ рукѣ замираетъ тимпанъ.

Предъ твоею красой величавою
Безъ рѣчей и безъ звуковъ уста,
И такой же горячею лавою,
Какъ и ты, вся душа облитà.

Но не сила Везувія знойная
Призвала тебя къ жизни: — легка
И чиста, ты несешься, спокойная,
Какъ отчизны твоей облакà.

Ты жила и погибла тедескою *),
И тедескою встала на вѣкъ,
Чтобъ въ тебѣ, подъ воскреснувшей фрескою,
Вѣчность духа прозрѣлъ человѣкъ.

*) Тедеска — по римски и итальянски — германка.

КАМЕИ *).

—

I.

Юлій Кесарь и Сервилія.

Когда передъ него, диктатора избра̀ннаго,
Всемірнаго вождя, всемірно–увѣнча̀ннаго,
Съ твоею матерью предстала рядомъ ты,
Въ разоблаченіи дѣвичьей красоты, —
Весь женскій стыдъ въ тебѣ сгорѣлъ передъ идеею,
Что ты останешься безцѣнною камеею,
Что Юлій Кесарь самъ тобою побѣдимъ
И что краса твоя безсмертна какъ и Римъ.

(*) Вѣроятно, читателямъ вполнѣ знакомо слово: «Камея», но вѣроятно, не всѣ читатели видѣли лучшее собраніе римскихъ камей,—или прямо въ Неаполитанскомъ музеумѣ, или на рисункахъ?.. Вотъ именно на рисункахъ-то (въ разныхъ, впрочемъ, довольно рѣдкихъ и дорогихъ изданіяхъ) всѣ эти камеи перенумерованы. По порядку этихъ изданій, перенумеровалъ и я первыя шесть камей. Изображенныя на нихъ лица и самое дѣйствіе ясны — (хотя-бы по заглавіямъ) всѣмъ, нѣсколько знакомымъ съ исторіей Рима. *Л. М.*

II.

Кесарь Октавій — Августъ и Юлія.

Ты на Юлію смотришь художникомъ, —
Не отцомъ: ты прямой сибаритъ,
А не римлянинъ ты...
Надъ треножникомъ
Аравійская мирра горитъ;
Мягко ложе твое постилается;
Смѣло смотритъ въ глаза тебѣ дочь;
Вся туника на ней колыхается;
Въ очи глянула римская ночь...
Что Требонія, Ливія, Лидія?
Ты имъ скажешь навѣрно: «прощай»,
И навѣрно: Назона — Овидія,
Ты сошлешь на холодный Дунай...

III.

Кесарь — Тиверій.

Лазурное небо, лазурный кристаллъ,
Капрею лазурную Дій даровалъ
Тебѣ, безпощадный тиранъ и калѣка!
Наслѣдуй-же островъ любимый боговъ...
Подъ вопли и стоны, и скрежетъ зубовъ,
И пытки растлѣннаго вѣка,
Казнишь ты и мучишь, во имя любви...
Ликуй-же, Тиверій, и дерзко зови
На муку и смерть человѣка!

IV.

Кесарь — Каллигула *).

Каллигула и съ нимъ всѣ три его сестры...
Въ хитоны легкіе одѣтые нескромно,
Какъ будто въ полуснѣ, тревожно и истомно
Склонилися онѣ на турскіе ковры,
И каждая изъ нихъ завистливо ревнуя
Ждетъ жадно первая отъ брата поцелуя

V.

Кесарь — Клавдій и Агриппина.

Голоденъ Клавдій... «Да чтожъ вы, рабы!
Скоро-ли будутъ готовы грибы?»
Скоро: сама Агриппина готовитъ...
Поваръ, что Гэбу, ее славословитъ.
Прямо въ собраніе безсмертныхъ боговъ
Явится Клавдій, покушавъ грибовъ...

VI.

Поппея и Кесарь — Неронъ.

На тайной оргіи пароянскаго сатрапа,
Предъ изваяніемъ безъухаго Пріапа,
Ты положила семь кипридиныхъ вѣнковъ:
Ихъ Нѣронъ сосчиталъ, и, властію боговъ,
Удвоилъ ихъ въ ту ночь, а вѣрная камея
Твой образъ сберегла, на диво намъ, Поппея.

(*) Честолюбивые замыслы сестеръ Каллигуллы, а особенно Агриппины младшей, побуждали ихъ, другъ передъ другомъ, заискивать расположенія Кесаря. Извѣстно, что успѣла достичь своей цѣли одна Агриппина, сдѣлавшись супругою преемника Каллигулы, Клавдія.

ОБМАНЪ.

—

За цѣпь жемчужную, достойную плеча
И шеи царственной, въ восторгѣ, Фаустина
Серебряннику Каю, сгоряча,
Дала мильонъ сестерцій..! Два рубина,
Какъ-будто въ тотъ-же мигъ окрашены въ крови,
Смыкали эту цѣпь напёрсную любви...
Но старый казначей былъ знатокомъ отмѣннымъ
И жѣмчугу, и камнямъ драгоцѣннымъ.
—«Императрица, если ты велишь,
Я отпущу мильонъ сестерцій негодяю,
Но негодяй онъ—истинно я знаю:
Всё ожереліе—подложное.. Гони-жь
Его скорѣе прочь, — а кесарю ни слова.»
Промолвилъ казначей.
Да Кесаря другова,
Дослышливѣе чѣмъ Кесарь Галліэнъ,
И нѣ было тогда, и нѣтъ теперь такова:
Всё — уши у него, отъ потолка до стѣнъ
И услыхалъ... Сенатскимъ приговоромъ
Объявленъ Кай мошенникомъ и воромъ
И къ цирку присуждёнъ, на растерзанье львамъ,
И кесарь приговоръ скрѣпилъ законно самъ...

Обрадовался Римъ!.. Давно-уже граждане
Квиритской кровію не тѣшили свой взоръ,
И не забавенъ былъ имъ смертный приговоръ:
Всё варвары одни, да христіане,
Кто съ гордою улыбкой, кто съ мольбой,
Встрѣчали въ циркѣ смерть и съ ней вступали въ бой...

Но вотъ согражданинъ, съ всемірными правами
Погибнуть обречёнъ подъ львиными когтями!...

Какой нежданный случай! Въ колизей
Съ утра, всѣ выходы и входы осаждала
Несмѣтная толпа, и не отдалось ей,
И вся она волной прибойной грохотала...

Но двери отперлись, и шумная толпа,
Сама-собой оглушена, слѣпа,
Снизалась въ пять головъ на мраморныхъ ступеняхъ
Амфитеатра...

Вотъ, на сглаженномъ пескѣ,
Въ предчувствіи послѣднихъ мукъ въ тоскѣ,
Стоитъ преступникъ самъ на трепетныхъ колѣняхъ.
Послѣдней блѣдностью одѣлося чело,
Послѣдняя слеза повисла на рѣсницѣ,
И Фебъ надъ нимъ летитъ, какъ будто-бы на зло,
Въ своей сверкающей всей жизнью колесницѣ.

Ждутъ кесаря... И въ ложу онъ вошёлъ.
И Фаустина съ нимъ, въ глазахъ ея томленье
И тайная мольба; но римскій произволъ,
Казня, не миловалъ.. Ещё одно мгновенье—
И дрогнулъ циркъ, и заскрипѣвъ спялась
Съ заржавленныхъ петлей желѣзная рѣшётка,

И на арену вылетѣлъ — каплунъ...
О!... еслибъ зевсъ сломилъ свой пламенный перунъ,
Иль потопула-бы хароновская лодка,
На врядъ-ли были-бъ такъ сотрясены сердца
Всѣхъ зрителей съ конца и до конца,
И не были-бы такъ изумленны и жалки
Отцы-сенаторы, фламины и весталки,
Съ опущеннымъ перстомъ... *)

— «Всё въ жизни—прахъ и тлѣнъ,
«Отцы-сенаторы!» промолвилъ Галліэнъ,
Зѣвнувъ и выходя съ супругою изъ ложи:
— «Опъ обманулъ—ну вотъ — и самъ обмануть то-же.

---

*) Фламины—верховные жрецы и Весталки осуждали въ циркѣ на казнь, опуская лишь большой палецъ.

ЦВѢТЫ.

—

Посвящается графу Григорію Александровичу Кушелеву-Безбородко.

Пиръ въ золотыхъ чертогахъ у Нерона,
Почетный пиръ для избранныхъ друзей...
Самъ Кесарь сòзвалъ дорогихъ гостей
На празднества въ честь Музъ и Аполлона:
Самъ Кесарь Музъ избралъ средь гордыхъ жёнъ
И юныхъ дѣвъ блистательнаго Рима:
Особый день былъ каждой посвящёнъ
И каждая была боготворима.
Ужь восемь разъ рѣшали первенство
Для новой Музы брошенныя кости,
И восемь разъ ликующіе гости
Мѣняли пиръ, мѣняли божество, —
И вотъ насталъ чередъ для Мельпомены,
Для остальной красавицы — камены.

Триклініумъ... Отъ праздничныхъ огней
Горятъ боговъ изваянные лики,
Горитъ цвѣтнòй помостъ изъ мозаики,
Горитъ рѣзьба корнизовъ и дверей

И свѣтятся таинственные хоры.
На раздвижномъ, высокомъ потолкѣ
Озарено изображенье Флоры —
Въ вѣнкѣ изъ розъ, съ гирляндою въ рукѣ.
Склонившись долу свѣтлыми кудрями,
Богиня на послушныхъ облакахъ,
Съ улыбкою весенней на устахъ,
Проносится надъ шумными гостями,
И, кажется, лилейные персты
Едва-едва не выронятъ цвѣты...

И кстати бы! давно пируютъ гости;
Давно въ кратэрахъ жертвенныхъ вино
Предъ статуи боговъ принесено
И рѣзлито рабами на помостѣ;
Давно и навыкъ, и талантъ прямой
Въ наукѣ пиршествъ поваромъ показанъ;
Давно и пёсъ цѣпочкой золотой
Къ тяжёлому свѣтильнику привязанъ...
А все еще пирующимъ вѣнковъ
Рабыни на чело не возлагали
И пышныхъ ложъ еще не устилали
Живымъ ковромъ изъ листьевъ и цвѣтовъ;
Но каждое покрыто было ложе
Иль тигровой, иль барсовою кожей.

Среди чертога ложа съ трехъ сторонъ;
Одно изъ нихъ съ серебрянною сѣнью: —
Съ приличной для пирующаго лѣнью,
Возлёгъ на немъ самъ Неронъ-Аполлонъ.
Онъ въ одѣяньѣ свѣтоносца-бога:
Алмазами горитъ его вѣнецъ;

Алмазами осыпанная тога
На олимпійскій шита образецъ
Изъ бѣлоснѣжной, серебристой ткани;
Ни обуви, ни пояса на немъ;
Рѣзной колчанъ сверкаетъ за плечомъ;
Лукъ и стрѣла небрежно сжаты въ длани.
У ногъ его Софоній–Тигеллинъ.
Наперсникъ и всеможный властелинъ.

За дочерей Германика когда-то
Въ Калабрію онъ выпровожденъ былъ
И рыбакомъ дни жалкіе влачилъ,
Пеняя на рѣшеніе сената;
Сѣтями хлѣбъ насущный добывалъ;
Привыкъ къ труду, незнаемому съ дѣтства,
И вдругъ — отецъ боговъ ему послалъ
Нежданное, богатое наслѣдство!
Купивши право — снова въѣхать въ Римъ,
Явился онъ средь міровой столицы,
Завёлъ коней, возничихъ, колесницы,
И отличёнъ былъ Нѣрономъ самимъ.
Коварный, ловкій, наглый и прихожій,
Онъ образцёмъ былъ римскаго вельможи.

Эпикуреецъ, безпословный мотъ,
Онъ Эпобарба изумилъ недавно
Своею роскошью и выдумкой забавной:
На прудъ Агрипны былъ имъ спущенъ плотъ,
Уставленный трапезными столами
И движимый десятками судовъ;
Придворные, одѣтые гребцами,
Подъ звуки лиръ и голоса пѣвцовъ,

Вздымали мѣрно вёсла золотыя
И медленно скользили по водѣ;
Когда-жь на тихо-дышащемъ прудѣ
Заколыхались сумерки почныя,
Въ густыхъ садахъ зажглися фонари—
И длился пиръ до утренней зари.
По берегамъ стояли павильоны;
У ихъ пороговъ, съ пламенемъ въ очахъ,
Съ вѣнками на заёмныхъ парикахъ,
Гостей встрѣчали юныя матроны.
Безсильны кисть и слово и рѣзецъ
Для этихъ жрицъ и избранницъ Гимена...
И вотъ уже двурогій свой вѣнецъ
Сронила въ море сонная Селена...
Но Тигеллинъ въ пирахъ не забывалъ
Ни гласныхъ дѣлъ, ни таѣныхъ порученій...
Теперь, подъ гнётомъ смутныхъ размышленій
Въ триклиніумъ къ Нерону онъ вступалъ;
Но понемногу сталъ повеселѣе, —
И скромно улыбается Поппеѣ.

Въ тотъ день Поппея ѣздила съ утра
По форуму; предъ ней рабы бѣжали;
Испанскіе мулы ея теряли
Подковы изъ литова серебра;
Чернь жадная квадригу окружала,
Кричала: vivat! простиралась ницъ...
Потомъ Поппея ванну заказала
Изъ молока девятисотъ ослицъ;
Потомъ на пиръ заботливо рядилась:
Безцѣннымъ муромъ тѣло облила,

Безцѣнный жемчугъ въ косы заплела,
И вечеромъ въ триклиніумъ явилась,
Прекрасна, неизмѣнно-молода,
Какъ темная вечерняя звѣзда.
Подъ складками лазурнаго хитона,
Прозрачнаго, какъ утренній туманъ,
Сквозитъ ея полуразвитый станъ,
Сквозитъ волна встревоженнаго лона.
Гибка, стройна, какъ тонкая лоза,
Съ пріёмами застѣнчивой дѣвицы,
Поппея на стыдливые глаза
Склонила бѣлокурыя рѣсницы.
Казалось, эти дѣтскія уста
Одни привѣты лепетать умѣли
И въ этомъ взорѣ дѣвственномъ свѣтлѣли
Одна любовь, невинность, чистота...
Но кто знавалъ Поппею покороче —
Не вѣрилъ ни въ уста ея, ни въ очи.

Давно ли на Октавію она
Безсовѣстно Нерону клеветала
И скорбную супругу заставляла
Испить фіалъ безчестія до дна?..

. . . Пронеслась гроза
И прошлое давно забыто было,
А въ настоящемъ — новая бѣда!
Въ сосвѣздіи младыхъ красотъ тогда
Взошло другое, яркое свѣтило...
Досужій Римъ, въ честь новой красоты,
Жёгъ ѳиміамъ похвалъ и тонкой лести
И разсыпалъ поэзіи цвѣты.

Самъ Кесарь съ юной римлянкою вмѣстѣ
Любилъ бывать, любилъ ей угождать,
Къ Поппеѣ охлаждаясь понемногу;
Но та свою душевную тревогу
Старалася отъ Кесаря скрывать:
Въ ней зависть, гнѣвъ и ревность возбудила
Послѣдняя камена — Максимилла.

На первомъ ложѣ, съ лѣвой стороны
Отъ ложа осѣнённаго Нерона,
Ты возлегла, красавица-матрона,
Богиней цвѣтоносною весны!
Пурпурная туника Мельпомены,
Не удержась на мра́морѣ плеча,
Слилась съ него на дѣвственные члены,
Весь трепетный твой станъ изоблича.
Твоя коса вѣнцомъ трехзвѣзднымъ сжата;
Но, кажется, мгновеніе — и вотъ
Она алмазный обручъ разорвётъ
И раздробится въ иверни агата
О дорогую мозаику плитъ,
Соперница Киприды и Харитъ.

Одной рукой ты оперлась на маску,
Другой — ритонъ съ фалернскимъ подняла;
Сама любовь лукаво расплела
Твоей котурны узкую подвязку;
Пылаетъ на зардѣвшихся лапитахъ,
Сама любовь глядитъ въ твоихъ очахъ,
Смѣётся на коралловыхъ устахъ...
Не даромъ въ избалованныхъ квиритахъ,
Въ изнѣженцахъ Неронова двора,

Ты пробудила дремлющія силы,
Не даромъ у порога Максимиллы
Они толпятся до ночи съ утра,
Не даромъ всё сильнѣе и сильнѣе
Кипитъ вражда ревнивая въ Поппеѣ!

Не перечесть поклонниковъ твоихъ,
Отъ бѣднаго плебея до вельможи!
Глава разгульной римской молодежи,
Законодатель пиршествъ удалыхъ,
Богачъ Петроній всѣ дворцы и виллы,
Всѣ зѣмли, всѣхъ невольницъ и рабовъ
Отдастъ за взглядъ привѣтный Максимиллы,
И самъ пойдти въ невольники готовъ;
Но Максимиллѣ нуженъ не повѣса:
Красавица взыскательна, горда —
Ей нуженъ мужъ совѣта и труда —
Могучій духъ и воля Геркулеса.
А вотъ и онъ, вотъ сѣверный Алкидъ,
Сынъ Альбіона дальняго, Генгитъ.

Когда на берегъ непокорной Моны,
Удобное мгновенье улучивъ.
Светоній, темной ночью, чрезъ проливъ,
Побѣдные направилъ легіоны
И Римляне въ глубокой тишинѣ
Къ отлогому прибрежью подплывали, —
Весь островъ вдругъ предсталъ предъ нихъ въ огнѣ:
Столѣтнія деревья запылали
И освѣтили грозные ряды
Британцевъ. Съ распущенными власами,
Какъ фуріи, съ зажженными вѣтвями,

Съ рѣчами гнѣва, мести и вражды,
Въ рядахъ носились женщины толпою
И варваровъ воспламеняли къ бою.

При заревѣ пылающихъ дубовъ,
При вòзгласахъ друидовъ разъярённыхъ,
Посыпался на римлянъ изумлённыхъ
Дождь камней, стрѣлъ и копій съ береговъ.
Смутился строй воителей могучихъ;
Но — крикнулъ вождь — и вмигъ на берега
Они внесли орловъ своихъ летучихъ
И ринулись на дерзкаго врага.
Тогда-то, въ встрѣчу сомкнутому строю,
Со шкурою медвѣжьей на плечахъ,
Съ дубиной узловатою въ рукахъ,
Предсталъ Генгитъ, всѣхъ выше головою,
И римлянъ кровь ручьями полилàсь,
И дорого побѣда имъ далась.

Британцевъ смяли. Ранами покрытый,
Генгитъ упалъ на груды мертвыхъ тѣлъ,
И взятъ былъ въ плѣнъ, и нѐхотя узрѣлъ
И Тибръ, и Капитолій именитый.
На первыхъ играхъ вождь британскій былъ,
При кликахъ черни, выведенъ въ арену
И голыми руками задушилъ
Медвѣдя и голодную гіену.
Затѣмъ его позвали во дворецъ,
Одѣли въ пурпуръ, щедро наградили.
Толпой рабовъ послушныхъ окружили
И подарили волей наконецъ:
Какъ птица, ждалъ онъ вѣтерка роднова,
Чтобъ улетѣть въ свою отчизну снова.

Но... Максимилла встрѣтилась ему —
И полюбилъ дикарь неукротимый,
И позабылъ про Альбіонъ родимый.
Суровый, равнодушный ко всему,
Что привлекало въ городѣ всесвѣтномъ,
Въ пріёмной у красавицы своей
Онъ сторожемъ безсмѣнимымъ, безотвѣтнымъ
Встрѣчалъ толпы привѣтливыхъ гостей.
Къ нему привыкли, звали Геркулесомъ —
Онъ молча улыбался каждый разъ
И не сводилъ съ квиритки юной глазъ.
И вотъ, въ укоръ искателямъ–повѣсамъ,
Онъ предпочтенъ и полюбился ей
Отвагою и дикостью своей.

Однажды Кесарь новую поэму
Читалъ у Максимиллы; тѣсный кругъ
Ея друзей и молодыхъ подругъ
Внималъ стихамъ, написаннымъ на тему:
«*Capàcen parturiens*». Онъ читалъ
И съ каждою строкой одушевлялся;
Подъ льстивый шопотъ сдержанныхъ похвалъ
Гекзаметръ, какъ волна, переливался...
Вдругъ, на одной изъ самыхъ сильныхъ фразъ,
Раздался храпъ заснувшаго Гепгита!
Приличье, страхъ — всё было позабыто, —
И громкій хохотъ общество потрясъ:
Заслушавшись стиховъ поэмы чудной,
Британецъ спалъ спокойно, непробудно.

Въ душѣ Перопа вспыхнула гроза:
Онъ поблѣднѣлъ; виски налились кровью;

Подъ бѣшено-нахмуренною бровью
Метнули искры впалые глаза,
И замеръ на устахъ оледенѣлыхъ
До половины вылившійся стихъ,
И вздрогнулъ кругъ гостей оцѣпенелыхъ;
Но быстрый гнѣвъ еще быстрѣй затихъ.
«Живи во вѣки!» молвитъ Максимилла:
«Напрасно, Кесарь, разсыпаешь ты
Предъ варваромъ поэзіи цвѣты:
Въ немъ духа мощь убила плоти сила...»
Неронъ смѣялся, варвара обнялъ,
И тутъ же всѣхъ присутствовавшихъ звалъ
Къ себѣ на пиръ...

Давно пируютъ гости;
Давно въ кратэрахъ жертвенныхъ вино
Предъ статуп боговъ пришесено
И розлито рабами на помостѣ;
Давно и навыкъ, и талантъ прямой
Въ наукѣ пиршествъ поваромъ показанъ;
Давно и песъ цѣпочкой золотой
Къ тяжелому свѣтильнику привязанъ...
Неронъ далъ знакъ—и съ озаренныхъ хоръ
Пѣвцовъ лидійскихъ цитры зазвучали,
И стройный гимнъ пропесся въ пирномъ залѣ
Блеснулъ побѣдно Максимиллы взоръ,
И, отъ безсильной зависти блѣднѣя,
Потупила глаза свои Поппея.
Клиръ воспѣвалъ царицу торжества,
Любимицу младую Аполлона,
Сошедшую на землю съ Геликона.
Пропѣтый гимнъ придворная молва

Приписывала Кесарю негласно,
И, какъ ни скромепъ авторъ гимна былъ,
Но дружный хоръ привѣтствій шумныхъ ясно
Вѣнча́нпаго поэта обличилъ.
Неронъ едва примѣтно улыбался
И лиру приказалъ къ себѣ принесть:
Самъ Аполлонъ, прекрасной Музѣ въ честь,
Хвалебный гимнъ пропѣть намѣревался.
Все смолкло, словно геній тишины
Слетѣлъ въ чертогъ на первый звукъ струны.

Неронъ запѣлъ... Отчетливый, могучій
И гибкій голосъ Кесаря звучалъ,
Гремѣлъ грозой, дрожалъ и замиралъ
Въ мелодіи мѣнявшихся созвучій.
Въ нихъ слышались кипучая борьба—
И мощный отзывъ непреклонной власти,
И робкая, покорная мольба,
И плачъ, и смѣхъ, и тихій ропотъ страсти...
Пѣвецъ умолкъ, а всѣ еще вокругъ
Ему внимали въ сладкомъ умиленьѣ...
Но—мигъ одинъ—и все пришло въ волненье,—
И весь чертогъ заколебался вдругъ
Подъ непрерывный громъ рукоплесканій,
Восторженныхъ похвалъ и восклицаній

Въ разгаръ пиръ. Мѣняются чредой
Неслыханно-затѣйливыя блюда;
Финифтью расцвѣченная посуда
Вездѣ блистаетъ грудой золотой;
Прельщая вкусъ и удивляя взоры,

Обходитъ избалованныхъ гостей
Завѣтныя потэры и амфоры,
Безцѣнные и рѣдкостью своей,
И нектаромъ, заботливо хранимымъ:
Спокойное фалерское вино
Библосскимъ искрометнымъ смѣнено,
Библосское—хіосскимъ благовоннымъ,
Хіосское—газосскимъ золотымъ;
Газосское—коринѳскимъ вѣковымъ.

Шумнѣе пиръ, смѣлѣе разговоры,
Нескромнѣй смѣхъ, живѣй огонь очей...
Одни, въ толпѣ ликующихъ гостей,
Потупили задумчивые взоры
Поппея и Софоній Тигеллинъ:
На ихъ челѣ сомнѣніе, забота
И тайный страхъ... Но Рима властелинъ
Софонію шепнулъ украдкой что-то,
А на Поппею бросилъ бѣглый взглядъ—
И лица ихъ мгновенно просвѣтлѣли...
Межь тѣмъ тимпаны, трубы и свирѣли
И струны лиръ торжественно гремятъ,
И рѣзвый рой менадъ гостей забавитъ,
И хоръ пѣвцовъ царицу пира славитъ,—
Красавицу, богиню изъ богинь...
Ужь за́ полночь... Гостей не потревожа,
Поппея тихо поднялася съ ложа
И, скрытая толпой нѣмыхъ рабынь,
Скользнула незамѣтно изъ столовой.
Но видѣлъ все внимательный Неронъ:
Онъ также всталъ, пахмуренный, суровый,
И также вышелъ изъ чертога вонъ,

Безмолвно опершись на Тигеллина,
И двери затворились за нимъ...
Переглянулись съ ужасомъ нѣмымъ
Всѣ гости по уходѣ властелина...
Вдругъ затрещалъ надъ ними потолокъ
И Флора уронила къ нимъ цвѣтокъ.
Упала пышнолиственная роза...
За ней другая, третья... словно вязь
Въ перстахъ лилейныхъ Флоры распелась
И, волею боговъ, метаморфоза
Свершалась очевидно: съ высоты
Лилiйся внизъ дождемъ благоуханнымъ
Мгновенно оживавшіе цвѣты.
Поражены явленіемъ нежданнымъ,
Вскочили гости, словъ не находя,
Чтобъ выразить всю силу изумленья,
Но—минулъ краткій мигъ оцѣпенѣнья—
И мѣрный шумъ цвѣточнаго дождя
Покрыли оглушительные крики:
«Живи во вѣки, Кесарь нашъ великій!»

«Да здравствуетъ божественный Неронъ!
Благословенны дни его драгіе!...»
Ликуютъ снова гости молодые
И снова смѣхъ и чашъ веселый звонъ
Триклиніумъ умолкшій огласили.
Недавній страхъ и ужасъ далеки
Изъ яркихъ розъ и бѣлоснѣжныхъ лилій
Свиваются пахучіе вѣнки;
Плетутся вязи длинныя фіялокъ,
Нарциссовъ, гіацинтовъ, васильковъ...

«Менадъ сюда! канатныхъ плясуновъ!
Вина! Вина! Кто пить усталъ, тотъ жалокъ!
Придумывай скорѣй, архимагиръ,
Чѣмъ заключить достойнѣе пиръ!»

Всѣ девять Музъ украшены вѣнками;
На всѣхъ гостяхъ гирлянды изъ цвѣтовъ;
Всѣ ложа, полъ, весь длинный рядъ столовъ
Усѣяны, усыпаны цвѣтами..,
Пора рабамъ дать отдыхъ и покой:
Гепитъ вскочилъ и ложе съ мѣста сдвинулъ,
И пса толкнулъ могучею пятой:
Рванулся песъ, свѣтильникъ опрокинулъ
И цѣпь порвалъ... И вотъ рабы ушли,
Ушли рабыни, плясуны, менады...
Кой-гдѣ погасли пирныя лампады...
Веселый смѣхъ и крики перешли
Въ невнятные слитые разговоры;
Замолкнулъ клиръ и потемнѣли хоры...

И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
И сыплятся дождемъ неудержимымъ...
Въ лугахъ и злачныхъ пажитяхъ подъ Римомъ
Три дня ихъ сборомъ были заняты
Селянки загорѣлыя и дѣти...
И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
И зыблются, какъ радужныя сѣти,
Спущенныя на землю съ высоты.
Ихъ сотня рукъ съ потухшихъ хоръ кидаетъ
Корзинами, коппами; ароматъ
Вливаетъ въ воздухъ смертоносный ядъ;
Клокочетъ кровь и сердце замираетъ

Отъ жара и несносной духоты...
И падаютъ, и падаютъ цвѣты...

Напрасенъ крикъ пирующихъ: «Пощады!
«Мы умираемъ!» Падаютъ цвѣты—
Пощады нѣтъ: всѣ двери заперты;
Потухли всюду пирныя лампады...
Въ отвѣтъ на вопль предсмертный и на стонъ
Въ желѣзныхъ клѣткахъ завывали звѣри
И за дверями хохоталъ Неронъ.
Еще мгновенье...
Растворились двери—
Великодушный Кесарь забывалъ
Обиду, нанесенную поэту...

Въ послѣдствіи, припомнивъ шутку эту,
Позвалъ на пиръ гостей Гельогабалъ;
Но тѣмъ гостямъ плачевнѣй жребій выпалъ:
Помѣшанный цвѣтами ихъ засыпалъ....

ВИДѢНІЕ.

—

Семь вѣковъ съ половиной и трй-года минуло грозному Риму;
Мѣсяцъ Януса вешнею ночью встрѣчаетъ восьмыя календы;
Кесарь-Августъ ужь третіе лѣто — избрàнный владыка народа...

Полунòчь, а сады Мецената, какъ въ полдень, горятъ, изумрудомъ
Отъ лампадъ и отъ свѣточей: вѣрно самъ Кесарь въ гостяхъ у любимца?..
Онъ и есть.—Кесарь-Августъ, и любимица Юлія съ нимъ, и всѣ думцы,
Всѣ придворные съ нимъ — отъ отцовъ отъ сенаторовъ — даже до мима,
Не считая пѣвцовъ и художниковъ. Вотъ и сенаторъ-Агриппа,
И Пиладъ-пантомимъ, и Горацій съ Овидіемъ, вотъ и Амулій,
Живописецъ, погребшій всю жизнь въ тайникахъ «Золотаго чертога»
Вотъ Витрувій маститый, тотъ зодчій, что «вѣчному городу» высѣкъ
Саркофагъ изъ порфира и мрамора... Вотъ безъимѐнный ваятель,

Родомъ — эллинъ, виновникъ всего торжества... Но, хотя безъ-
имѣнный,
Память вѣчную передалъ онъ о себѣ всѣмъ вѣкамъ и народамъ
Изваяньемъ Зевеса-Электора... Чудную статую эту
Заказалъ Меценатъ, и, въ подарокъ Октавію-Августу, моремъ,
Переслалъ и ее, и ваятеля съ нею; онъ въ Римъ изъ Коринѳа...

На престолѣ изъ кости слоновой возсѣлъ Олимпіецъ въ величьѣ.
И копье золотое въ десницѣ онъ держитъ, а въ шуйцѣ—перуны;
Чистый мраморъ чела облекаютъ вѣнцомъ осѣненныя кудри;
У подножія бога орёлъ опускаетъ широкія крылья.
Окрестъ ложа двойнаго, гдѣ Августъ и Юлія съ нимъ возлегаютъ,
Льются музыки тихія волны сквозь зелень кустовъ и деревьевъ;
Олеандры и розы алѣютъ по купамъ лилей и жасминовъ,
И о камни гранятся въ жемчугъ и въ алмазы струи водометовъ.
Увѣнчала Октавію Юлія волосы плющемъ шафраннымъ,
Улыбаяся, жжетъ ему очи кипучею лавою взоровъ —
И невольно склонился къ ней Кесарь вѣнчанной главою на перси,
Эти чуткія персп, какъ въ бурю двѣ первыя пѣнныя волны...
И ревниво глядитъ на красавицу, сквозь олеандры Овидій...

Впрочемъ, врядъ-ли бы Кесарь и тысячи взоровъ сторожкихъ
примѣтилъ:
Смотритъ онъ не-очами—душой просвѣтленной и зрѣніемъ сердца
Онъ на статую смотритъ, и смотритъ на южное звѣздное небо—
Въ забытьѣ...
Сходятъ на̀ землю, ближе и ближе, пресвѣтлые боги:
И Меркурій, и Марсъ, и Венера, и самъ громовержецъ-Юпитеръ,
Вотъ онъ, вотъ!.. За себя посылаетъ и утромъ и вечеромъ —
Феба,
А съ вечерней зори до денницы—Діану, а самъ онъ, Юпитеръ,
Пополамъ разломилъ свой божественный лучъ и Діанѣ, и Фебу...

Отчего-же такъ быстро стремится Юпитеръ къ зениту?
Отчего онъ и больше, и ярче, и снопъ изъ лучей своихъ вяжетъ,
Словно на небѣ слѣдъ за собой заметаетъ метлой серебристой?
Поднялся онъ надъ самою статуей.. Полно-Юпитеръ-ли это?..
Нѣтъ: не онъ, а иная звѣзда загорѣлась на небѣ восточномъ,
Загорѣлась — и дикую, чуждую мѣстность собой освѣтила.

Сельскій выгонъ въ песчаной пустынѣ; все стадо припало на землю,
И въ испугѣ глядятъ пастухи на полночное небо, а небо
Темносиній свой пологъ разверзло потоками яркаго свѣта —
И лучами, какъ лирными струнами, вторитъ торжественной пѣснѣ;
Воспѣваютъ крылатые, чистые, свѣтлые образы «Слава
Въ вышнихъ Богу!»

А въ ближнемъ селеньѣ, въ хлѣву, вынимаетъ изъ яслей
Мать Младенца... возноситъ горѣ его... вдругъ!...

Покачнулась
И содрогнулась статуя Зевса; возстала, колеблясь, съ престола,
Уронила копье и перуны, и грянулась навзничь о землю —
Только брызнули всюду осколки — и въ ужасѣ вскрикнулъ самъ Кесарь,
И — очнулся...

Видѣнье исчезло: все тѣ-же сады Мецената;
Та-же музыка, тѣ-жь водометы, лампады, цвѣты и деревья;
Та же Юлія съ той-же улыбкой и пламеннымъ взоромъ,
И сидитъ нерушимъ на престолѣ Зевесъ-громовержецъ...
О, боги!
Милосерды вы къ набожнымъ кесарямъ — даже и въ грезахъ полночныхъ.

IV.

ЗАПѢВКА.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещенная–омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама-собой ты спѣлася–сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ–дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ–копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей...

ПѢСНЯ.

(Ек — нѣ Ив — нѣ Э — вой.)

Охъ — вы, го́ды, мои торопливые,
Торопливые вы годы и спѣшливые,
Какъ ни съ долей ни съ удачей вы не знались,
Изъ огня да прямо въ полымя кидались!..
Да спасибо же вамъ, бѣзтолочь бѣдовая,
Что за васъ я полюбила чернобровая —
Полюбила, приласкала, приголубила,
Чарку мо́лодца бездольнаго пригубила.

ПѢСНЯ.

—

Ты житьё-ль моё
Ты бытье-ль мое
Ты, житье-бытье мое-ли горемычное!
Что хозяйкой быть,
За сѣдымъ ходить —
Молодешенькѣ-мнѣ — дѣло непривычное...
Охъ–ты милый мой,
Разудалый мой!
Научи меня съ недолей потягатися:
Ни топить избы
Не слыхать журьбы,
Со постылымъ старымъ мужемъ не якшатися.

ПѢСНЯ.

—

Ка́къ паладили: «Дура́къ,
Брось ходить въ царевъ кабакъ!»
Та̀къ и ладятъ все одно —
«Пей–ты воду не вино —
Вонъ хошь рѣчкѣ поклонись,
Хошь у быстрой поучись.»

— Ужь я къ рѣченькѣ пойду,
Съ рѣчкой рѣчи поведу:
«Говорятъ мнѣ: ты умна:
Поклонюсь тебѣ до дна:
Научи ты какъ мнѣ быть,
Пьянствомъ люда не срамить?

Ка̀къ въ тебя, — мою рѣку,
Утопить змѣю-тоску?
А научишь — вѣкъ тогда
Исполать тебѣ, вода,
Что отбила дурака
Отъ царева кабака!»

ПО-ГРИБЫ.

—

Рыжичковъ, волвяночекъ,
Бѣлыихъ бѣляночекъ
Наберу скорёшенько
Я млада–младёшенька,
Что для свёкра–батюшки,
Для свёкрови–матушки:
Перестали-бъ скряжничать —
Сѣли–бы пображничать

А тебѣ постылому,
Старому-да хилому,
Супу я въ окошечко
Полное лукошечко
Мухомора стараго,
Стараго–поджараго...
Старый ѣстъ–не справится:
Мухоморомъ дàвится...

А тебѣ, треклятому,
Бѣлу–кудреватому,

Высмотрю я трàвушку,
Трàвушку–муравушку, —
На постелю брáную,
Свахой–ночкой стлáную,
Съ пòлогомъ–дубровушкой,
Да со мной–ли вдовушкой.

ПѢСНЯ.

—

Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ,
День великой — поминъ по родителямъ.
Только я, сиротинка безродная,
На погостѣ поминокъ не правила.
Я у мужа вечѳръ отпросилася:
— «Отпусти, осударь, — похристосуюсь
На могилѣ со свекоромъ батюшкой.»
Идучи, я съ дороженьки сбилася,
Во темномъ во лѣсу заплуталася,
У оврага въ лѣсу опозналася.
Въ томъ оврагѣ могила безкрестная:
Всю размыло ее ливнемъ-дождикомъ,
Размело–разнесло непогодушкой. .
Подошла я къ могилѣ — шатнулася,
Бѣлой грудью о землю ударилась:
— «Ты скажи мнѣ, сырая могилушка,
Таково-ли легко было мѳлодцу
Загубить свою душеньку грѣшную,
Каково-то легко было дѣвицѣ
Подъ невольный вѣнецъ снаряжатися?»

ВИХОРЬ.

—

При дорогѣ нива...
Доня — смуглоличка
День-деньской трудится —
Неустанно жнетъ:
Видно не лѣнива,
А — что Божья птичка —
На зорѣ ложится,
На зорѣ встаетъ.

Противъ нашей Дони
Поискать красотки. —
Развѣ — что далеко,
А въ сосѣдствѣ нѣтъ...
Косы по лодони;
Грудь какъ у лебедки;
Очи съ поволокой;
Щеки — маковъ цвѣтъ.

Солнце такъ и жаритъ,
Колетъ какъ иглою;
Стелется на полѣ
Дымъ не — то туманъ;

Съ самой зорьки паритъ —
Знать передъ грозою;
Скинешь по неволѣ
Душный сарафанъ.

Разгорѣлась жница:
Жнетъ да жнетъ да вяжетъ,
Вяжетъ безъ подмоги
Полные снопы...
А въ дали зорница
Красный пологъ кажетъ...
Ходятъ вдоль дороги
Пыльные столпы ..

Ходятъ *вихри*, ходятъ,
Вертятся воронкой —
Все по-одиночкѣ:
Этотъ, тотъ и тотъ —
Очередь заводятъ ..
А одинъ, сторонкой,
Къ Дониной сорочкѣ
Такъ-себѣ и льнетъ.

Оглянулась дѣвка —
И сама не рада:
Кто-то за спиною
Выросъ изъ земли...
На губахъ издѣвка,
А глаза безъ взгляда;
Волосы конною,
Борода въ пыли.

Сѣрый–сѣрый, зыбкой, —
Онъ по вѣтру гнется,
Вьется въ жгутъ и пляшетъ,
Пляшетъ и дрожитъ,
Словно бы съ улыбкой,
Словно бы смѣется,
Головою машетъ —
Донѣ говоритъ.

«Вѣтерокъ поднялся —
Славная погодка!
Свѣтится зорница
Среди-бѣла дня:
Я и разыгрался...
Бѣлая лебедка,
Красная дѣвица,
Полюби меня!»

Отскочила Доня —
Ей неймется вѣры —
За снопами кроясь,
Силится уйдти,
А за ней погоня —
Настигаетъ *сѣрый*,
Кланяется въ поясъ,
Сталъ ей на пути:

«Что-жь не молвишь слова,
Что не приголубишь?
Аль — еще не знаешь —
Что за зелье страсть?

Полюби сѣдова: —
Если не полюбишь,
И его сконаешь,
И тебѣ пропасть...»

Самъ по полю рыщетъ,
Къ Допѣ бокомъ–бокомъ —
Тѣсными кругами
Хочетъ закружить:
Будто въ жмуркахъ ищетъ,
Будто ненарокомъ
Пыльными руками
Тянется схватить.

Вотъ схватилъ и стиснулъ...
Да она рванулась:
«Аль серпа хотѣлось?
На — тебѣ, лови!»
Серпъ блеснулъ и свиснулъ...
Пыль слегка шатнулась,
Да и разлетѣлась...
Только серпъ въ крови...

Съ призракомъ пропали,
Словно вихорь шаткой,
И дѣвичьи грезы....
Отчего-жь потомъ
Мать съ отцомъ видали,
Какъ она украдкой
Утирала слезы
Бѣлымъ рукавомъ?

Отчего гурьбою
Сватовъ засылали
А смотрёнъ ни разу
Не пришлось запить?..
Думали семьею,
Думали–гадали
И рѣшили: «съ глазу!»—
Такъ тому и быть...

Зимка проскрипѣла
И весной запахло;
Зеленя пробили
Черный слой земли...
Доня все хирѣла,
Сохнула и чахла...
Знахари ходили,
Только *не дошли*.

Рожь поспѣла снова...
Свѣтится зорница...
Ходятъ вдоль дороги
Пыльные столпы...
Только нѣтъ *Сѣдова*,
И другая жница
Вяжетъ безъ помоги
Полные снопы. —

— «Эхма! жалко Домны!» —
Всѣмъ селомъ рѣшили:
Эдакой напасти

Гдѣ избыть серпомъ!
Старики-то скромны —
Видно не учили :
— «Отъ бѣды да *страсти*
Оградись крестомъ.»

ОБОРОТЕНЬ.

посвящается Надеждѣ Андреевнѣ Загуляевой.

—

Дѣло то было давно, не теперь,
Истинно было... Кто хочетъ не вѣрь....
Только вѣдь правды нигдѣ не схоронишь—
Въ землю не спрячешь, конемъ не догонишь —
Въ щелку пролѣзетъ; изъ рукъ улетитъ;
Въ морѣ не тонетъ, въ огнѣ не горитъ....
Ладно! И рѣчь не о ней.... А срубили.
Въ старое время, село мужички,
И довелось имъ—знать пришлые были —
Въ самомъ лѣсу жить, у Камы-рѣки.
Ну, и живутъ они тамъ, поживаютъ,
Церковь построили,—правятъ свой толкъ,
Да на досугѣ звѣришекъ стрѣляютъ....
Вотъ и повадился въ гости къ нимъ волкъ...
Только чудно́й... ни скотины не тронетъ,
Ни человѣка, а бродитъ себѣ,
Бродитъ по за́дворкамъ, воетъ да стонетъ,
Словно покойника чуетъ въ избѣ.

Такъ-то онъ въ зиму съ недѣлю шатался,
И надоѣлъ же, да самъ и попался!
Парень пришелъ на побывку съ Москвы,
Эдакой бойкой, что миромъ рѣшили:
«Митька, тебѣ не сносить головы!»
Ну, а что дѣвки—такъ крѣпко любили,
И не за даромъ: плясунъ былъ, пѣвецъ —
Будь не гуляка, совсѣмъ молодецъ!
Въ руки топоръ-ли, ружье-ль, аль иголка,
Али хоть шило какое, аль ломъ, —
Дѣло горитъ у него, что огнемъ,
Вотъ и озлился нашъ Митька на волка:
— «Живу не быть,—не доѣмъ, не доспю,
А завывалу, Богъ святъ, подстрѣлю!
Эдакъ навоетъ къ намъ цѣлое стадо!»
Да!... Побожился,—и въ лѣсъ... Ждать, пождать —
Вечеръ, а парня въ избѣ не видать....
— «Что такъ? Далёко зайдти-бы не надо:
Тутъ до трущобы, до самой, съ версту,
А молодежникъ — кусты на счету;
Тутъ и дѣвчонкамъ дорога знакома....
Знать загулялъ? Будетъ къ завтрему дома.»
Завтра въ ворота, а Митьки всё нѣтъ:
Кажется, парню прійдти-бы чѣмъ свѣтъ,
Ахъ, не идетъ... А метелица стала,
Гдѣ по колѣно сугробъ наметала,
Гдѣ и подъ застрѣху... — «Да!» говорятъ,
«Пусть погулялъ-бы, а если плутаетъ?
Да вѣдь и волкъ-то не то—чтобъ свой братъ!
Вонъ, пономарь со двора выѣзжаетъ:
Хоть обокликнулъ-бы, что ли, въ лѣсу...»
Ну, пономарь, видно, гдѣ покуликалъ:

— «Кликалъ, молъ, братцы, я, Митьку-то кликалъ —
Не обозвался... Вотъ то-то оно:
Ужь не того ли онъ?.. Вишь — холодно!»
Бабы подслушали: — «Страхи какіе!
Батюшки! слышали? въ голосъ ревутъ:
Митька замерзъ? Вонъ, никакъ и везутъ?
Точно: изъ стана везутъ... понятые...»
Подлинно: ѣхали два мужика,
Съ ро́звальней Митьку въ избу притащили,
Шубой накрыли, на печь уложили....
Три-дня ворочать не могъ языка,
Три дня метался на печкѣ, покуда
Знахаря, міромъ, ему не нашли,
И ужь откуда добыли, откуда?
Богъ вѣсть!... Отрыли изъ самой земли....
Вотъ, — какъ поправился Митька, — на сходкѣ
То разсказалъ, что во всемъ околоткѣ
Просто никто не повѣрилъ ему...
Вѣритъ просвирня, и то потому,
Что съ прихожанами разнаго толка...
Вотъ что разсказалъ Митька про волка:
— «Всуе побожишься — охъ, тяжело!
Какъ побожился, въ нутрѣ заскребло....
Мнѣ-бы и въ лѣсъ не впервòй, да и звѣря —
Стало-бы дѣло за-споромъ — теперя,
Правду сказать, я не то-что ружьёмъ, —
Просто: давай — пришибу кулакомъ.
Значитъ, ужь съ волкомъ играть мнѣ не въ прятки:
Какъ подвернулся, — я щёлкъ, да и щёлкъ, —
Взвелъ — а душа-то и спряталась въ пятки....
Вижу я: ровно — и волкъ, да не волкъ:
Какъ огрызнется, да такъ-то не гожѣ,

Инда морозомъ подрало по кожѣ!
Это-бы что!... Какъ взреветъ, сопостатъ.
Да вѣдь во весь человѣческій голосъ:
— «Что-жь ты? Ружье не заряжено, братъ?»
Тутъ на мнѣ дыбомъ и поднялся волосъ....
Какъ ужь я выстрѣлилъ, какъ угодилъ
Прямо ему подъ лопатку — Богъ знаетъ!
Видѣлъ, что лытки ему подкосилъ,
Да самóго меня такъ и шатаетъ,
Такъ и шатаетъ.... Упалъ подъ сосну...
Только онъ приподнялъ морду-то:—Ну!
Видно, что знаешь ты, тоже сноровку:
Мѣченый жеребей рубишь въ вштовку ..
Счастливъ-же ты, говоритъ, «молодецъ»!...
Былъ-бы тебѣ, пеклятому, конецъ...
Слушай!. . За удаль скажу тебѣ слово
Я про себя...
Не бывало такова
Парня, не то—чтобъ у васъ на селѣ,
А и подальше.... Да дѣвка сгубила:
Вотъ не взлюбила его,—не взлюбила,
Знать уже за черные кудри его,
Знать за его за румяныя щеки...
Ей-то, какъ съ гуся вода—ничего,
Да—вѣдь ему-то покоръ и попреки...
Ну,—не стершѣлъ!... Складень съ шеи долой,
И на поклонъ прямо къ дѣду...
Тотъ внуку
Радъ:—«Помогу-молъ, да только,—ой, ой,—
Трудно тебѣ перенять-то науку!»
—«Ужь помоги-де, а я заслужу.»
—«Быть-тому-такъ: своему—удружу!»

И удружилъ: не промнпуть-бы году—
Парень готовъ и въ огонь былъ, и въ воду
Гдѣ, для потѣхи, заржетъ жеребцомъ;
Гдѣ пропорхнетъ золотымъ мотылькомъ;
Гдѣ прокукуетъ кукушкой рябою,
Гдѣ изъ воды краснопероЙ плотвою
Выскочетъ, сдернетъ съ крючка червяка
И одурачитъ въ глаза рыбака;
Гдѣ:.. да ужь что̀ тутъ?...
Алѣлъ онъ и макомъ,
И на дорогѣ свѣтилъ перстенькомъ,
Али—идетъ-кто, на ягоду лакомъ—
Онъ земляникою—рдѣетъ кругомъ...
А протяни къ нему руку—уважитъ:
Сва̀литъ, что вихорь невзнузданный, съ ногъ,
Да и спасибо, пожалуй, не скажетъ...
Видитъ дѣдъ: вышелъ отъ выучки прокъ...
—«Вотъ, «говоритъ», научился... готово!
Только прослушай послѣднее слово:
Путь и дорога тебѣ—всѣ мѣста̀;
Чѣмъ только хочешь-ты—тѣмъ оборнися.
Лихъ—молодцо̀мъ подходить берегися,
Буде не сняли святаго креста;
А подойдешь, такъ—скажу тебѣ толкомъ—
Ужь на меня не пеняй: убѣжишь
Въ лѣсъ, безъ оглядки, нечесанымъ волкомъ.
Вотъ-тебѣ сказъ мой, и полно!... Прощай!»
Я съ нимъ простился—и прямо къ зазнобѣ:
Пѣночкой въ садикъ ея прилетѣлъ. .
Вижу—гуляютъ сестрицы, и объ
Садика краше... Я имъ и запѣлъ:
—«Охъ-вы, дѣвицы—лукавицы!

Не гуляйте по цвѣтамъ,
Не ревнуйте ихъ, красавицы,
Ко сокольимъ ко глазамъ.
Соколъ гонитъ за лебедкою,
Парень думаетъ о томъ,
Какъ-бы дѣвицѣ молодкою
Подъ его вздремнуть крыломъ?»
Спѣлъ я, а краснымъ-то словно пріятно:
—Что̀ это, пѣночка понече внятно
Пѣсню заводитъ?... Да, правда: пора
Гнѣздышко вить ей съ утра до утра...»
Такъ-то *она*... А сестра-то:—«И елки
Словно въ цвѣту?... Посмотри:

Вотъ и пчелка

Такъ и жужжитъ...» А жужжитъ не пчела—
Я ихъ морочу съ досады и зла,
Я имъ жужжу, ужь была—не была:
—«Охъ-вы, зорьки неподобныя!
Клѣтка къ клѣткѣ пригнанъ сотъ;
Обвощенъ; что слезы дробныя,
Изъ подъ каждой каплетъ медъ;
А пройдетъ пора медовая:
Улей скутанъ, выбранъ сотъ,
Пчелки спятъ, — и чернобровая,
Хоть и съ милымъ, — а заснетъ...»
Всё прожужжалъ я, а имъ-то пріятно...
— «Что̀ это пчелка-то нонче внятно,
Словно-бы рѣчи какія, жужжитъ?..»
Такъ-то *она*... А сестра говоритъ:
— «Видишь — настала какая погода?
Чай изъ цвѣтовъ-то повысосетъ меда,
Чуетъ, что скоро и липовый сотъ,

Вотъ ей на солнцѣ и весело стало...
Надо быть, скоро Иванъ-то Купало?»
— «Скоро... А на-сердцѣ кошка скребётъ...
Только подумать, что, много съ недѣлю,
Стлать мнѣ съ тобою въ свѣтелкѣ постелю,
Словно — кто по́дъ-бокъ мнѣ хватитъ ножомъ...»
Какъ услыхалъ я, — повисъ паукомъ;
Съ вяза спустилъ паутину-другую,
Будто основу сповалъ-бы какую,
Такъ вотъ и мычусь по ней челнокомъ.
— «Гляпь-ка! паукъ-то какой? со крестомъ!
Вотъ въ пузырёкъ бы его, да потомъ
Въ землю зарыть бы подъ волчьимъ кустомъ:
Три-года жди, а въ Ивана-Купало
Выпешь жемчужину въ мелкій орѣхъ.»
Такъ-то *она*, а сестра ей: — «Вѣдь грѣхъ
Душу живьемъ зарывать...» — «Угадала!
Нѐшто паукъ-то показанъ въ душахъ?
Хоть раздави, такъ и то въ барышахъ...
Сказано: гадина! Вотъ посмотрика-ка:
Я его — разомъ!»
Творецъ мой Владыка!
Свѣту не взвидѣлъ я! Знать ужь съ тоски.
Вѣткою хлысть поперекъ-то щеки!..
Такъ и сомлѣла, что снѣгъ побѣлѣла,
Прыгнула — вѣтку-то, видно, достать,
Анъ не достала ее: улетѣла
Дымомъ-ли? пылью-ли? чѣмъ? — и не знать.
Вечеромъ сѣла она у окошка,
И не въ догадъ ей, что противъ — сторожка:
Я кузнецомъ въ лопухѣ стрекочу,
Глазъ не свожу съ ней, а къ ней не скачу...

Вотъ и сидитъ она, будто горюетъ —
На̀ небо смотритъ, колечко цѣлуетъ...
Я — какъ скачуся падучей звѣздой, —
Крикнула: «Звѣздочка! стой-же ты, стой!
Вòрога въ омутъ, и съ камнемъ на шеѣ,
А для него, для милаго дружка,
Выдерни съ тѣломъ серьгу изъ ушка!»
Ну, ужь и звѣръ, не бывалъ меня злѣе:
Кажется, вырвалъ бы дѣду языкъ ..
«Такъ-то меня научилъ ты, старикъ?
Что тебѣ, лысому, на вѣкъ достало,
Нашему брату и на день-то мало.
Вишь, запугалъ ни съ того—ни съ сего!—
Не побоюсь же,—какъ есть,—ничего,
Только-бъ дождаться Ивановской ночи...»
Ждалъ и дождался, хоть не было мочи:
Зналъ, что *она-то* купаться пойдетъ...
Спрятался въ тину, подъ самый подъ плотъ,
Малою рыбкой... А ночь разгоралась —
Каждою лѣтней звѣздой величалась,
Съ мѣсяца словно рубаху сняла,
Всѣ огоньки по болотамъ зажгла...
Слышу — подходятъ и дѣвки купаться —
Думаю: Тутъ-ли? «И слышу», что тутъ...
— «Охъ, погоди-же ты вдругъ раздѣваться!
Дай обморочить ихъ: пусть ихъ плывутъ,
Пусть ихъ, что утки, ныряютъ покуда,
Дай мнѣ дождаться завѣтнаго чуда:
Я изъ осоки постель постелю,
Я тебя «*нашимъ*» баюкать велю:
Искра за искрой, струя за струею,
Пѣсня за пѣснѣй, звѣзда за звѣздою, —

Все прогоритъ — пропоетъ надъ тобою...»
Такъ вотъ, и думаю — самъ не кажусь...
Нѣ-за-чѣмъ — въ волю въ водѣ нагляжусь...
Прыгнула съ плота, нырнула .. и точно —
Кто ее въ руки мнѣ сунулъ нарочно...
Ну!... А Распятіе было на ней,
Съ крѣпкимъ гайтанчикомъ — рви-не жалѣй...

. . . . . .

Не поддалàся. . Такая ужь дура!...
Что жь? вотъ и платится волчая шкура!»
Съ тѣмъ и пздохъ...
Погляжу: на снѣгу, —
Богъ покарай меня если я лгу, —
Парень — не волкъ, да румяный, здоровый...
Волчій на немъ полушубокъ, весь новый;
Только-что кровь запеклась на усахъ,
Да угольки потухаютъ въ глазахъ,
А по плечу — шемаханскаго шелка —
Сыплются кудри... Да ну!... Не до шихъ!..
Вѣдать, не вѣдаю — какъ я въ живыхъ?...»
Вотъ что разсказывалъ Митька про волка...

Дѣло-то было давно — не теперь,
Истинно было... кто хочетъ — не вѣрь!

РУСАЛКА.

(Софьѣ Григорьевнѣ Мей.)

Мечется и плачетъ какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное...

Тучей потемнѣло; брызжетъ мелкой зернью —
Такъ и отливаетъ серебромъ да чернью ..

Вѣтеръ по дубровѣ сѣрымъ волкомъ рыщетъ;
Молнія на землю жгучимъ ливнемъ прыщетъ;

И на голосъ бури, побросавши прялки,
Вынурнули со дна рѣзвыя русалки...

Любо некрещенымъ въ бурю непогоду
Кипятить и пѣнить жаркой грудью воду,

Любо имъ за вихремъ перелетнымъ гнаться,
Громкимъ смѣхомъ съ громомъ окликаться!..

Волны имъ щекочутъ плечи наливныя,
Чешутъ бѣлымъ гребнемъ кѣсы разсыпныя;

*

Ласточки быстрѣе, легче пѣны зыбкой,
Руки ихъ мелькаютъ бѣлобокой рыбкой;

Огонькомъ подъ пепломъ щеки половѣютъ;
Яркимъ изумрудомъ очи зеленѣютъ.

Плещутся русалки, мчатся въ перегонку,
Да одна отстала—отплыла въ сторонку...

Къ берегу доплыла, на берегъ выходитъ,
Блѣдными руками вивяки разводитъ;

Притаилась въ листвѣ на прибрежьѣ черномъ,
Словно бѣлый лебедь въ тросникѣ озерномъ...

Вотъ-ужь понемногу непогодь стихаетъ;
Вѣтеръ съ листьевъ воду вѣнкомъ сметаетъ;

Тучки разлѣтились, словно птицы въ гнѣзды;
Бисеромъ перловымъ высыпали звѣзды;

Мѣсяцъ двоерогій съ неба голубова
Засвѣтилъ отломкомъ перстня золотова...

Чу! переливаясь межь густой осокой,
По водѣ несётся благовѣстъ далекой —

Благовѣстъ далекой по водѣ несётся
И волною звучной прямо въ душу льется?

Видится храмъ Божій, пѣснь слышна святая —
И сама-собою крестъ творитъ десная ..

И въ душѣ русалки всенощные звуки
Пробудили много и тоски и муки,

Много шевельнули страсти пережитой,
Воскресили много были позабытой.

Вотъ въ селѣ родномъ крайняя избушка;
А въ избушкѣ съ дочкой пяпьчится старушка:

Бережетъ и холитъ, по головкѣ гладитъ,
Тѣшитъ лентой алой, въ пёстрый ситецъ рядитъ...

Да и вышла-жь дѣвка при такомъ уходѣ:
Нѣтъ ея красивѣй въ цѣломъ хороводѣ...

Вотъ и боръ сосѣдній — тамъ грибовъ, да ягодъ,
За одну недѣлю наберешься на годъ;

А начнутъ, подъ осень, грызть орѣхи бѣлки —
Сыпь орѣхъ въ лукошки: — близко посидѣлки.

Тутъ-то погуляютъ парни удалые,
Тутъ-то насмѣются дѣвки молодыя!...

Дочь въ гостяхъ за прялкой пѣсни распѣваетъ,
А старуха дома ждётъ да поджидаетъ;

Огоньку добыла — на дворѣ ужь почька —
Долго засидѣлась у сосѣдей дочка...

Оттого и долго: парень приглянулся
И лихой бѣдою къ дѣвкѣ подвернулся;

А съ бѣдою рядомъ хо̀дитъ грѣхъ незванной...
Полюбился парень дѣвкѣ безталанной,

Такъ ей полюбился, словно душу вынулъ,
Да и насмѣялся — разлюбилъ и кинулъ —

Позабылъ голубку сизокрылый голубь —
И остались бѣдной смѣхъ мірской, да прорубь...

Вспомнила русалка — бѣлы руки-гложетъ;
Рада-бъ зарыдала — и того не можетъ;

Сотворить молитву забытую хочетъ —
Нѣтъ для ней молитвы — и она хохочетъ...

Только, пробираясь на село въ побывку,
Мужичёкъ проснулся и стегаетъ сивку,

Лобъ, и грудь, и плечи крестно знаменуетъ,
Да съ сердцовъ на хохотъ окаянный плюетъ.

ЛѢШІЙ.

(Николаю Ивановичу Липину.)

Двойнымъ, зелёнымъ строемъ,
Вдоль узкаго проселка,
Подъ снѣжной шапкой дремлетъ
И сѣсенка, и ёлка;

Осина кочепѣстъ
И дрогнетъ отъ мороза,
И вся въ слезахъ алмазныхъ
Плакучая берёза;

Ихъ предки — въ три обхвата,
По одаль отъ опушки,
Взнесли надъ молодёжью
Маститыя макушки;

Вдали дубнякъ; да Лѣшій —
Всѣхъ выше головою:
Рога торчатъ сквозь кóсмы;
Копыта подъ землею...

То всѣхъ деревьевъ выше,
То ниже мелкой травки,
Что топчутъ чуткой ножкой
Букашки и козявки;

Владыка полновластный
Зелѐнаго народа,
Онъ всей лѣсной державѣ
Судья и воевода.

Зимою онъ сугробы
Въ овраги заметаетъ,
И тропки онъ лисицамъ,
И зайцамъ прочищаетъ;

И снѣгомъ онъ обноситъ
Берлогу медвѣжёнка,
И вьетъ мохнатой лапой
Гнѣздо для воронёнка;

И волку-сыромахѣ
Онъ кажетъ путь-дорогу,
И, на смѣхъ доѣзжачимъ
И звучному ихъ рогу,

И стаѣ гончихъ, звѣря
Въ трущобѣ укрываетъ...
А къ осени деревья
Онъ холитъ-сберегаетъ:

Подъ корень ихъ валежникъ
И палый листъ, вязанкой,

Кряхтя, валитъ съ плеча онъ
Надъ бѣлою бѣлянкой,

Надъ рыжикомъ и груздемъ,
Надъ тонкою опёнкой:
Укроетъ; проберётся
Къ грибовницамъ сторонкой,

И филиномъ прогукнетъ,
И въ чащѣ, за кустами,
Засвѣтитъ, что волчиха,
Зелёными глазами.

Въ орѣшникѣ змѣею
Шипитъ онъ для потѣхи,
Чтобъ дѣвушки у бѣлокъ
Не сняли всѣ орѣхи.

А лѣтомъ провожаетъ
Убогую калику;
За дѣвицей, охочей
Ходить по земляничку,

По ягоду-малину
Съ смородиною чёрной,
Слѣдитъ онъ втихомолку
Промежь листвы дозорной;

И если бойкій парень
Гдѣ пѣсенку затянетъ, —
Проказникъ-Лѣшій кличемъ
Красавицу обманетъ,

А парня обойдетъ онъ...
И, если гдѣ калику,
Позарясь на поживу,
Котомочку и клюку —

Съ зашитымъ подаяньемъ,
Бродяга ждетъ, — дѣдъ стукнетъ
На цѣлый лѣсъ дубинкой,
Конёмъ заржетъ, аукнетъ,

Грозой и буйнымъ вихремъ
Вдоль по лѣсу застонетъ, —
И въ самую трущобу
Недобраго загонитъ;

Тамъ будетъ сытъ бродяга
До третьяго до Спаса:
У яблонь и у пчелокъ
Накоплено запаса...

А въ лѣсъ зайдетъ охотникъ —
Опять стучитъ дубинка,
И прячется въ трущобѣ
Вся дичь и вся дичинка...

Всего любезнѣй вёсны
Для дѣда: припадаетъ
Къ сырой землѣ онъ ухомъ
Слышитъ: — всё копаетъ,

Все ростетъ подъ склепомъ
Своей темницы тѣсной,

Всё дышетъ жаждой жизни
И силою воскресной.

И травка, и муравка,
И первые цвѣточки,
И первыя, на волю
Пробившіяся почки.

Вотъ все зазеленѣло;
Летучими цвѣтками
И бабочки и мушки
Порхаютъ надъ лугами;

Жужжа, роятся пчелы;
Поютъ на гнѣздахъ птицы
И на небѣ играютъ;
Весеннія зорницы.

Дѣдъ долго и любовно
По лѣсу ходитъ-ходитъ,
Порой съ былинки малой
По часу глазъ не сводитъ.

И всё онъ на сторожкѣ —
Съ зори до полуночи,
Пока ужъ напослѣдокъ
Не выбьется изъ мочи...

Устанетъ, притомится
И спать прійдетъ охота —
Уйдетъ въ дубовый островъ
Въ любимое болото:

Тамъ тина — что перина,
Тамъ дѣду, почью тихой,
Зыбучая постеля
Съ русалкой — лѣшачихой.

Для ней–то онъ осоку
Въ зеленый пологъ рядитъ;
Для ней медвѣжьи ушки,
Вороньи глазки садитъ;

Для ней и незабудки —
Ковромъ, узорно–шитымъ;
Для ней и соловейки
По ветлямъ и ракитамъ.

Для ней-то подъ Купалу
Полуночью росистой,
И папортникъ безцвѣтный
Цвѣтетъ звѣздой лучистой.

Сюда ужь не добраться
Ни вершникамъ, ни пѣшимъ...
И спитъ онъ... Да летаетъ
Недобрый сонъ надъ лѣшимъ...

И спится дѣду, будто,
По всей его дубровѣ,
Чудное — что творится,
И все, какъ–будто, вновѣ...

Что мчится издалека
Невѣдомая сила

И старую трущобу
Всю лоскомъ положила:

Подсѣчешь, срубленъ, свалешь
И сгубленъ топорами,
Кругомъ весь островъ стонетъ
Дрожащими вѣтвями;

Что прòсѣка съ пол-версту
Идётъ поверхъ болота,
И вдалекѣ сверкаетъ
Зловѣщимъ окомъ что-то,

И мчится—мчится—мчится,
И ближе подлетаетъ;
Паръ изъ ноздрей и пекры;
Слѣдъ полымя сметаетъ.

Шипитъ—шипитъ и свищетъ,
И словно змѣй крылатой,
Грозитъ чугунной грудью
Грудй его косматой...

Проснулся, глянулъ — видитъ:
Не островъ, а площадка;
Дубовъ—какъ не бывало:
Всё срублено, всё гладко...

Засыпано болото
Пескомъ, древесй и щебнемъ,
И мостъ надъ нимъ поднялся
Гранитнымъ сѣрымъ гребнемъ

И, разсыпая искры,
Далёко — въ полѣ чистомъ,
Летитъ змѣя чугунка —
Съ шипѣніемъ и свистомъ.

ХОЗЯИНЪ.

—

Въ низенькой свѣтёлкѣ, съ створчатымъ окномъ,
Свѣтится лампадка въ сумракѣ ночномъ: —
Слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ,
То дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольетъ.
Новая свѣтёлка чисто прибрана:
Въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсь окна;
Полъ отструганъ гладко; ровенъ потолокъ;
Печка развальная стала въ уголокъ.
По стѣнамъ — укладки съ дѣдовскимъ добромъ,
Узкая скамейка, крытая ковромъ,
Крашенныя пяльцы съ стуломъ развижнымъ
И кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.
На кровати крѣпко спитъ сѣдой старикъ:
Видно пересыпалъ хмѣлемъ пуховикъ!
Крѣпко спитъ — не слышитъ хмѣльный старина,
Что̀ во снѣ лепечетъ подъ ухомъ жена.
Душно ей, неловко возлѣ старика:
Свѣсилась съ кровати полная рука;
Губы раскрасивѣлись, словно корольки
Кинули рѣсницы тѣнь на пол-щеки;

Одѣяло сбито, свернуто въ комокъ,
Съ головы скатился шелковый платокъ;
На груди сорочка ходитъ-ходенемъ,
И коса сползаетъ по плечу ужомъ.

А за печкой кто-то нехотя ворчитъ:
Знать другой хозяинъ по ночамъ не спитъ!

На мужа съ женою смотритъ домовой
И качаетъ тихо дряхлой головой:
—«Сладко имъ соснулось: полночь на дворѣ...
Жучка призатихла въ теплой конурѣ;
Обошелъ обычнымъ я дозоромъ домъ—
Весело хозяйть въ домикѣ такомъ!
Погреба набиты, закрома полны
И на сѣновалѣ сѣна съ три копны;
Отъ конюшни кучки снѣга отребешь,
Корму дашь лошадкамъ, гривы заплетешь,
Сходишь въ кладовыя, отомкнешь замки—
Клади дорогія ломятъ сундуки.
Все-бы было ладно, все мнѣ попутру ..
Только вотъ хозяйка намъ не ко двору:
Больно черноброва, больно молода,—
На сердцѣ тревога въ головѣ—бѣда!
Кровь-то говорлива, грудь-то высока...
Мигомъ одурачитъ мужа-старика...
Знать и домовому не сплести порой
Бороду сѣдую съ черною косой.
При людяхъ смѣется, а—глядишь—тайкомъ
Плачетъ, да вздыхаетъ—знаю я по комъ!
Погоди-жь, я съ нею шуточку сшучу
И отъ черной думы разомъ отучу:

Только обоймется съ грезой горячо,—
Я тотчасъ голубкѣ лапу на плечо,
За̀ косу поймаю, сдерну простыню—
Волей аль неволей грезу отгоню. .
Этимъ не проймется,—пропадай она,
Баба-переметка, мужняя жена!
Всей косматой грудью лягу сй на грудь
И не дамъ ни разу наливной вздохнуть,
Защемлю сй сердце въ крѣпкіе тиски:
Скажутъ, что зачахла съ горя да съ тоски. »

ПРЕДАНІЕ—ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

—

Сибирская Сказка [2]).

Выѣзжали на Сафатъ рѣку, на закатѣ краснаго солнышка,
Семь удáлыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ назвàнныхъ:
Выѣзжалъ Годенко Блудовичъ, да Василій Казимировичъ, да Василій Буслаевичъ,—
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ,—
Выѣзжалъ Алеша-Поповичъ младъ,—
Выѣзжалъ Добрыня-молодецъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,—
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,—
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, кряковастый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужь какъ первая дорога ко Нову-городу,—
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву,—
А что третія дорога ко Спню морю далекому...
Та дорога прямоѣзжая, прямоѣзжая дорога, прямопутная:
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,—

Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,—
Разбивали бѣлъ-полотняны шатеръ,—
Отпускали коней погулять по чисту полю.
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотою уздечкою побрякиваютъ,
А въ шатрѣ полотняномъ витязи опочивъ держатъ.
Было такъ—на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня-молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой
Утирался тонкимъ по́лотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ Добрыня за Сафатъ рѣкой бѣлъ-полотнянъ шатеръ:
Въ томъ-ли шатрѣ залегъ Татарченокъ,
Злой Татаринъ—бусурманченокъ—
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня;
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельцо черкасское,
Бралъ копьйце урзамецкое,
Бралъ чипгалище булатное,—
И садился на добра коня.
Подъ Добрыней конь осержается:
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Выскоки мечетъ по сѣяной копнѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И крычитъ зычнымъ голосомъ:
«Выходи-ка, Татарченокъ, злой Татаринъ бусурманченокъ:

Станемъ мы съ тобой честный бой держать.»
Вторые выходитъ Татаринъ изъ бѣла-шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,—
Слеталися-сходилися два удалые витязи...
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные:
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватались въ рукопашный бой.
Правая ножна Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,—
И валился онъ на сыру землю.
Скакалъ ему Татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.

Было такъ—на восходѣ краснаго солнышка,
Всталъ Алеша-Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь, осѣдланный и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только не веселъ,—
Потупилъ очи во сыру землю:
Знать тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ-ли Добрынѣ-молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня, —
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,

Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнно́й копнѣ.—
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася—
Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася—
Засинѣлись мечи булатные;
Что не крась во поляхъ закраснѣлася—
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру—
У того-ли шатра спитъ Добрыня-молодецъ,
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлы́хъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алёша зычнымъ голосомъ:
Выѣзжай-ка ты, Татаринъ злой,
На честной, бой, на побрапочку.»
Отвѣчаетъ ему Татарченокъ:
—«Охъ-ты гой еси, Алеша-Поповичъ младъ!
Ваши роды не уклончивы,
Не уклончивы ваши роды, не устойчивы—
Что не стать тебѣ со мной бой держать.»
Какъ во́зговоритъ на то Алеша-Поповичъ-младъ:
«Не хвались на пиръ идучи,
А хвались съ пиру идучи»
Вта́поры выходитъ Тата́ринъ изъ бѣла́-шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,—
Сходилися-слеталися два уда́лые витязя:
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные,
И сходили они съ добрыхъ коней,

И хватались въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алёша Татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ не взялся черный воронъ
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
«Охъ-ты гой еси, Алёша Поповичъ—младъ!
Ты послушай меня, чернаго ворона:
Не пори ты Татарину бѣлыхъ грудей,
А слетаю я на синё-море,
Принесу тебѣ мертвой и живой воды:
Вспрыснешь Добрыню мертвой водой,—
Сростётся его тѣло бѣлое;
Вспрыснешь Добрыню живой водой,
Тутъ и очнется добрый мо̀лодецъ...»
Вта̀поры Алёша ворона послушался,—
И леталъ воронъ на синё-море,
Принесъ мертвой и живой воды.
Вспрыскивалъ Алёша Добрыню мёртвой водой—
Сросталося тѣло его бѣлое,
Затягивалися раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой,—
Пробуждался мо̀лодецъ отъ смертнаго сна.

Отпускали они Татарина.

Было такъ—на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку
Умывался студено́й водой,
Утирался тонкимъ по̀лотномъ,
Помолился чудну образу.

Видитъ онъ: черезъ Сафатъ–рѣку
Переправляется сила басурманская,
И той силы добру молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетети.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
«Ой, ужь гдѣ вы, могучіе витязи,
Удалые братья названные?»
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую:
Стали силу колоть—рубить.
Не столько витязи рубятъ, сколько добрые кони ихъ топчутъ.
Бились три часа и три минуточки —
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!»
И говоритъ Алёша-Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу нездѣшнюю —
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ слетѣли двое воителей,
И вѣщали они громкимъ голосомъ:
— «А давайте съ нами, витязи, бой держать
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.»
Не узнали витязи воителей...
Разгорѣлся Алёша–Поповичъ на ихъ слова.
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:

Стало четверо — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня мо̀лодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало въ двое болѣе — и живы всѣ.
Бросились на Силу всѣ витязи,
Стали они Силу колоть — рубить...
А Сила всё ростетъ — да ростетъ,
Всё на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ...
А сила всё ростетъ — да ростетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки;
Примахалися ихъ плеча могутныя;
Уходилися кони ихъ добрые;
Притупилися мечи ихъ булатные...
А Сила все ростетъ — да ростетъ,
Всё на витязей съ боемъ идетъ...
Испугались могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ тёмныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на Святой Руси!

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЯ,

сына Святославова, внука Олегова. [3])

Посвящается Его Императорскому Высочеству, Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому.

Аль затягивать, ребята, на-старинный ладъ
Пѣсню слёзную о по́лку Князя Игоря,
Князя Игоря Святославича! [4])
А и пѣсню намъ затягивать
Про недавнюю былинушку,—
Не по замыслу Боянову.
Коли вѣщему Бояну прилучалося
Про кого-нибудь пѣсню складывать,
Растекался мыслію онъ по́ лѣсу,
Мчался сѣрымъ волкомъ по́ полю
И сизы́мъ орломъ подъ облакомъ.
Про былыя про усобицы
Пѣсни прежнихъ лѣтъ намъ памятны:

Втапоры́ на стадо ле́бедей
Напускали десять со́коловъ:
Чей соко́лъ на стадо первый палъ,
Тотъ и первый свою пѣсню пѣлъ
Ярославу, Князю старому,
Али свѣтъ–Мстиславу храброму,
Какъ Редедю могутно́й нашъ Князь зарѣзывал
Передъ тѣми–ли дружинами Косожскими;
Али красному Роману Святославичу. [5])
Да Боянъ не десять со̀коловъ
Напускалъ на стадо лѣбедей,
А персты свои искусные
Распускалъ онъ по живымъ струнамъ,
И во славу удалы́хъ Князей
Рокотали струны вѣщія.

Такъ затянемъ-же, ребята, пѣсню дружную,
Что отъ стараго Владимі́ра
И до нынѣшняго Игоря,
Какъ, исполнясь духа ратнаго,
Опоясавъ умъ свой крѣпостью,
Изощривши сердце мужествомъ,
Онъ навелъ свой полкъ на землю Половецкую,
За свою–ли землю Русскую...

Посмотрѣлъ на солнце Игорь Князь—
Видитъ: меркнетъ солнце свѣтлое
И дружины покрываетъ тьмой.
И промо́лвилъ Игорь воинамъ:
«Други-братья! Помужаемся!
Во́ленъ Богъ въ небесномъ знаменьѣ,
А намъ лучше быть изрубленнымъ,

Чѣмъ въ позорный во полонъ попасть:
Сядемъ, братцы, на лихихъ коней,
Да посмотримъ-ка на синій Донъ!» [6])
Запялись у Князя думы ыломъ-полымемъ,
Да и жаль ему, что знаменье
Заступило путь-дорогу на великій Донъ. [7])
«Захотѣлось мнѣ, промолвилъ онъ,
Съ вами, братцы, приломить копьё
Концомъ поля Половецкаго:
Аль сложу свою я голову,
Аль напьюсь шеломомъ изъ Дону.»
Охъ—ты, гой-еси, гремучій соловеи Боянъ!
Кабы ты теперь, соловушко,
Намъ защёлкалъ про дружины Князя Игоря,
(Ты порхнулъ-бы въ вѣтви мысленнаго дерева),
Ты взвился-бъ умомъ подъ облако,
Свилъ-бы свиткомъ славу нашихъ дней,
Да со славой стародавнею
И порхнулъ-бы-полетѣлъ стезёй Траяновой
По полямъ и по угоріямъ.
Вотъ тебѣ бы пѣсню складывать про Игоря,
Про того-ли внука про Олегова...
Да не буря соколовъ несётъ
Черезъ поле-степь широкую—
Стаи галочьи метутся на великій Донъ:
Не тебѣ, Бояну вѣщему,
(Внуку мудрому Велесову),—
Намъ пришлося пѣсню складывать.

Кони ржутъ за Сулою;
Звенитъ слава въ Кіевѣ;
Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ;

А въ Путивлѣ знамена стоятъ.
Поджидаетъ Игорь-Князь
Мила-брата Всеволода:
Молвитъ буй-туръ Всеволодъ:
«Нѣтъ мнѣ свѣту свѣтлаго,
Кромѣ брата милаго,
Игоря родимаго:
Оба мы Святославичи.
Сѣдлай, братъ, лихихъ коней,
А мои осѣдланы,
У Курска сготовлены;
А мои Куряне-то
Конники бывалые:
Подъ трубами повиты;
Подъ шеломами взлелѣяны,
Концомъ копьевъ вскормлены;
Дороги имъ вѣдомы,
Овраги имъ знаемы,
Луки ихъ натянуты,
Колчаны отворены,
А сабли отпущены:
Скачутъ они по полю,
Словно волки сѣрые,
Себѣ чести—почести,
Князю — славы пищи!»

Встàпоры вступаетъ Игорь-Князь золòтъ стремень,
Выѣзжаетъ въ поле чистое...
Заступило солнце путь ему потёмками;
Застонала ночь, грозою разбудила птицъ;
Воютъ звѣри на распутіи;
Кличетъ *дивъ* съ вершины дерева,
Вѣсти шлетъ землямъ незнаемымъ:

И Поморью, и Посулію,
И Корсуню, и Сурожу съ Волгой-рѣченькой,
И тебѣ, Тмутараканскій истукань!
Тутъ-то Половцы, путями неготовыми,
Побѣжали на великій Донъ;
Заскрипѣли ихъ телѣги со полуночи,
Словно лебеди крикливые спялися съ мѣстъ.
Игорь воиновъ на Донъ ведётъ:
Налетаютъ птицы стаями, почуя кровь,
По оврагамъ волки воемъ ворожатъ грозу,
И орлы звѣрей сзываютъ клёктомъ на кости,
И лисицы на красны щиты разлаялись...
Охъ ты, гой-еси земля Русская,
За холмами ты схоронилася! [8])
Поздно. Меркнетъ ночь. Свѣтъ-зорька закатилася,
Потемнѣло поле чистое;
Задремала пѣсня соловьиная;
Пробудился говоръ галочій·
А какъ Русскіе по полю по великому
Изгороду изъ щитовъ багряныхъ вывели,
Себѣ чести, Князю славы добываючи.

Спозаранокъ было въ пятницу,
Потаптали наши витязи
Половецкую силу поганую,
Поразсыпались стрѣлами по полю,
Красныхъ дѣвокъ схвативъ Половецкихъ,
Съ ними золото, ткани и бархаты;
А намётами, епанчицами
И кожухами, и узорочьемъ
Стали витязи мосты-мостить
Надъ болотами, да надъ топями.

Знамя красное и та хоругвь бѣлая
Со багряной чолкой и съ древкомъ серебрянымъ
Достаются храброму Святославичу.
Дремлетъ на̀ полѣ гнѣздо Олега храброе:
Залетѣло далеко̀ оно,
Да ни соколу, ни кречету
На обиду не родилося,
Не токма̀ тебѣ, чёрну ворону,
Половчину нечестивому.
Сѣрымъ волкомъ въ степи Гаакъ бѣжитъ,
А Кончакъ ему слѣдъ правитъ на великій Донъ. [9])
На другой-то день рапымъ-ранёшенько
Алой кровью зо̀ри разливаются:
Идутъ съ моря тучи чёрныя;
(На четыре солнца надвигаются);
Въ нихъ трепещутъ молньи синія:
Быть-гремѣть грому немалому
И стрѣлами литься дождику,
Отъ того-ли отъ Дону великаго!
Тутъ-то копья поломаются,
Тутъ-то сабли попзубрятся
На Каялъ-рѣкѣ, у Дона у великаго!

Охъ ты, гой-еси земля Русская,
За холмами ты схоронилася!

Вотъ и вѣтры, внучата Стрибоговы [10]).
Навѣваютъ стрѣлы отъ моря
На могучій полкъ Князя Игоря.
Стопомъ стонетъ и гудитъ земля;
Рѣки мутно въ берегахъ текутъ;
Съ поля пороси снимаются; [11]).
Знамена шумятъ — и Половцы

Идутъ отъ Дону. отъ моря, отъ всѣхъ сторонъ.
Отступили полки Русскіе. .
Дѣти вражьи оцѣпили степи криками,
Наши витязи щитами-ли багряными.

Яръ-туръ Всеволодъ! ты впереди стоишь!
Прыщешь стрѣлами на воиновъ,
О шеломы ихъ громишь мечемъ булатнымъ...
А куда, ребята, Туръ скакалъ,
Гдѣ на Турѣ золотой шеломъ посвѣчивалъ,
Тамъ легли горою головы,
А шеломы вражіи аварскіе
Поразбиты саблями калёными
Отъ тебя–ли, яръ-туръ Всеволодъ!
Да и что ему, ребята, головы жалѣть,
Коль забылъ онъ жизнь почёстную,
И Черниговъ, и отцовскій золотой престолъ,
И своей хозяйки милыя,
Красной Глѣбовны обычаи и свычаи! [12])

Протекли вѣка Траяновы;
Миновали лѣта Ярославовы;
Полегли полки Олега Святославича. [13])
Тотъ Олегъ ковалъ крамолу лезвеемъ меча,
Сыпалъ стрѣлы по родной землѣ
И во Тмутаракань-градѣ въ стремена вступилъ;
Звонъ его слыхалъ и Всеволодъ,
Ярослава Князя мощный сынъ,
А Владиміръ во Черниговѣ [14])
По утрамъ уши закладывалъ;
А Бориса Вячеславича [15])
Заманила слава къ гибели

И на конскій зеленой коверъ
Уложила Князя храбраго
За обиду за Олегову.
Да какъ съ той-же со Каялы Святополкъ велѣлъ
На венгерскихъ иноходцахъ увезти отца
Ко святой Софіи Кіевской. [16])
Втопоры-то, при Олегѣ Горнславичѣ
Засѣвались и росли одинѣ усобицы,
Гибла жизнь Даждь-Божья племени,
И въ такихъ крамолахъ княжескихъ
Коротали люди весь свой вѣкъ.
Втапоры-то на святой Руси
Нѣ покрикивали пахари,
Только вороны, на трупахъ сидя, каркали,
Да скликались галки на кормы летѣть.
То бывало въ прежнія усобицы,
А такой рати не слыхано:
Спозаранокъ и до вечера,
А со вечера-то до свѣту,
Каленыя стрѣлы сыплются,
По шеломамъ сабли прыгаютъ
И стальныя копья ломятся
Середь поля незнакомаго,
Середь той земли Половецкія,
Почернѣла земля подъ копытами,
Вся костями была посѣяна,
Вся улита кровью алою, —
И взошелъ посѣвъ тоскою на Святую Русь.

Что шумитъ-звонитъ на свѣтъ-зорѣ на утренней?
Игорь-Князь свои полки ворочаетъ,
Мила-брата Всеволода жалѣючи.

Бились день, другой бились,
А къ полудню–то на третіи день
Пали стяги Князя Игоря.
Тутъ, на берегѣ Каялъ-рѣки,
Оба брата разлучилися,
Тутъ вина не стало болѣе кроваваго,
Путъ покончили пирушку наши витязи:
Напоили сватовъ дѣ-пьяна
И легли за землю Русскую...
Прилегла трава отъ жалости
И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево...
Подошло, ребята. время невесёлое,
И пустыней сила призакрылася;
Залегла обида горькая
Въ силы племени Даждь-Божьяго,
Стала дѣвою на землю на Траянову,
Лебедиными крылами расплескалася
На синёмъ на морѣ, у Дону:
Пробудила время смутное.
А Князья-то позабыли брань на вѣроговъ
А за тѣмъ, что брату молвилъ братъ:
«То мое и это-вотъ опять мое!»
Повели Князья про малость рѣчь великую...
А невѣрные со всѣхъ сторонъ съ побѣдами
Приходили въ землю Русскую.
Охъ, далёко залетѣлъ соколъ,
Загоняючиптицъ на море!

А ужь Игорева полку воскреситьнельзя...
Крикнулъ Карна ему въ слѣдъ, и Жля

Наскочилъ на землю Русскую
Изъ роговъ калёныхъ полымя бросаючи. [16])

Зарыдали жёны русскія, возгòворивъ:
«Какъ милыхъ-то чадъ ни мыслію намъ смыслити,
Ни завѣтной думой сдумати,
Ни очами ихъ завидѣти,
А не то-что златомъ-сéребромъ побрякивать!»
Застоналъ, ребята, Кіевъ подъ невзгодою,
А Черниговъ подъ напастями,
И тоска всю землю Русскую
Поняла, что воды полыя.
А Князья ковали сами на себя бѣду,
А поганый вòрогъ рыскалъ по святой Руси,
Со двора по бѣлкѣ подать отбираючи.
Такъ-то храбрые Святославичи,
Игорь съ Всеволодомъ, худую славу подняли:
Знать задаромъ уложилъ её
Ихъ отецъ Святславъ, Князь Кіевскій,
Тотъ-ли грозный и великій Князь.
Былъ грозой: своей дружиной сильною,
Да мечами-ли булатными
Страхъ нагналъ на землю Половецкую:
Притопталъ онъ холмы съ оврагами,
Возмутилъ онъ рѣки со озерами,
А Кобяка нечестиваго,
Словно вихорь, вырвалъ изъ луки морской,
Изъ полковъ великихъ Полковецкихъ, —
И упалъ Кобякъ во стольномъ градѣ Кіевѣ,
Въ свѣтлой гридницѣ Святославовой. [17])
Тамъ и Нѣмцы со Венедцами,
Тамъ и Греки со Моравами
Поютъ славу Святославову
И поносятъ Князя Игоря, —
А за то, что Силу Русскую

Погрузилъ на дно Каялъ-рѣки,
И ту рѣку Половецкую
Позасыпалъ Русскимъ золотомъ.
Тутъ Князь-Игорь изъ сѣдла изъ золочёнаго
Пересѣлъ въ седло кощеево... [18])
Городскія стѣны понасупились,
И веселье призатихнуло.

Святославу снился смутный сонъ;
«Будто я въ горахъ подъ Кіевомъ,»
Говоритъ онъ: «будто въ эту ночь
Одѣвали меня съ вечера
На кровати на тесовой черной ризою;
Подносили зелено̀ вино,
А вино-то съ зельемъ смѣшано...
Будто тощими колчанами
Мнѣ на грудь изъ грязныхъ раковинъ
Крупный жемчугъ сыпали... и нѣжили...
Будто доски всѣ безъ матицы
Въ златоверхомъ моемъ теремѣ...
Будто всю ночь съ вечера прокаркали
На лугу у Плѣнска вражьи вороны
Залетали въ дебрь Кисанову,

И никакъ мнѣ не согнать ихъ къ морю синему.»

А бояре говорятъ ему:
«Князь! печаль заполонила умъ,
Отъ того, что оба сокола
Отлетѣли съ золота престола отчаго
Поискать Тмутаракань вдвоемъ,
Аль испить шеломомъ изъ Дону,

*

И что тѣмъ-ли сизымъ соколамъ
Обрубили крылья Половцы
И въ желѣза ихъ опутали.
(Наступила тьма на третій день:
Оба солнушка померкнули
И погасли два столпа багряные;
Съ ними оба молодые мѣсяца,
Святославъ съ Олегомъ, тьмой покрылися.)
На Каялъ рѣкѣ затмился свѣтъ;
По Руси метнулись Половцы,
Словно барсовъ лютый выводокъ,
Потопили Русь въ синемъ морѣ

И придали Хану буйство превеликое.

На хвалу хула поднялася,
А нужда на волю-вольную,
И повергнулася *дивъ* на землю.
Вотъ и Готскія красныя дѣвицы
Запѣваютъ на берегѣ, у моря:
Русскимъ золотомъ звенятъ онѣ
И поютъ про время Бусово,
Шаракпю месть лелѣючи, [19])

А ужь намъ, твоей дружинѣ, пѣтъ веселія!»

Втапоры Святславъ Великій Князь
Золотое слово выронилъ:

Со слезами его слово было смѣшано.
И сказалъ онъ: «Охъ, племянники —
Игорь съ Всевлодомъ! Не въ пору вы
Стали землю Половецкую
Сокрушать мечами, славы ищучи:
Одолѣли вы нечестіемъ

И нечестіемъ поганую кровь пролили.
Ваше сердце, въ буйствѣ закалённое,
Сталью крѣпкою заковано...
Посмѣялись вы надъ сѣдиной моей!
Я не вижу власти сильнаго:
Многовоевъ Ярослава, брата милаго, [20])
Со Черниговскими былями,
(*Со Могутами*, съ *Татранами*, съ *Шельбирами*,
Со *Топчаками*, съ *Ревугами*, съ *Ольберами*)
Безъ щитовъ, съ однимъ лишь засапожникомъ,
Разгоняютъ они громкимъ крикомъ вороговъ,

Возвѣщая славу прадѣдовъ.
Но вы молвили: — «мы сами помужаемся,
Сами славой прошлой раздобудемся,
Сами славой будущей подѣлимся!» —

Развѣ диво, братцы, старику помолодѣть?

Коли соколъ понимается,
Отбиваетъ онъ съ налёту птицъ
И не дастъ въ обиду своего гнѣзда.
Да бѣда: Князья не въ помочь мнѣ!
Подошла година смутная...
Вопъ Ромны кричатъ подъ саблей половецкою,
А Владимиръ Князь подъ ранами;
Сыну Глѣбову — печаль-тоска!»

Князь Великій Всеволодъ! не мыслію [21])
Перенестися тебѣ издали
Поберечь отцовскій золотой престолъ.
Можешь ты разбрызгать Волгу веслами,
Можешь вылить Донъ шеломами...
По ногатѣ при тебѣ была бы плѣнница,

По рѣзанѣ бы и плѣнникъ былъ, [22])
А за тѣмъ, что можешь ты стрѣлять
На сухомъ пути живыми шереспѣрами, —
Сыновьями Глѣба разудалыми [23])

Вы, Давидъ и буйный Рюрикъ Князь! [24])
Ваши шлемы золочёные
По рѣкѣ кровавой плавали,
И рычатъ дружины ваши храбрыя,
Словно туры, поражённые
Каленою саблей на полѣ невѣдомомъ.
Вы вступите во золотъ стремень
За обиду земли Русскія
И за раны Князя Игоря Святславича.

Ярославъ Князь, Осмомысломъ вѣщимъ прозванный! [25])
Высоко сидишь ты въ Галичѣ
На престолѣ златокованномъ.
Подперъ горы ты Карпатскія
Что своими ли дружинами желѣзными,
И, Дунаю затворивъ врата,
Королю загородилъ ты путь,
Черезъ облако громадами кидаючи,
На Дунай суда снаряжаючи.
По землѣ твой громъ растекается;
Отворяешь ты ворота въ стольный Кіевъ-градъ
И стрѣляешь по Султанамъ на чужихъ земляхъ
Такъ стрѣляй-же по Кончаку нечестивому,

За свою ли землю Русскую
И за раны Князя Игоря Святславича!
Вы, Романъ съ Мстиславомъ буйные! [26])
Васъ манитъ на полѣ молодечество,
Высоко вы, буйные, взлетаете,

Словно сòколъ, въ воздухѣ ширястесь,
Словно сóколъ, птицъ одолѣвающій.
Есть у васъ броня желѣзная
Подъ шеломами Латинскими,

А отъ нихъ дрожитъ земля и страны Хапскія,
А Литва, Ятвяги, съ Деремелою
Да и съ Половцами, кòпья побросали въ прахъ
И склонили головы подъ вашъ булатный мечъ.
Но для Игоря померкнулъ ужь свѣтъ солнечный,
И съ деревьевъ не къ добру листы свалилися.
Города по Роси а Сулѣ-рѣкѣ
Размежёваны, раздѣлены,

А ужь Игорева пòлку воскресить нельзя!

Кличетъ Донъ тебя, удалый Князь,
Всѣхъ Князей къ побѣдамъ призываючи;
Да лишь Ольховичи храбрые
И поспѣли на тотъ бранный зовъ.
Ты, Ингварь, и ты, Князь Всеволодъ, [27])
И всѣ трое вы Мстиславичи,
Шестокрыльцы не худà гнѣзда!

Вамъ на волости побѣда жребій кинула.
Для чего же вамъ шеломы золочёные
И щиты, и копья Ляшскія?
Ставьте на полѣ воротà изъ калёныхъ стрѣлъ,
За свою ли землю Русскую
И за раны Князя Игоря Святславича!
Не течетъ Сулá струею серебристою
Къ Переяславлю ко городу,
И Двина болотомъ подъ невѣрный крикъ
Къ Полочанамъ грознымъ катится.

Только ты лишь, Изяславъ, Васильковъ сынъ, [28])
Позвонилъ мѣчами острыми
О шеломы о литовскіе,
Затуманивъ славу дѣдову, Всеславову,
Самъ-же саблями литовскими,
На травѣ на окровавленной,
Подъ щитами затуманился...
Славу взялъ съ собой на ложе онъ, промолвивши:
«Князь! твою дружину храбрую

Пріодѣли птицы крыльями,
Полизали у ней звѣри кровь.»
Не случилося тутъ братьевъ Изяславовыхъ—
Брячислава не случилося со Всеволодомъ:
Онъ одинъ изъ тѣла храбраго
Душу выронилъ жемчужную
Сквозь златое ожереліе.
Голоса уныли; смолкнуло веселіе;
Трубы трубятъ Городенскія.

Ярославъ и внучата Всеславовы! [29])
Понижайте знамена свои
И вложите ржавый мечъ въ ножны:
Не добыть вамъ славы дѣдовой.
Вы–то первые и начали крамолами

Наводить враговъ на землю Русскую
И на жизнь-ли на Всеславову;
А до той поры отъ Половцевъ
Не видать было насилія.

На седьмомъ вѣку Траяновомъ, [30])
Кинулъ жеребій Всеславъ о милой дѣвицѣ...
Опираяся ходулями,

Изъ окна скокнулъ онъ къ Кіеву, [31])
И коснулся онъ древкомъ копья
Золота̀ престола княжаго;
А оттуда лютымъ звѣремъ во полуночи
Убѣжалъ изъ Бѣлагорода,
Обернувшись мглою синею,
А по утру ужь тарапами
Отворялъ ворота въ Новѣгородѣ,
Расшибая славу Ярославову;
А съ Немиги до Дудутокъ проскакалъ, какъ волкъ. [32])
На Немигѣ–то снопами стелютъ головы,
Бьютъ цѣпами ихъ булатными,
На сыромъ току животъ кладутъ
Вывѣваютъ душу изъ тѣла.
Берега Немиги окровавились:
Не добромъ они засѣяны,
А засѣяны костями были русскими:
Князь Всеславъ людей судилъ-рядилъ,
Вѣдалъ онъ удѣлы княжіе,
А самъ волкомъ рыскалъ по̀ ночи изъ Кіева
И до самыхъ куреней Тмутараканскіихъ,
Хорсу путь перебѣгаючи. [33])
У святой Софіи въ Полоцкѣ
Чутъ ударили къ заутренѣ,
Онъ и въ Кіевѣ услышалъ звонъ
Да въ иномъ душа и вѣщая,
А отъ бѣдъ страдаетъ по̀часту.
Для того, вперво̀й, пѣвецъ Боянъ
И сложилъ припѣвку мудрую:
«Суда Божья ни гораздому, ни хитрому,
Ни гораздой птицѣ миновать нельзя!»
О, стонать тебѣ, святая Русь,

Время прежнее поминаючи,
Поминаючи удалыхъ Князей!
Да нельзя вѣдь было стараго Владимира
Пригвоздить къ вершинамъ Кіевскимъ;
Знамена его въ раздѣлъ пошли, [34])
И теперь, хвостами порознь развѣваются:
Тѣ у Рюрика, другія взялъ Давидъ.
Поютъ копья на Дунай-рѣкѣ.
Ярославны голосъ слышанъ... [35])
Перелётною кукушкой
По утру она кукуётъ:
— «Полечу,» Княгиня молвитъ,
«Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каялѣ во рѣкѣ,
Вытру раны я у Князя
На его кровавомъ тѣлѣ!»
Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ ты, вѣтеръ, буйный вѣтеръ!
Для чего насильно вѣешь,
Для чего на легкихъ крыльяхъ
Ты стрѣлковъ наносишь ханскихъ
На удалую дружину
Моего милова друга?
Али мало тебѣ вѣять
Вверхъ подъ облако, лелѣя
Корабли на синемъ морѣ?
Для чего мое веселье
По ковыль-травѣ развѣялъ?»
Ярославна рано плачетъ

Въ Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ ты, Днѣпръ мой пресловутый!
Черезъ каменныя горы
Въ Половецкую страну
Ты пробился, ты лелѣялъ
Святославы насады
До Кобякова полку:
Прилелѣй-же мнѣ милова,
Чтобы на̀ море по утру
Мнѣ не слать къ милому слезъ!»
Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ ты, солнце, мое солнце,
Солнце свѣтлое мое!
Всѣмъ свѣтло и всѣмъ красно ты:
Для чего-жь лучемъ горячимъ
Опалило ты дружину
Моего милова друга
И въ безводномъ полѣ жаждой
У нея луки стянуло,
И колчаны ей истомой

Заложило, запекло?»
Прыщетъ море со полуночи
Идутъ тучи мглою черною;
Князю Игорю Богъ кажетъ путь
Изъ земли изъ Половецкой въ землю Русскую
Къ золоту престолу отчему.
Погасаютъ зори красныя вечернія;
Игорь спитъ — не спитъ, а мыслію
Измѣряетъ поле отъ Дону великаго

И до малаго Донца рѣки.
Конь осѣдланъ со полуночи;
За рѣкою засвисталъ Овлуръ, [36])
Разумѣть велитъ: не мѣшкать Князю Игорю!
Загудѣла-заходила-ходенемъ земля;
Зашумѣла зелена-трава;
Снялись съ мѣста ставки Половецкія...
А Князь Игорь горностаемъ проюркнулъ въ тросникъ,
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
И взмахнулся на добра коня;
Соскочивъ съ него, какъ сѣрый волкъ,
Проскакавши по лугамъ Донца,
Полетѣлъ въ туманѣ соколомъ,
Лебедей съ гусями избиваючи
На обѣдъ, на полдникъ и на вечерю.
Коли Игорь соколомъ летѣлъ,
Такъ Овлуръ за нимъ, какъ волкъ, бѣжалъ,
Студеную росу отряхаючи...
А лихихъ коней ужъ загнали...
Говоритъ Донецъ: — «Охъ, Игорь Князь!
Много, князь, тебѣ величія,
А Кончаку недолюбія,
А землѣ Русской веселія!»
Игорь молвилъ: — «Охъ, Донецъ-рѣка,
И тебѣ не мало вѣдь величія:
Ты волнами Князя убаюкивалъ,
Стлалъ ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И подъ тѣнью дерева зеленаго
Одѣвалъ его мглами теплыми:
На водѣ стерегъ его — гоголемъ,
На струяхъ стерегъ — чайками,

На вѣтру стрегъ — черпедьми,
А Стугна-рѣка не таковская
И бѣжитъ струей не доброю,
Не свои ручьи пожираючи,
По кустамъ струга растираючи.
Ростислава, Князя юнаго, [37])
Не пустилъ на темный берегъ Днѣпръ:
Горько плачетъ Ростислава мать по юношѣ;

Прилегли цвѣты отъ жалости
И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево.»

Не сороки встрекотали тамъ, —
Гзакъ съ Кончакомъ выслѣжаютъ Князя Игоря.
Тогда вороны не каркали,
Галки смолкли; лишь, по сучьямъ гибкимъ ползая,
Дятлы тектомъ кажутъ путь къ рѣкѣ;
Соловьи веселой пѣсней величаютъ свѣтъ.
Говоритъ тогда Кончаку Гзакъ:
— «Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
Такъ сгрѣлами золочеными

Растрѣляемъ мы соколика.»
А Кончакъ ему въ отвѣтъ на то:
— «Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
Такъ соколика опутаемъ
Мы красавицею-дѣвицей.»
А Кончаку снова молвитъ Гзакъ:
«Коли дѣвицей-красавицей
Мы соколика опутаемъ,
Не видать намъ ни соколика,
Ни красавицы той дѣвицы,
А начнутъ насъ въ Половецкомъ полѣ птицы бить»

У пѣвца у Святославова,
У пѣвца былаго времени —
Ярославова, Олегова
И супруги-ли Коганової, [38])
Рѣчь Боянова въ конецъ пойдётъ:
«Тяжело быть головѣ безъ плечъ,
Худо быть безъ головы плечамъ!»
А землѣ Русской — безъ Игоря:
Солнце свѣтится намъ на небѣ,
А Князь Игорь на святой Руси.
Поютъ дѣвицы на Дунай-рѣкѣ;
Голоса ихъ вьются отъ моря до Кіева.
Ѣдетъ Игорь по Боричеву [39])
Ко Пречистой Пирогощей Богородицѣ.
Страны рады, грады веселы, —
Величаютъ пѣсней нàбольшихъ,
А потомъ и молодыхъ Князей.
Слава Игорю Святславичу,
И тебѣ, буй-туру Всеволоду,
И тебѣ, Владиміръ Игоревичъ! [40])
Много здравствуйте, Князья, и со дружиною,
Православною поборницей
Христіанъ на силы на поганыя!
Слава всѣмъ Князьямъ, да и дружинѣ ихъ.
Аминь!

ПѢСНЯ ПРО БОЯРИНА ЕВПАТІЯ КОЛОВРАТА ([40])

—

На святой Руси былъ и была,
Только быльемъ давно поросла...

Охъ-вы, зорюшки-зори!
Не одинъ годъ въ подпѣбесьѣ вы зажигаетесь
Не въ первой въ синемъ морѣ купаетесь:
Посвѣтите съ подпебесья, красныя,
На бывалые дни на пепастные!..
Вы, курганы, курганы сѣдые!
Насыпные курчаны, степны
Вы надъ кѣмъ, подгорюнившись, стонете,
Чьи вы бѣлыя кости хороните?
Разскажите, какъ русскую силу
Клала русская удаль въ могилу?..

I.

Къ городу — Рязани
Катятъ трое сани,
Сани розвальныя —
Дуги росписныя:
Вожжи на отлетѣ;

Кони на разлетѣ:
Колокольчикъ плачетъ —
За — версту маячитъ.
Первыя-то сани —
Все-то поѣзжане,
Все-то сѣверяне, —
Въ рукавицахъ повыхъ,
Въ охобняхъ бобровыхъ.
А вторыя санки —
Все-то поѣзжанки,
Все-то сѣверянки, —
Въ шапочкахъ горлатныхъ
Въ жемчугахъ окатныхъ,
А что третьи сани
Къ городу Рязани
Покатили сами
Всѣми полозами,
Подлетѣли птицей
Съ красной царь-дѣвицей,
Съ греческой царевной —
Душой-Евпраксѣвной.

У Рязанскаго князя, у Юрія Ингоревича,
Во его терему новорубленномъ,
Свѣтлый свадебный пиръ, ликованіе:
Сына старшаго, княжича Оедора,
Повѣнчалъ онъ съ царевной Евпраксіей,
И добромъ своимъ княжескимъ кланялся;
А добро-то накоплено издстари:
Похвалила-бы сваха досужная,
Въ полуглазъ поглядя, мимо-идучи.

Во полу — столѣ, во полу — пиру,
Молодыхъ гости чествовать учали,
На вѣнечное мѣсто ихъ глядючи,
Да смѣшки про себя затѣваючи:
Словно стольный-бы князь ихъ не жалуетъ —
Горькій медъ имъ изъ погреба выкатилъ,
А не свадебный!.. — «Ипъ подсластили-бы!»
А кому подсластить-то?.. Ужь вѣдомо:
Молодымъ...

Молодые встаютъ и цѣлуются.

И румянцемъ они, что ни разъ, чередуются, —
Будто солнышко съ зорькой вечернею.
И гостямъ, и хозяину весело:
Чарка съ чаркой у нихъ обгоняются,
То и знай — черезъ край наливаются.
Только нѣтъ веселѣй поѣзжанина,
И смѣшливѣе нѣтъ, и рѣчистѣе
Супротивъ княженецкаго тысяцкаго, —
Аѳанасія Прокшича Нездилы.
А съ лица не пригожъ онъ и нѐ молодъ:
Голова у него, что ладонь, вся-то лысая,
Борода у него клиномъ, рыжая,
А глаза, — что у волка, лукавые —
Врозь глядятъ — такъ-вотъ и бѣгаютъ.
Былъ онъ княжескимъ думцемъ въ Черниговѣ,
Да теперь, за царевной Евпраксіей,
Перебрался въ Рязань къ князю Юрію,
Цѣлымъ домомъ, со всею боярскою челядью.
А на смѣну ему Юрій Игоревичъ
Отпустилъ что ни лучшихъ дружниковъ,
И боярина съ ними Евпатія

Коловрата, рязанскаго витязя,
Князя Оедора брата крестоваго!
Не пустилъ-бы князь Юрій Евпатія,
Еслибъ самъ не проснлся:
«Прискучило
Мнѣ на печкѣ сидѣть, — а ходить по гостямъ
Неохочъ я, — про то самому тебѣ вѣдомо.»
Попыталъ-было князь отговаривать.
«Подожди-молъ: вотъ свадьбу отпразднуемъ.»
Такъ стоитъ на своемъ: — «Не погнѣвайся:
Я зарокъ себѣ далъ передъ образомъ
Самому не жениться, не бабиться,
Да и вчужѣ на свадьбѣ не праздновать,
Хоть пришлось-бы въ Черниговѣ
Повидать осударь-князя Игоря:
Можетъ, вмѣстѣ сходилъ-бъ на Половцевъ...»
Замолчалъ князь. А княжичу Оедору
И перечить не слѣдъ другу милому,
Только обнялъ его крѣпко-на крѣпко,
И обоимъ глаза затуманила
Дорогая слеза молодецкая.
И уѣхалъ боярин Евпатій съ дружиною...
Провожали удалаго витязя
Горожане и люди посельные,
А почетные гости рязанскіе
Хлѣбомъ-солью ему поклонилися,
А молодки и красныя дѣвицы
Долго-долго стояли, задумавшись,
Въ теремахъ подъ окошкомъ косящатымъ.
Даже свахи — и тѣ подгорюнились,
Хоть ни ходу, ни слѣду имъ не было
Во дубовыя сѣни Евпатьевы,

Во его во боярскую гридницу.
А самъ витязь-то словно не вѣдаетъ —
Какова есть на свѣтѣ зазнобушка
И кручина — истома сердечная:
Подавай для него, что для яснаго сокола,
Только вольной просторъ вкругъ да около

Отсидѣли столы гости званые;
Поѣзжане свой поѣздъ управили;
Короваемъ князь Ѳедоръ, съ княгинею,
Со своей ненаглядной молодушкой,
Старшимъ родичамъ въ поясъ откланялся,
Помолился въ соборѣ застушницѣ
И поѣхалъ изъ стольнаго города

Въ свой удѣлъ...

На горѣ на обрывистой,
Надъ рѣкой-Осетромъ, надъ излучиной,
Строенъ теремъ князь-Ѳедора Юрьича.
Боръ дремучій кругомъ понавѣсился
Вѣковыми дубами и соснами,
Сползъ съ горы, перебрался и за рѣку,
Точно въ бродъ перешелъ, и раскинулся
Въ неоглядную даль, въ необъѣздную. .
Зажилъ князь съ молодою княгинею
Въ терему, что на вѣткѣ прилюбчивой
Сизый голубь съ голубкою ласковой.
И ужь такъ-то ласкала княгиня Евпраксія,
Такъ-то крѣпко любила милаго хозяина,
Что и словъ про такую любовь не подобрано.
А сама изъ себя — всѣмъ красавица:
И собольею бровью, и поступью,

И румяной щекой, и рѣчами привѣтными:
Будетъ годъ по десятому мѣсяцу —
Родила она первенца-княжича...
Окрестили его на Ивана-Крестителя
И назвали Иваномъ, а прозвали Постникомъ,
Для того, что ни въ середу княжичъ, ни въ пятницу
Не бралъ груди у матери...

Оедоръ-князь

На такой на великой на радости,
Въ новоставленный храмъ Николая Святителя,
Чудотворца Корсунскаго, вкладу внёсъ
Полказны золотой своей княжеской...

II.

По рязанскимъ лѣсамъ и по пустошамъ
Завелося подъ осень не доброе.
Кто ихъ знаетъ тамъ — марево, али и — зарево?
Вотъ: встаетъ тебѣ къ небу, съ полуночи,
Красный столпъ сполыньей бѣломорскою;
Вотъ: калякаетъ кто-то, калякаетъ...
По деревьямъ топоръ — ровно звякаетъ...
А кому тамъ и быть, коль не лѣшему?
Нѣтъ дороги ни конному тамъ, и ни пѣшему...
Раскидали разсыльныхъ — вернулися,
Говорятъ: «Насъ впередъ не посылывать,
А не то ужь не ждать: со полуночи
Мы того навидались-наслышались,
Что — храни насъ Святые Угодники!.
Вы послушайте — что починается?..
Отъ царя, отъ Батыя безбожнаго,
Есть на рєскую землю нашествіе.

Слышь: стрѣлой громоносною–молнійной,
Сналъ онъ къ намъ, а отколѣ — незнаемо...
Саранча Агарянъ съ нимъ безсчетная:
Такъ про это и знайте — и вѣдайте...»

III.

Было сказано... Слѣдомъ и прибыли
Два Ордынца, съ женой — чародѣйницей,
Всё–жь къ великому князю рязанскому,
Н' къ другимъ князьямъ — Пронскимъ и Муромскимъ...
«Такъ и такъ: десятиной намъ кланяйтесь
Съ животовъ, со скотовъ и со прочаго.»

Снёсся князь съ Володимеромъ–городомъ
И съ другими, да знать ужь, что въ тѣ-поры,
Гнѣвъ Господень казнилъ Русь безъ милости:
Отступилось со страхомъ и трепетомъ...
Ну, тогда старый князь князя Ѳедора
Повѣщаетъ, что вотъ-молъ безвременье...
Поѣзжай ты, съ великимъ моленіемъ
И съ дарами, къ нему, нечестивому...
Бей челомъ, чтобъ свернулъ онъ съ Воронежа?
Не въ Рязанскую землю, а въ Русскую...
О хозяйкѣ твоей озаботимся...»
Ѳедоръ–князь и поѣхалъ...

IV.

И вотъ-что случилося: —
Ѣхалъ Нѣздила Прокшичъ съ князь–Ѳедоромъ,
И за ними рязанскіе вершники, шестеро,
Въ станъ Батыевъ... проѣхали островомъ
Подгороднымъ; проѣхали далѣе.

Островами другими, немѣренными,
И ужь дѣло-то было къ полуночи...
Все — соснякъ, березнякъ, да осинникъ... промежь листвы
Издалека имъ стало посвѣчивать...
Ѣдутъ по-лѣсу, на свѣтъ, — прогалина:
Лугъ и рѣчка; за рѣчкой раскинуты,
Сплошь и рядомъ шатры полосатые —
Станъ, — и станъ неоглядный... Кишма-кишатъ
Люди-не люди — нѣтъ на нихъ образа Божьяго,
А какое-то племя проклятое.
Какъ звѣрье окаянное якобы...
Кто въ гунѣ промоленной, кто въ панцырѣ,
Кто въ верблюжью шкуру закутался...
Узкоглазые всѣ и скуластые,
А лицо словно въ вѣнникахъ крашено.
Шумъ и гамъ! Всѣ лепечутъ по своему;
Гдѣ заржетъ жеребецъ остреножепный,
Гдѣ верблюдъ всею пастью прорявкаетъ...
Тутъ кобылу доятъ; тамъ махапину
Пожираютъ, что волки несытые;
А другіе ковшами да чашками
Тянутъ что-то такое похмѣльное
И хохочутъ, другъ друга подталкивая ..
Вдоль по рѣчкѣ топливо навалено,
И пылаютъ костры неугасные...
Сторожа въ камышахъ притаился...

Обокликнули князя и съ Нѣздилой:
Отозвались они и поѣхали,
Черезъ весь станъ, къ намету Батыеву:
Всполошилась орда некрещенная:
Сотень съ пять побѣжало у стремени...

Князь съ боярином ѣдутъ — не морщатся—
Межъ кибитокъ распряженныхъ войлочныхъ;
Стремянной Оголонца сердится,
А другіе дружинные вершники
Только крестятся, въ сторону силевывая:
На Руси экой нечисти съ роду невидано...

Закрасне́лась и ставка Батыева:
Багрецовыя ткани натянуты
Вкругъ столпа, весь-какъ-есть золоченаго.
Одаль ставки, а кто и при пологѣ,
Стали цѣлой гурьбою улусники —
Всѣ въ кольчугахъ и въ шлемахъ съ ковыль-травой;
За плечами колчаны; за поясомъ
Заткнутъ ножъ, закалённый съ отравою,
На одинъ только взмахъ и подше́нтанный.

Князя въ ставку впустили и съ Нѣздилой.
Ханъ сидитъ на коврѣ; ноги скрещены;
На плечахъ у него пестрый ро̀спашень,
А на темени самомъ скуфе́йка парчевая.
По бокамъ, знать, вельможи ордынскіе,
Всѣ въ такихъ-же скуфейкахъ и ро̀спашняхъ...
Сталъ челомъ бить ему, почестивому,
Ѳедоръ князь, а покудова Нѣздила
Подмигнулъ одному изъ прислѣшниковъ
И отвелъ его въ сторону.

Молитъ квязь:
«Не воюй-де, царь, нашей ты во̀лости,
А воюй что иное и прочее:
Съ насъ и взять-то прійдется по малости,
А что за́годя вотъ — мы поминками
Кой какими тебѣ поклонимся.»

Ханъ подумалъ-подумалъ и вымолвилъ:
«Подожди: я теперь посовѣтуюсь...
Выйди вонъ ты на время на малое —
Позову...»
Вышелъ Ѳёдоръ — князь — позвали...
Говоритъ ему Ханъ: «согласуюся
И поминки прійму, только знаешь-ли? —
Мало ихъ...» (толмачами взаимными
Были Нѣздила съ тѣмъ же Ордынцемъ подмигнутымъ:)
Мало ихъ, говоритъ князю Ѳёдору
Царь Батый, а, коль хочешь уладиться, —
Дай красы мнѣ княгинины видѣти.»
Помертвѣлъ Ѳедоръ князь съ пе́рва-на́-перво,
А потомъ какъ зардѣется:
«Нѣтъ-молъ, Ханъ!
Христіанамъ къ тебѣ, нечестивому,
Женъ на блудъ не водить, а твоя возьметъ,
Ну, владѣй всѣмъ, коль только достанется!»
Разъярился тутъ Ханъ, крикнулъ батырямъ:
«Разнимите пожами противника на части!..»
И розняли...
Потомъ и на вершниковъ,
Словно лютые звѣри, накинулись:
Всѣхъ — въ куски, лишь одинъ стремянной Ополоница
Изъ поганаго омута выбрался...
А боярина Нѣздилы пальцемъ не тронули...

V.

Воротился бояринъ въ Рязань, къ князю Юрію,
Доложилъ, что принялъ Ханъ дары княженецкіе,
Что покончится, якобы, дѣло, какъ вздумано,
А отъ князя поѣхалъ въ княгинѣ Евпраксіи

Забавлять прибаутками, шутками, рòзсказнями,
Что-бъ по мужѣ не больно ужь ей встосковалося.
Говоритъ: «Княземъ Юріемъ Игоровичемъ
Къ твоему княженецкому здравію
Послалъ я, чтобы вѣстью порадовать.
Оедоръ князь у царя, у Батыя — состольникомъ:
Пополамъ и веселье, и бражничанье;
Отклонилъ Богъ бѣду немилую;
Воевать насъ татаре заклялися
И уйдутъ — все по слову князя Оедора.
А какіе они безобразные!»
И пошелъ, и пошелъ онъ баляснячать,
Да вѣдь какъ — что ни слово — присловіе.
Показались тѣ рѣчи Княгинѣ занятными,
Учала она Нѣздилу спрашивать:
— «Что за людъ такой, что за нечадіе?
Вмѣсто дома телѣга.. А женщины
Съ ними что-ли?... Какія-жь съ обличія?»
— «А такія, что смѣху подобныя.
Изъ-за войлока выглянетъ — смуглая,
Очи словно травинкой прорѣзаны;
Брови черныя; скулы на выпятѣ;
Зубы дегтемъ ужь что-ли намазаны.. »
Балагуритъ онъ такъ, балагуритъ-то,
А съ самимъ собой думушку думаетъ.
«Вотъ, постой, налетятъ, такъ узнаешь ты—
Сколько женъ по кибíткамъ ихъ возится,
Да и какъ изъ намета-то ханскаго
Отпускаются бабы—съ рукъ на руки,
Ханскимъ ближникамъ, ханскимъ печальникамъ,
А ужь я за тебя, за голубушку,
Отвалилъ-бы казны не жалѣючи...»

VI.

Загорѣлося утро по лѣтнему,
Загорѣлось сначала на куполѣ,
А потомъ перешло на верхушки древесныя,
А потомъ поползло по землѣ, словно крадучись,
Гдѣ жемчужники, гдѣ и алмазники
У росистой травы отбираючи.
Куманика перловымъ обсыпалась бисеромъ;
Подорѣшникъ всей бѣлою шапкой своей пахлобучился
И поднялъ повалежныя листья натужившись;
Съ Осетра̀ валитъ паръ, словно съ каменки—
Значитъ: будетъ днемъ баня опарена....
У Николы Корсунскаго къ ранней обѣднѣ ударили....
И Княгиня проснулась подъ колоколъ...
Къ колыбели птенца своего припадаючи,
Цѣловала его, миловала и нестовала,
И на красное солнышко вынесла,
На подборъ теремной, на свѣтелочный.
Вотъ стоитъ она съ нимъ, смотритъ на поле,
На лѣсъ, на̀ рѣку, смотритъ такъ пристально
На дорогу, бѣгучую подъ гору.
Смотритъ... пыль по дорогѣ поднялася...
Скачетъ кто-то, и конь весь обмы́ленный...
Ближе глянула, анъ Ополо̀ница—
Не примѣтилъ Княгини-бъ, да крикнула:
Осадилъ жеребца, задыхается...
А Княгиня Евпраксія спрашиваетъ:
—«Гдѣ-же Князь мой, сожитель мой ласковый?»
Замоталъ головой Ополо́ница:
—«Не спросила-бы, нѣ было-бъ сказано.
Благовѣрный твой Князь Оедоръ Юрьевичъ,

Красоты твоей ради неслыханной,
Убіенъ отъ Царя, отъ Батыя нечестиваго!»
Обмерла-окочепѣла княгиня Евпраксія,
Къ персямъ чадо прижала любезное,
Да съ нимъ вмѣстѣ съ подбора и рипулась
На сырую мать-землю, и тутъ *заразилася* *) до смерти...
И оттолѣ то мѣсто *Заразомъ* прозвалося,
Потому-что на немъ заразилася
Съ милымъ чадомъ Княгиня Евпраксія.

VII.

Въ это время Батый, царь нечестивый,
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную.
И пошёлъ прямо къ стольному городу;
Да на полѣ его вся дружина рязанская встрѣтила.
А князья впереди: самъ великій Князь,
Князь Давидъ, и Князь Глѣбъ, и Князь Всеволодъ,—
И кровавую чашу съ татарами роспили.
Одолѣли-бъ рязанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по-сту татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую...
Изрубить-изрубили они тьму несмѣтную,
Наконецъ утомились-умаялись,
И сложили удалыя головы,
Всѣ, какъ бились, всѣ до единаго,
А князь Юрій лёгъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня свою землю и отчину,
И семью, и свой столъ, и княженіе...
Какъ объѣхалъ потомъ царь Батый поле бранное,

*) Лѣтописное выраженіе вмѣсто: разразилася.

Какъ взглянулъ онъ на пàдаль татарскую,—
Преисполнился гнѣва и ярости
И велѣлъ—всѣ предѣлы рязанскіе
Жечь и грабить, и рѣзать безъ милости
Всѣхъ,—отъ стараго даже до малаго,
Благо ихъ боронить было некому...
И нахлынули орды поганыя
На рязанскую землю изгономъ неслыханнымъ,
Взяли Пронскъ, Ижеславецъ и Бѣлгородъ,
И людей изрубили безъ жалости,
И пошли на Рязань... Сутокъ съ четверо
Отбивались отъ нихъ горожане рязанскіе,
А на пятыя сутки ордынцы проклятые
Ворвались-таки въ городъ, по лѣстницамъ,
Сквозь проломы крѣмлевской стѣны, и сквозь полымя;
Ворвался и въ церковь соборную,—
Тамъ убили Княгиню Великую,
Со снохами ея и съ княгинями прочими,
Перебили священниковъ, иноковъ;
Всенародно дѣвицъ осквернили и инокинь;
Храмы Божьи, дворы монастырскіе—
Всѣ пожгли; городъ прѣдали пламени;
Погубили мечемъ все живущее,—
И свершилось по слову Батыеву:
Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталося..
Плакать нѣкому было и нѣ-по-комъ...
Всѣ богатство рязанское было разграблено...
И свалило къ Коломнѣ ордынское полчище.

VIII.

Охъ-ты степь, ты приволье раздольное,
Молодецкая ширь необъѣздная,

Поросла по яругамъ ты тальникомъ
И травой-муравой пріукрасилась.
Хорошо на просторѣ тебѣ, неоглядная,
Залегать, не оря и не сѣючи,
А шелкòвымъ ковромъ зеленѣючи!...
Гдѣ рѣка пробѣжитъ, тамъ и зàтоны,
Гдѣ лѣсокъ проскочилъ, тамъ и зàбѣга
Звѣрю всякому, тамъ-же и гнѣздúшко
Птицѣ всякой пролетной, привычливой;
А охотнику—знай да натягивай
Тетиву у лука круторогаго,
Аль спускай съ рукавицы, гдѣ вóззрился, сóкола...,
Ѣдетъ пó степи витязь Евпатій, да не-веселъ...
На рукѣ дремлетъ кречетъ, остроженный,
Отъ Болгаръ въ самой Индіи добытый,
Дремлетъ кречетъ, клобукъ отряхаючи
И крыломъ поводя, а не видитъ онъ,
Что сорвалися двѣ капли съ болота сосѣдняго.
Онъ не видитъ, а витязь и видѣлъ-бы,
Только знать самому затуманила
Очи зоркія греза налетная...

И не грезится—словно-бы въ явь ему видится...

Вотъ, какъ есть, городъ Новгородъ-Сѣверскій...
И Десна... и народу у пристани чуть не съ-полгорода.
Цареградскіе гости пришлыли съ товарами,
Да одинъ привезли,—продавать не указано,—
Отдавать по завѣту великому...
А товаръ-то—царевна-красавица:—
Не снималася съ синяго моря лебедушка,—
Не алѣла въ бору неотоптанномъ ягодка,

Супротивъ византійской царевны Евпраксіи...
Полюбилася крѣпко царевна Евпатію,
Да и Ѳедору князю она полюбилася:
Оба ѣздили въ тѣ-поры въ Новгородъ Сѣверскій.
Князь зазнобой своею Евпатію каялся,
Только милому брату крестовому
Ничего не промолвилъ Евпатій... не вѣдала
Ни о чемъ даже ночь-исповѣдница...
Да любовь не-стрѣла половецкая:
Изъ груди ее разомъ не выдернешь...
Одолѣла кручина истомная витязя,
Проводила его отъ Рязани къ Чернигову,
И поѣхала рядомъ у стремени
По полямъ, по степямъ непзвѣданнымъ:—
По уѣхать отъ ней, не избыть ея
Ни мечомъ, ни крестомъ, ни молитвою...
За истомой сердечной и греза горячая
Правитъ слѣдъ, и манитъ къ себѣ витязя—
Что не бѣлой рукой—бровью писанной,
Не шелковой косой—рѣчью ласковой...
Ѣдетъ съ поля Евпатій домой, да не къ радости:
На порогѣ его поджидаетъ давно Ополоница.

IX.

Отъ Коломны Ордынцы пошли прямо къ Суздалю;
Станъ разбили на Сити-рѣкѣ, ради отдыха
И дѣлежки добычею русскою.
Ханъ позвалъ на совѣтъ къ себѣ Нѣздилу,
А ужь тотъ и въ концѣ отатарился:
Нѣтъ отлики отъ прочихъ улусниковъ.
Порѣшили: ждать князя великаго Суздальскаго.

Положить всю дружину на мѣстѣ, гдѣ ступятся,
А потомъ и пойдти къ Володимеру
И другимъ городамъ—на разгромъ на неслыханный,
На грабежъ и рѣзню безпощадную.
Говоритъ нечестивому Нѣздила:
—«Только мнѣ побывать-бы вотъ въ Суздалѣ,
Указалъ-бы тебѣ я, намѣстнику божію,
Гдѣ хранится казна монастырская
И церковная утварь, и кладь княженецкая?»
—«Что-же?» Ханъ говоритъ. Нѣшто за̀ моремъ?
Какъ возьмёмъ на копье ихъ улусъ, ты указывай,
А себѣ и бери десятиною.»
Билъ челомъ хану грозному Нѣздила
И пошелъ изъ шатра на ночёвку кибитную,
А въ кибиткѣ семья его ждетъ новобранная:
Старыхъ жёнъ отдалъ ханъ ему цѣлую дюжину...
Полуночь... Аоанасію Прокшичу Нѣздилѣ
Мягко спать на коврахъ и на войлокахъ,
Да и сны-то такіе любовные...
То приснится квашёнка, тряпицей накрытая,
И стоитъ-то въ подпольѣ у гостя невзрачнаго,
А заглянешь въ неё—вся насыпана жемчугомъ;
То валяется шлемъ подъ кустомъ подъ ракитовымъ,
Занесёнъ снѣгомъ-шиеемъ—всмотришься,
Анъ вѣдь княжескій онъ, въ Цареградѣ чеканеный,
Весь серебряный, только-что черными пятнами
Запеклась на немъ кровь благородная;
То приснится, что суздальскій рязанчій
Головою киваетъ ему, вызывающи
На сговоръ и бесѣду потайную...
Да ужь это не снится, а подлинно
Войлокъ подняли... смотритъ во всѣ глаза Нѣздила,

Видитъ: старецъ сѣдой, въ одѣяніи инока,
Ликомъ схожъ на икону Николы Корсунскаго,
Изъ кибитки рукой его манитъ таинственно.
Вылѣзъ Нѣздила къ иноку, сталъ его спрашивать.
—«Что ты, старче? Чего тебѣ надобно?»
Поглядѣлъ на него старецъ пристально
И отвѣтствуетъ такъ:—«Душу грѣшника
Отъ погибели вѣчной спасти покаяніемъ.»
Засмѣялся въ отвѣтъ ему Нѣздила:
—«Видно—ты безъ ума и безъ разума,
Что полуночью бродишь по стану воинскому
И дерзаешь тревожить сановниковъ?
Видишь: грѣшную душу спасти ему надобно!
Знай: ордынцы такихъ соглядатаевъ
На чумбурахъ, что псовъ омерзительныхъ, вѣшаютъ
Погоди: мы вотъ завтра допросимся—
Гдѣ ты самъ-то, святоша, спасаешься?»
—«Не тебѣ,» говоритъ ему старецъ, «допрашивать
Божьихъ слугъ, а тебя имъ допрашивать,
Ты скажи мнѣ: какой лютой казнію
Подобаетъ казнити измѣнника,
И предателя, братоубійцу,
Окаяннаго кровепролителя,
Осквернителя храмовъ Господнихъ,
Святотатца и бѣсо-угодника?
На землѣ нѣтъ и казни такой: только дьяволамъ
Во геенѣ она уготована.
Вѣдай: ждутъ и тебя муки адскія,
Но Господь милосердый тебѣ покаяніемъ
Дозволяетъ спастися отъ вѣчной погибели...»
Весь затрясся отъ гнѣва и ярости Нѣздила,
И на старца хотѣлъ-было ринуться,

Да не могъ шевельнуться, какъ-будто къ землѣ приросъ.
Указалъ ему старецъ десницею на небо
И промолвилъ: «Однѣми молитвами
Неповинно тобою погубленныхъ,
Князя Ѳеодора, съ княжичемъ и со супругою,
Благовѣрной княгинеи Евпраксіей,
Богъ пріемлетъ твое покаяніе,
И меня ниспослалъ къ тебѣ вѣстникомъ,—
Содрогись и покайся, о, чадо заблудшее,
И молися: заутра, съ десницею,
Ты предстанешь на страшный судъ Господа,
А земной судъ и казнь начинаются...»
Съ этимъ словомъ исчезъ онъ—и вся земля дрогнула...

X.

Ходенемъ пошло поле окрестное
И сыръ-боръ зашатался вотъ-словно подъ бурею...
Налетѣла-ль она, многокрылая,
Или сила иная на ставки татарскія,
Только ломятся ставки и валятся,
Только стонъ поднялся вдоль по стану ордынскому.
Загремѣли мечи о шеломы каленые;
Затрещали и копья и бердыши;
Отъ броней и кольчугъ искры сыплятся;
Полилася рѣкой кровь горячая...
Варомъ такъ и варитъ всю орду нечестивую:
Рубятъ, колятъ и бьютъ—кто?—невѣдомо.
Тутъ ордынцы совсѣмъ обезпамятѣли,
Точно пьяные, или безумные.
Кто ничкомъ лежитъ—мертвымъ прикинулся,
Кто бѣжитъ вонъ изъ стана—копей ловить;

А и кони по полю шарахнулись—
Ржутъ и носятся тоже въ безпамятствѣ.
Тутъ все стадо реветъ—всполошилося;
Тамъ ордынки развылись волчихами;
Здѣсь костеръ развели, да не во время:
Два намета сосѣдніе вспыхнули.
А наѣзжая сила незримая
Бьетъ и рубитъ и колетъ безъ устали,—
Слышно только, что русскіе витязи,
А нельзя полонить ни единаго...
Вопятъ батыри въ страхѣ и ужасѣ:
—«Мертвецы, мертвецы встали русскіе,
«Встали съ поля рязанцы убитые!»
Самъ Батый убоялся... А Нѣздила
Ужь у Хана въ шатрѣ, ужь опомнился
Отъ того отъ ночнаго видѣнія;
Говоритъ: «Только взять-бы какого: развѣдаемъ, —
Мертвецы, или люди живые наѣхали?»
Говоритъ онъ, а дрожь-то немалая
Самого пробираетъ, затѣмъ-что всё близятся
Стонъ и вопли къ намёту Батыеву,
Все бѣгутъ въ перепугѣ улусники,
Отъ невидимой силы, невѣдомой...
— «Повели, Ханъ, костры запалить скоро-на-скоро
И трубить громче въ трубы звончатыя,
Чтобы всѣ твои батыри слышали,
Да пошли поскорѣе за шурином
Хоздовруломъ.» Батыю совѣтуетъ Нѣздила.
Ханъ послушался: трубы призывныя гряпули,
И зарей заиграло въ подлебесьѣ зарево.
Въ пору въ самую: близко отъ ставки Батыевой
Пронеслася толпа русскихъ витязей,

Прогоняя татарву поганую
И топча подъ копытами конскими;
Да въ догонку ей стрѣлы, что ливень, посыпались, —
И упали съ коней на́ земь пятеро.
Подбѣжали ордынцы къ нимъ, подняли
И къ Батыю свели. Ханъ ихъ спрашиваетъ:
«Вы какой земли, вѣры какой, что невѣдомо —
Почему мнѣ великое зло причиняете?»
И отвѣтъ ему держатъ рязанскіе витязи:
— «Христіанской мы вѣры, дружинники
Князь-Юрья рязанскаго, по́лку Евпатія
Коловрата; почтить тебя посланы —
Проводить, какъ царю подобаетъ великому.»
Удивился Батый ихъ отвѣту и мудрости,
И послалъ на Евпатія шурина,
И полки съ нимъ татарскіе многіе.
Хоздоврулъ похвалялся: «живьемъ возьму,
За сѣдломъ приведу къ тебѣ русскаго витязя.»
А ему подговаривалъ Цѣздила.
— «За сѣдломъ!.. Приведешь его къ Хану у стремени.»
И поѣхали оба на встрѣчу Евпатію...
А заря занималась на небѣ
И сступились полки... у Евпатія
Всей дружины-то было-ль двѣ тысячи —
Вся послѣдняя сила рязанскаго, —
А ордынцы шли чёрною тучею:
Не окинуть и взглядомъ, не то-чтобъ довѣдаться —
Сколько ихъ?.. Впереди Хоздоврулъ барсомъ носится.
Молодецъ былъ и ба́тырь: копя необгопшѣе
И вѣрнѣе копья у ордынцевъ и не было.
И сступились полки... На Евпатія
Налетѣлъ Хоздоврулъ, только не въ пору:

*

Исполинъ былъ Евпатій отъ младости силою —
И мечемъ раскроилъ Хоздоврула онъ на-полы
До сѣдла, такъ-что всѣ, и свои, и противники
Отшатнулись со страхомъ и трепетомъ...
Рать ордынская дрогнула, тылъ дала,
А всѣхъ прежде свернулъ-было Нѣздила,
Да копя подъ устцы ухватилъ Ополоница.
Только глянулъ бояринъ Евпатій на Нѣздилу,
Распалился душой молодецкою
И съ сѣдла его сорвалъ, А Нѣздила
Сталъ молить его слёзнымъ моленіемъ:
«Отпусти хоть мнѣ душу-то на покаяніе!»
Отвѣчаетъ Евпатій. — «Невиненъ-ты —
Мать сырая земля въ томъ виновница,
Что носила такое чудовище:
Пусть и пьетъ за то кровь твою гнусную...
Ты попомни княгиню Евпраксію,
И колѣй, старый пёсъ, непокаянно!»
Тутъ взмахнулъ надъ шеломомъ онъ Нѣздилу
И разбилъ его о землю въ дребезги;
Самъ-же кинулся вслѣдъ за ордынцами
И погналъ ихъ до самой до ставки Батыевой.
Огорчился Батый и разгнѣвался,
Какъ узналъ, что Евпатій убилъ его шурина,
И велѣлъ навести на Евпатія
Онъ *пороки*, орудія тѣ стѣнобитныя...
И убили тогда крѣпкорукаго,
Дерзосердаго витязя; тѣло-же
Принесли передъ очи Батыевы.
Изумился и Ханъ, и улусники
Красотѣ его, силѣ и крѣпости.
И почтилъ Ханъ усопшаго витязя;

Отдалъ тѣло рязанскимъ дружинникамъ
И самихъ отпустилъ ихъ, примолвивши;
«Погребите, вы, батыря вашего — съ честію,
По законамъ своимъ и обычаямъ,
Чтобъ и внуки могилѣ его поклонялися.»

XI.

По зимѣ Игорь-князь изъ Чернигова
Прибылъ въ отчину, въ землю рязанскую
И заплакалъ слезами горючими,
Какъ взглянулъ на пожарище стольнаго города.
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ помёрзлые,
На травѣ-ковылѣ обнаженны, терзаемы
И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы, лежали убитые
Воеводы рязанскіе, витязи,
И семейные Князя, и сродники,
И все множество люда рязанскаго:
Всѣ одну чашу смертную выпили.
Повелѣлъ погребать ихъ князь Игорь немедленно;
Повелѣлъ іереямъ святить храмы Божіи
И очистить весь городъ; а самъ онъ съ Воронежа
Тѣло князя Ѳеодора Юрьича
Перенесъ къ Чудотворцу Корсунскому,
И княгиню Евпраксію, съ сыномъ ихъ княжичемъ,
Схоронилъ въ одно мѣсто, и три креста каменныхъ
Надъ могилой поставилъ. Съ тѣхъ поръ прозывается
Николай Чудотворецъ — Заразскимъ святителемъ:
Потому-что на мѣстѣ на томъ заразилася,
Вмѣстѣ съ сыномъ Княгиня Евпраксія.

Гдѣ честна́я могила Евпатія —
Знаютъ ясныя зори съ курганами,
Знала старая пѣсня про витязя,
Да и ту унесло вѣтромъ–вихоремъ.

Охъ-ты, батюшка городъ — Зарайскъ повоставленный!
На крутой на горѣ ты красуешься,
На Осетръ на рѣку ты любуешься
И глядишься въ неё веселёхонекъ,
Словно вправду не-знаешь-не–вѣдаешь —
Гдѣ ты выросъ, надъ чьими могилами?..
Знать — гора и крута да забывчива,
Знать — рѣка и быстра — да измѣнчива,
А правдива запѣвка старинная:
«На святой Руси быль и была,
Только быльемъ давно поросла!»

ВОЛХВЪ. *)

(Николаю Ѳедоровичу Щербинѣ.)

Созвонили про вѣче... далéче-далѐче
Загудѣлъ *благовѣстникъ софійскій* про вѣче,
И созвалъ разудалыхъ, лихи́хъ молодцовъ,
Изо всѣхъ изъ *пятинъ*, изо всѣхъ изъ *концовъ*;
Приподнялъ онъ и въ свѣтлой, во гридницѣ княжей,
Со гагачей постели, съ подушки лебяжей,
Князя стольнаго Глѣба Мстиславича...
Всталъ,
И топоръ съ поворузой ременною снялъ
Подъ рукавъ, и въ конюшнѣ сѣдлалъ «*воронóва;*
Но на вызовъ народный не выронилъ слова...
Да и что–тутъ, какія-же были–бъ слова̀,
Если ѣдешь на встрѣчу и рѣчи Волхва̀,
Наипаче, коль онъ сатаной объученный
И вѣдуньями въ ча̀рномъ кострѣ опаленный?..

*) См. Софійскую и I лѣтопись, стр. 145 — 146 (изданіе Археографической коммисіи.)

Да. Прошла про Волхва издалека молва:
— «Не бывало во-вѣки такого Волхва!
Ворожбой онъ узнаетъ — гдѣ шйто, да крыто?..
Гдѣ у бабъ и у дѣвокъ пшеница и жйто?..
Всё-про-всё ужь доточно провѣдаетъ онъ,
И наружу, что крàдено, высыплетъ вонъ,
И не спрячешь за пàзухой зёрнышка хлѣба...
Взглянетъ нá небо, — нѣтъ тебѣ синяго неба:
Звѣзднымъ свйткомъ сверпётся и скàтится прочь;
И оставитъ одну непроглядную ночь...

Взглянетъ пà море, — въ трепетномъ ужасѣ-страхѣ,
Волны рёзвы лижутъ, въ пескѣ и во прахѣ,
Слѣдъ отъ стопъ его мощныхъ ..
Да что говорить?...
И убить, и въ тотъ мйгъ-же опять воскресить, —
Можетъ онъ перекомой своей ворожбою,
Можетъ, словно калиткой, ворочать душою...
Значитъ: знаетъ отъ Бога такія словà...
Не бывало во вѣки такого Волхва!»

Вотъ и вышелъ онъ, Волхвъ и язычникъ, на вѣче;
Вотъ гудитъ — и гудитъ «*благовѣстникъ*» далече...
И съ пяти всѣхъ концовъ всѣ посадники тутъ;
И сошёлся къ Волхву добровольный весь людъ;
И собрáлись за нимъ горожàне на вѣче;
И повёлъ вѣщій Волхвъ имъ безстыдныя рѣчи...
Говоритъ:
— «Новугòроду слава и честь!...
Есть поклонъ вамъ отъ Бога и вѣсточка есть —
Онъ глаголетъ:
«*Меня* вы не знаете, люди!

Вы язычники–болѣе Ямп и Чудп,
И Литвы... Вы глядите прилежно сюда. .
Всё ровно́ предо *мною* земля, пль вода:
Поглядите-же всѣ вы, очѝми, какъ мимо,
Вдоль къ Волхову, сынъ *мой* пройдётъ невредимо
И па берегъ наступитъ нетлѣнной пятой,
Ибо сынъ онъ *мой* вѣщій и праведникъ *мой*!»

Сомутѝлися вѣчники-люди не въ мѣру,
И повѣрили всуе Волхву-изувѣру...
Не повѣрилъ Владыка Оеодоръ о немъ:
Предъ соборомъ Софійскимъ онъ сталъ со крестомъ,
Возглашая:
«Кто Господа-Бога боится, —
Передъ страшнымъ Господнимъ Крестомъ преклонѝтся,
Кто–же грѣшенъ предъ Божіимъ страшнымъ крестомъ,
Тотъ ошую и стань съ окаяннымъ Волхвомъ...»

Отъ Епископа Новгородъ весь отщетился;
Волхвованіемъ дьявольскимъ весь соблазнился,
И засѣлъ, словно мѝковникъ, о́крестъ Волхва;
Да въ то время лѣвша́ не бывала права́...

Ко Епископу Князь подошёлъ со дружиной;
И крестомъ оградился всѣ, — какъ единый;
Приложились дружинники Князя; потомъ
Оградился и Князь всепобѣднымъ крестомъ,
И встряхнулъ, молодечества бу́йнаго ра́ди,
Онъ кудрей темнорусыхъ шелковыя пряди,
Подъ собольею шапкой, и молвилъ Волхву
Очи-въ очи:
— «Такъ ты не во-снѣ—на-яву
Бредишь?.. Ну! А скажи мнѣ — о чёмъ говорила
Ноньче зорька съ тобою и что посулѝла?»

— «Знаю всё и всегда, повседневно, точь-въ-точь,
Что сулитъ мнѣ и зорька, и тёмная ночь.»

— «Право? молвилъ Князь Глѣбъ. — «А скажи мнѣ: сегодня
Знаешь — какъ тебѣ вѣзволитъ воля Господня?»

— «Знаю: я сотворю чудеса!..»
Но, въ упоръ,
Перешибъ всѣ мозги зарукавный топоръ,
И хвастливый языкъ, и гортань всю по груди...

И бѣжали со страхомъ всѣ вѣчники-люди!

ПѢСНЯ ПРО КНЯГИНЮ УЛЬЯНУ АНДРЕЕВНУ ВЯЗЕМСКУЮ.

—

Посвящается Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Что-летитъ буйный вѣтеръ по берегу;
Что-летитъ и Тверца по-подъ берегомъ, —
Да летитъ она — брызжетъ слезами горючими.

Буйный быструю допрашивалъ:
«Ты по комъ-по-чемъ, лебёдушка,
Встосковалась — закручинилась,
Что слезами разливаешься,
О пороги убиваешься?
Передай тоску мнѣ на̀ руки,
Перекинь мнѣ горе за̀ плечи:
Унесу тоску я за̀ море,
Горе по полю размыкаю.»

Поплыла бѣлой лебедью быстрая,
Повела она рѣчь тихимъ шопотомъ...
Богу вѣсть, что промежь было сказано,
Только взвихрился буйный, разгнѣвался,

Закрутился по чисту-полю
И понесся на сине-море...
Горе онъ размыкалъ по̀ полю,
Да тоски не снесъ онъ за̀ море:
По пути тоска распѣлася.
Въ ночку темную-осеннюю,
Ходитъ вѣтеръ вдоль по улицѣ,
Ходитъ буйный, распѣваючи
Подъ воротами, подъ окнами,
Дѣды старые-бывалые
Перенялп пѣсню буйнаго —
Малымъ внукамъ ее пересказываютъ:
Коль по-сердцу прійдетъ, такъ и слушаютъ.

Было въ городѣ-во-Новомъ во-Торгу,
Объ вечерняхъ, въ самый Духовъ-День, случилося...

Выходили Новоторжане
Изо всѣхъ воротъ на улицу —
Старики — посидѣть на заваленкѣ,
Подъ березками окропленными;
Пошумѣть, погуторить, пображничать.
А старухи-то ихъ ужь и поготово —
Разгулялися и забражничали,
На цвѣтной хороводъ заглядѣвшися:
У иной изъ нихъ горе — невѣстушка
Бѣлошеею лебедью плаваетъ —
И уплыть-неуплыть ей отъ сокола;
У другой дѣвка-дочь подневѣстилась,
Молодою зорницею вспыхиваетъ...
По посаду — народъ, по людямъ — ховородъ:
Что на парняхъ рубашки кумачныя,

Сарафаны на дѣвкахъ строченные,
Да и солнышко-ярышко
Разгорѣлось для праздника:
Пышетъ красное съ полнеба полымемъ
На лѣса, на дубровы дремучія,
На поля, на луга — на поемные,
На Тверцу-рѣку, на́ городъ
На Соборъ-золоченыя маковки,
И на все, что ни есть, православное.
Ай люли-люли! льётся пѣсенка,
Ай люли-люли! хороводная:
Не одно плечо передернуло,
Не одинъ-то взоръ притуманило.
Веселись народъ, коль весна цвѣтётъ,
Коль въ поляхъ красно, въ закромахъ полно,
Коль съ заутрень день подъ росой бѣлѣлъ,
Коль по вечеру вёдро примѣтливо,
Да и ночь не скупится казною Господнею —
Разсыпаетъ съ плеча звѣзды ясныя,
Только жемчугъ окатный съ алмазами крупными
Что по бархату, по небу ка̀тятся.
Веселись народъ, коль Господь даетъ
Князя крѣпкаго, съ вѣча да съ волюшки,
Да просторъ на четыре сторонушки.
А кто крѣпокъ на княженьѣ Юрій Князь,
Крѣпокъ онъ, государь-Святославовичъ [42])
Прогадалъ онъ Смоленскую отчину,
Не умомъ, не мечемъ — Божьей волею,
Прогадалъ во грозу перехожую,
А въ Торжкѣ, подъ Москвой,
Онъ, что дубъ подъ горой,
И грозу поднебесную выстоитъ:

Отъ Татаръ, отъ Литвы отбивается,
Всякимъ дѣломъ мірскимъ управляется:
Держитъ столъ старинною и пошлиной.

Ай люли-люли! льется пѣсенка,
Ай люли-люли! хороводная,
Заплетися–плетень-расплетися, —
Веселися народъ, оглянися —
По землѣ весна переходчива,
Въ небѣ солнышко перемѣнчиво.
Вотъ тускнѣетъ оно, будто къ осени,
Вотъ вѣнецъ–лучи съ себя скинуло.
Вотъ убрусъ, шитый золотомъ, сбросило,
Стало мѣсяцемъ малымъ–сумеречнымъ, —
И рога у него задымилися,
И легла по землѣ тѣнь багровая,
И проглянули звѣзды, что въ полночи...
Испугалися тутъ новоторжане —
Стали вѣче звонить, во весь колоколъ...
А Князь Юрій Смоленскій дослышливый:
Какъ ударили, въ колоколъ, такъ онъ и на̀ площадь.
Шапку снялъ, поклонился очестливо,
И повелъ съ міромъ рѣчь княжецкую:
— «Господа Новоторжане, здравствуйте!
Вотъ Господь насылаетъ намъ знаменье.
Да его убоятся не надобеть:
Убоимся грѣха непрощеннаго...
Воленъ Богъ и во гнѣвѣ, и въ знаменьѣ.
А къ добру, или къ худу — намъ видѣти...
Я с–проста̀ да со глупаго разума,
Смѣю молвить: все такъ и сбывается,
Какъ Самъ Спасъ наказалъ намъ въ Евангеліи:

Въ дни послѣдніе явятся знаменья
Въ небесѣ, — на звѣздахъ и на мѣсяцѣ,
Солнце ясное кровью обрызнется;
Встанетъ взбранно языкъ на языкъ;
Встанутъ царства на царства смятенныя,
Братъ на брата, отецъ пойдетъ на-сына,
И предастъ друга–другъ, пуще ворога,
И пройдетъ по землѣ скорбь великая,
А за тѣмъ, чтобы люди покаялись,
Со честнымъ со крестомъ, да съ молитвою.
Осударь Новый–Торгъ, сами знаете:
По молитвѣ и день занимается,
И красно Божій міръ убирается,
И самъ грѣхъ да бѣда, что на комъ не живетъ,
Покаянной молитвѣ прощается.
Такъ-бы, во время, намъ и покаяться:
Всѣ мы пѣтые, въ церковь пошенные,
Всѣ крещенные, всѣ причащенные,
И казнилъ бы насъ Богъ, православные,
Да не далъ умереть непокаянно!»
Говорилъ Князь, а вѣче помалчивало,
Въ перепугѣ все кверху посматривало:
Глядь — анъ солнце и вспыхнуло полымемъ,
И опять розыгралося по небу.
Вздохнули тутъ всѣ новоторжане,
Словно бремя съ плечъ на земь сбросили.
Загудѣлъ вдоль по городу колоколъ,
Растворилися двери соборныя,
Повалилъ Новый–Торгъ къ дому Божьему,
А впередъ Юрій-Князь — яснымъ соколомъ.
Отслужили молебенъ съ акафистомъ;
Къ иконамъ святымъ приложилися,

И пошли ко дворамъ, словно съ исповѣди.
А съ конемъ Князя Юрія конюхи,
Въ поводу, ужъ давно дожидаются,
И давно удила̀ конь опѣниваетъ.
И ступилъ въ стремя Князь, и поѣхалъ трапезовать
Къ своему другу милому, вѣрному,
Ко служилому Князю, подручному,
Семеону Мстиславичу Вяземскому.

II.

Какъ у Князя-Семеона дворъ-море,
У Мстиславича-свѣта широкое:
Что волной, его травкой подернуло.
Ворота у него и скрипучіе,
Да гостямъ–то ужь больно отворчивы;
Въ огородѣ кусты и колючіе,
Да на ягоду больно оборчивы.
Красенъ дворъ, — краше теремъ узорочьемъ:
Гдѣ вѣнецъ, тамъ отёска дубовая,
Гдѣ покрышка — побивка свинцовая,
Гдѣ угрѣва, тамъ печь изразцовая;
Сѣни новыя понавѣсились,
Не шатаются, не рѣшётятся...
Только краше двора, краше терема
Самъ–отъ онъ Семеонъ-Князь Мстиславовичъ:
Знать рожёно дитя въ пору-вò-время,
Подъ воскресный, заутренній благовѣстъ,
Знать клала его матушка
Въ колыбель багрецовую,
Раскачала родимая
Отъ востока до запада.
Не обнёсъ онъ и нищаго братиной;

Сорокатаго приперъ рогатиной;
У него жеребецъ купленъ дорого —
Головою улуспаго батыря;
У него на цѣпи пёсъ откормленный —
Взятъ щепкомъ изъ подъ суки притравленной.
Красенъ Князь удалой, да не только собой, —
И хозяйкой своей молодой:
Не жила, не была, и красой не цвѣла
Ни царица одна, ни царевна,
Не свѣтила Руси, что звѣзда съ небеси,
Какъ Княгиня Ульяна Андреевна!
Самородна коса, не наёмная,
Свѣтлорусою съ-йзмала кована,
Воронена тогда, какъ подкосье завилося,
Какъ сердечко въ лебяжія груди толкнулося,
Какъ зажглися глаза синимъ яхонтомъ,
Молокомъ палились руки бѣлыя.
Хорошо въ терему Князя Вяземскаго:
Все у мѣста, прилажено, прибрано,
Какъ къ Великому, Свѣтлому празднику;
Вымытъ полъ, ометенъ свѣжимъ вѣникомъ;
Слюда въ окнахъ играетъ на солнышкѣ;
Что ни лавка, то шитый полавочникъ:
Поставецъ серебромъ такъ и ломится;
А въ углу милосердіе Божіе: —
Кипарисный кіотъ рѣзанъ травами;
Колыхаясь лампада подвѣсная,
Огонькомъ по окладамъ посвѣчиваетъ;
А иконы — письма цареградскаго,
Всѣ бурмицкими зернами низаны;
Самоцвѣтные камни на вѣнчикахъ.
Столъ дубовый накрытъ браной скатертью;

За столомъ оба Князя бесѣдуютъ;
На столѣ три стопы золоченыя
Въ первой брага похмѣльная, мартовская,
Во второй—липецъ-медъ, на̀ вѣкъ ставленный,
Въ третьей — фряжское, прямо изъ-за̀-моря;
По̀ стопамъ ужь и чарки подобраны.
А Княгиня Ульяна Андреевна
Подъ окошкомъ стоитъ и красуется,
Зеленымъ своимъ садомъ любуется:
Развернулись въ немъ лапы кленовыя,
Зацвѣли въ немъ цвѣточки мохровые,
Зацвѣли и ало, и лазорево.
Закадили роснымъ, вешнимъ ладаномъ,
На утѣху пѣвунь̀мъ охотливымъ,
Мелкимъ пташкамъ лѣснымъ, перелетливымъ.

Говоритъ Юрій Князь:

«Не управиться:
Больно валитъ Литва окаянная,
Все къ почѝ, неторенной дорогою...
Какъ ни ставь-ты на сторожѣ, за̀годя,
Ужь на что-тебѣ парня проворнаго, —
Такъ и вырѣжетъ, такъ-вотъ и вырѣжетъ,
Что косою снесетъ... какъ-бы справиться?
Аль Москвѣ отписать?.. Охъ!.. не хочется
Всякимъ дѣломъ Василію кланятся.»

Говоритъ ему Вяземскій:

— «Что-же, Князь!
У меня-бы и кони стоялые,
И дружинники въ полѣ бывалые: —
Прикажи, Сударь, мы ужь выручимъ —

Будемъ биться, Осударь, на пропалую,
А Литву не отъучимъ, такъ выучимъ.
Только гдѣ намъ повольнѣ плечо размять?
Подъ Смоленскимъ-ли, аль подъ Опочкою?
Аль ходить, такъ ходить, и коней напоить —
Не Днѣпромъ, не Двиной, а Немигою?
— «Ладно-бы» молвилъ Князь Юрій, задумавшись.
Ладно-бы! чтожь мы и вправду хоронимся? —
Отъ Литвы, что отъ бѣса, сторонимся?»
— Такъ-прикажешь сѣдлать?
Съ Богомъ Князь Семеонъ!
Выпьемъ чарку на путь-на дороженьку.
А сѣбя береги: ты покладливый,
Да ужь больно подъ бердышъ угадливый.

Оба выпили... Тутъ-то — Княгиня Ульяна Андреевна
И подходитъ... кровинки въ лицѣ ея не было.
Молвила: — «Князь Семеонъ, Осударь мой
Мстиславовичъ!
Хоть брани, хоть казни, — правду выскажу:
Боронись отъ обидчика недруга,
Боронися отъ гостя незваного,
Коль идетъ, не спросясь, не сославшися;
Встрѣть бѣду, коли Богъ пашлетъ;
Только самъ, Осударь, за бѣдой, не ходи,
Головы подъ бѣду-подъ топоръ не клади.
А меня ты прости, мой желанный...
Вотъ стучитъ мнѣ, стучитъ словно молотъ въ виски.
Кровь къ путру прилила, и на сердцѣ тиски...
Ты прости меня дуру, для праздника,
Хоть убей, да не ѣзди, ты въ поле наѣздное...
Покачалъ головою Князь Вяземскій,

Княгинѣ шепнулъ что-то на ухо:
Посмотрѣла на образъ, шатнулася,
Слёзы градомъ, что жѣмчугъ, посыпались
И, потупившись, вышла изъ терема.

Лѣто красное; росы студёныя?
Изумрудомъ всѣ листья цвѣчёныя;
По кустамъ, по вѣтвямъ потянулися
Паутинки серебряной проволокой;
Зажелтѣли вдоль тына садоваго
Ноготки, янтаремъ осмоленные;
Покраснѣла давно и смородина;
И кружовникъ обжёгъ себѣ усики;
И наливомъ сквознымъ свѣтитъ яблоко.
А княгиня Ульяна Андреевна
И не смотритъ на лѣто на красное:
Всё по Князѣ своемъ убивается,
Всё голубка, его дожидается.
Видитъ матушка Мавра Терентьевна,
Что ужь больно Княгиня кручинится —
Стала разъ уговаривать... Смѣтлива
И, что сваха, уломлива старая;
Слово къ слову она нижетъ бисеромъ.
А взгляни ей въ глаза — смотритъ вѣдьмою.
Дверью-скрипъ о свѣтлицу княгинину,
Поклонилася въ ноги, заплакала...
«Что съ тобою, Терентьевна?»

— «Матушка,

Свѣтъ-Княгиня, нѣтъ мочушки:
На тебя всё гляжу — надрываюся...
И ростила тебя я, и няньчила,
Такъ ужь правды не скажешь, а скажешься:

Аль тебѣ, моя лебедь хвалынская,
Молодые годки-то прискучили.
Что изводишь свой вѣкъ, словно каженница?
Изъ чего убиваешься попусту?
Ну, уѣхалъ–уѣхалъ — воротится!
Ты покамѣ-то, матушка, смилуйся.
Не слези своихъ глазокъ лазоревыхъ,
Не гони ты зори съ неба яснаго,
Не смывай и румянца–то, плачучи.
Не себѣ порадѣй, людямъ добрымъ.
Вонъ сосѣди ужь что поговариваютъ:
«Богъ суди-де Ульяну Андреевну,
Что съ тобой пасъ она не порадуетъ:
Не видать-де ея ни на улицѣ,
Ни на праздники въ храмѣ Господнiемъ,
А куды мы по ней встосковалися.»
Не гнѣвись, мое красное солнышко,
А ещё пошепчу тебѣ на-ухо...
Онамедни Князь Юрій засылывалъ:
«Не зайдетъ-ли молъ Мавра Терентьевна?»
Согрѣшила-зашла, удосужившись...
И глядитъ-не-глядитъ, закручинился,
Наклонилъ ко сырой землѣ голову,
Да какъ охнетъ, мой соколъ, всей душенькой:
«Охъ, Терентьевна–матушка, выручи!
Наказалъ Новый–Торгъ Спасъ нашъ Милостивый,
А меня пуще всѣхъ, многогрѣшнаго,
Наказалъ не бѣдою наносною,
А живою бѣдою, ходячею —
Во хрущатой камкѣ мелкотравчатой,
Въ жемчугахъ, въ соболяхъ, въ аломъ бархатѣ.
Шла по городу красною зорькою,

Да пришла ко дворцу черной тучею,
А въ ворота ударила бурею.
Не любя, не ласкавши, состарила,
Безъ ума, что младенца, поставила.»
Вотъ-вѣдь-что говорилъ, а я слушаю,
Да сама про себя-то и думаю:
Про кого-это онъ мнѣ такъ пашентываетъ?
Ну, отслушала все, поклонилася,
Да и прочь пошла...»

— «Полно ты, мамушка,
Говоритъ ей Ульяна Андреевна, —
Мнѣ про Князя и слушать тошнехонько:
Не взлюбила его крѣпко-на-крѣпко. —
Словно ворогъ мнѣ сталъ, не глядѣла-бы...»
Разсмѣялася Мавра Терентьевна:
«Ну-ты, сердце мое колыхливое.
Какъ расходишься-ты, расколышешься —
Не унять ни крестомъ, ни молитвою,
Ни досужимъ смѣшкомъ-прибауткою.»

Охъ-ты, ночь моя, ноченька темная,
Молчалива ты, ночь, неповѣдлива,
Не на всякое слово отвѣтлива,
А спросить — разсказала-бы много, утайливая...

Пиръ-горой на дворѣ князя Вяземскаго.
Какъ съ обѣденъ ворота отворены,
Такъ-вотъ настежь и къ ночи оставлены,
И народу набилося всякаго..
Оттого и весь пиръ, что самъ Юрій-князь
На почетъ и привѣтъ щедръ и милостивъ.
Призвалъ стольника княжия Якова,

Говоритъ: «Слушай-ты — не ослушайся!
Я–бы съ князь–Семеономъ Мстиславичемъ
Радъ крестами мѣняться, коль вызволитъ;
А за службу его, за гораздую,
Не токма-что его — дворню жалую ..»
И пожаловалъ бочкою меда залежною,
Что наспду изъ погреба выкатили,
Приказалъ выдать тушу свинины увозную,
Приказалъ отрясти онъ и грушу садовую,
Чтобъ и дѣвкамъ княгини Ульяны Андреевны
Было-чѣмъ вечеркомъ позабавиться;
Да копѣекъ московскихъ серебряныхъ
Въ шапку Якова высыпалъ пригоршню.
Не забылъ даже пса приворотнаго:
Наказалъ накормить его до–сыта.

Пиръ-горой на дворѣ князя Вяземскаго:
Конюхъ Борька подпилъ и шатается, —
Словно руку ему балалайкой оттягиваетъ;
Стольникъ Яковъ не пьянъ — что-то не веселъ;
А ужь Выдру — псаря больно забрало:
Изгибается онъ въ три погибели
Подъ четыре лада балалаечные —
Спирей, фертомъ, татариномъ, селезнемъ,
А Малапья съ Ѳедорою, сѣнныя дѣвушки,
И подплясываютъ, и подманиваютъ...
Да ужь что-тутъ! И Мавра Терентьевна
Не одну стопку лишнюю выпила,
Подгуляла, какъ отроду съ ней не случалося:
Позабыла, что ночь въ подворотню подглядываетъ,
Что пора-бы взойти и въ свѣтлицу княгинину,
И лампадку поправить подъ образомъ,

И постель перестлать, и княгиню раздѣть,
На желѣзный пробой и крючокъ поглядѣть,
Да привѣсить къ двери цѣпь лужёную...

Позабыли и сѣнныя дѣвушки...
А княгиня Ульяна Андреевна
Передъ образомъ молится-молится,
Все земными поклонами, частыми...
Отмолилась она, приподнялася,
Утерла рукавомъ слезы дробныя,
Сѣла къ зеркалу...

Тихо по городу;

Ночь окошко давно занавѣсила;
Только съ задворка хмѣльныя пѣсни доносятся,
Да Буянъ подъ окномъ кость грызетъ и полаиваетъ;
Знать спустили съ цѣпи, да съ двора не пошелъ...
Хоть Княгиня сидитъ передъ зеркаломъ,
А не смотритъ въ него: такъ задумалась...
Вотъ горитъ, оплываетъ свѣча воску ярова,
Вотъ совсѣмъ догараетъ... Очнулася...
Встрепенулася иволгой чуткою,
Повернула головкой, что вспугнутая,
И каптуръ стала скидывать, вслушиваясь;
Да взглянула въ стекло — и сама усмѣхнулася,
Таково хорошо усмѣхнулася,
Что вся сила потемная сгинула,
А за ней отлетѣла и думушка черная...
Засвѣтила княгиня другую свѣчу,
Что была подъ рукою въ венецкомъ подсвѣчникѣ,
Отстегнула жемчужныя запонки —

И забылъ бѣлый кипень плеча изъ подъ ворота...
Турій гребень взяла, расплела, свои косы разсыпчатыя,
Стала ихъ полюбовно разчесывать,
Волосокъ къ волоску подбираючи...

Чу? Буянъ забрехалъ, да и смолкъ: — на своихъ...
Вѣрно мамка и сѣнныя дѣвушки...
Только нѣтъ — не онѣ... Надо-быть на прохожаго...
Тишь. . мышенокъ скребетъ подъ подполицей»..
Клонитъ сонъ .. очи сами слипаются —
И...

Какъ крикнетъ княгиня Ульяна Андреевна :
За плечами стоитъ кто-то въ зеркалѣ! .
Побѣлѣла, какъ холстъ, только всё-жь обернулася :
Юрій-князь на порогѣ стоитъ, шапку скидываетъ
И на образъ Владимірской крестится...

«Что ты, князь?»

— «Доброй ночи, Княгинюшка!
Ужь прости, что не въ пору, не во-время...
Ѣхалъ мимо: ворота отворены;
На дворѣ ни души; сѣни отперты —
Что-молъ такъ? Дай взойду хоть непрошенный...
Извини меня, гостя незваннаго,
Да не бойся: я самъ, а не оборотень.»
Отдохнула княгиня Ульяна Андреевна,
Только пуще того испугалася,
Заломила себѣ руки бѣлыя :
— «Ты ужь, князь, говори не обманывай:
Мужу худо какое случилося?» —
— «Что-ты? Богъ съ тобой! Мужъ здоровёхонекъ

Отъ него и сегодня есть вѣсточка —
Передамъ — хочешь что-ль?»
А глаза такъ и искрятся —
На разстегнутый воротъ уставились...
Поняла наконецъ, догадалася:
Вся зардѣлася, очи потупила,
Вся дрожитъ, а рука, что — свинцовая:
Застегнётъ, либо нѣтъ впору запонку..
А сама говоритъ: — «Благодарствуемъ.
За себя и за мужа я кланяюсь!..
Не тебя мнѣ учить, самъ ты вѣдаешь,
Что бѣда и въ чужую свѣтлицу заглядываетъ,
Да не къ полночи, Князь!.. было-бъ сказано..
Буде словомъ какимъ я обмолвилась,
Мужа нѣтъ, стало-быть, нѣту и разума,
А — что люди у насъ разгулялись, —
По твоей-же, по княжеской милости.»

Шапкой о-земь ударилъ:
— «Послушай-же:
Ты полюбишь, аль нѣтъ насъ, Ульяна Андреевна?
Коль не волей возьму, такъ ужь силою
И въ охабкѣ снесу на перину пуховую.»
Какъ промолвилъ, она развернулася,
И откуда взялся у ней ножъ — Богу вѣдомо,
Только въ грудь не попала князь-Юрію,
А насквозь прошзала ему руку лѣвую...
— «Такъ-то?» — Только и вымолвилъ — вонъ пошелъ...

А по-утру княгиню Ульяну Андреевну
Взяли изъ-дому сыщики княжескіе,
Обобрали весь домъ, гдѣ рука взяла,

А её самое въ порубъ кинули,
Да ужь кстати пришибли Буяна дубиною:
Не пускалъ изъ воротъ ее вынести.

Веселъ князь Семеонъ, веселъ — радошенъ,
Правитъ къ Новому-Торгу по зàлѣсью,
А за нимъ цѣлый станъ на возахъ такъ и тянется:
Всё съ добромъ не нажитымъ, не купленымъ —
Бердышемъ и мечемъ съ поля добытымъ.
Веселъ князь, видно слышалъ пословицу:
Удался-бы паѣздъ, ужь удастся пріѣздъ.
Ой, не правда!.. гляди: изъ-за кустика,
Почитай-что у сàмой околицы,
Двое вышли на путь, на дороженьку...
Видитъ князь: конюхъ Борька и съ Яковомъ-стольникомъ—
Подбѣгаютъ и въ ноги ему поклонилися,
Бьютъ челомъ подъ копытами конскими...
— «Что-вы, что-вы, ребята, рѣхнулися,
Аль бѣжали съ чего нибудь изъ-дому?»
— «Осударь, «молвилъ Яковъ, ужь впрямь что рѣхнулися,
Не гадавъ подъ бѣду подвернулися:
Вѣдь бѣдою у насъ ворота̀ растворилися,
Все отъ матушки Мавры Терентьевны...
Я обухомъ ее и пришибъ, вѣдьму старую
Да повиненъ, что раньше рука не поднялася...»
И разсказывать Князю сталъ на̀-ухо,
Чтобы лишнее ухо не слышало.
Конюхъ Борька ему подговариваетъ:
— «И Буяна ни за̀-что, ни про̀-что ухлопали...»
Закусилъ губы князь—«Ладно!.. Съ версту осталося?..»
— «Меньше, князь — Осударь, тутъ рукой-бы подать.»

Ужь ударилъ-же Князь аргамака острогами —
Вихорь-вихремъ влетѣлъ онъ на дворъ къ князю Юрію;
А ужь тотъ на крыльцѣ дожидается,
Слѣзть съ коня помогаетъ, взялъ за-руку,
Поклонился до самаго пояса, рѣчь повелъ:
— «Такъ-то мнѣ, Семеонъ, ты послуживаешь?
Бабѣ, съ дуру-то, волю далъ эдакую,
Что пыряетъножемъ князя стольнаго!
Ну, спасибо!.. И самъ я за службу пожалую!»
Да какъ хватитъ его засапожникомъ подъ-сердце,
Такъ сноиомъ и свалился князь Вяземскій,
Словно громомъ убило... А Юрій-князь
И не дрогнулъ: глядитъ туча-тучею,
Инда старый за малаго прячется.
Да ужь тутъ-же, съ сердцовъ, повелѣлъ-онъ изъ поруба
И княгиню Ульяну Андреевну выволочь
За ея темно-русую косыньку,
Руки-ноги отсѣчь повелѣлъ ей, безъ жалости,
И въ Тверцѣ утопить... Такъ и сбылося:
Самъ стоялъ и глядѣлъ, словно каменный,
Какъ тонула головка побѣдная,
Какъ Тверца алой кровью багровѣла...

Вѣче цѣлое ахнуло съ ужаса,
Хоть никто не сказалъ даже слова единаго —
Потому: Юрій-князь былъ досужливый,
На противное слово пригрозливый...
Только знать самого совѣсть зазрила:
Съ пѣтухомъ собрался, не сказавшися,
Домъ своею рукою поджёгъ, не жалѣючи,
И сбѣжалъ онъ въ Орду тайно тайною —
И поклона прощальнаго нѣ-было

Съ новымъ-Торгомъ и съ вѣчемъ поклончивымъ.
Ужь догналъ-ли въ Орду, намъ невѣдомо,
А заѣзжіе гости разсказывали,
Что пригналъ подъ Рязанью онъ къ пустынѣ,
Ко Петру–христолюбцу, игумену нѣкоему,
Разболѣлся, да тамъ и преставился,
Въ кельѣ, инокомъ, въ самое Вздвиженье,
На чужой землѣ, а не въ отчинѣ,
Не на княженьѣ, а въ изгнаніи,
Безъ Княгини своей и дѣтей своихъ болѣзныхъ...

Провожали его честно, по-княжески.

Да и мы за его душу грѣшную,
Богу нашему вкупѣ помолимся:
Подаждь, Господи, ради Святой Богородицы,
Правовѣрнымъ князьямъ и княженіе мирное,
Тихо–кроткое и не мятежное,
И не завистное, и не раздорное,
И не раскольное, и безкрамольное,
Чтобы тихо и намъ въ тишинѣ ихъ пожилося!

Что-летитъ буйный вѣтеръ по бѣрегу;
Что-летитъ и Тверца по-подъ берегамъ,
Да летитъ она — брызжетъ слезами горючими...

СПАСИТЕЛЬ.

—

(Болеславу Михайловичу Маркевичу.)

Какъ любилъ Государь, Православный царь,
Алексѣй — Государь — свѣтъ Михайловичъ,
Какъ любилъ Государь — больно жаловалъ
Ту потѣху свою государскую,
Ту охоту свою соколиную;
Да любилъ государь позабавиться —
Заоблавить въ дубровѣ сохатаго,
Аль расправить плечо̀ не податное
И медвѣдя поднять на рогатину...

Вотъ и было къ веснѣ, о Грачевникѣ,
Пріѣзжалъ Государь со боярами
Въ свою отчину, городъ-Звенигородъ —
Помолиться святому Угоднику, —
Въ келью сталъ къ самому настоятелю...
Будетъ — такъ, о полуднѣ на третій день,
Мужичекъ и приходитъ къ келейнику:
«Обошелъ я медвѣдя для батюшки,
Для царя Алексѣя Михайловича,

Тамъ и тамъ: матерой да породливый,
Только царской рукѣ и угодливый.»
Доложили Царю — усмѣхается,
А самимъ съ собой думушку думаетъ:
«Аль пойдти — въ одиночку помѣряться,
Въ молодецкой удачѣ провѣриться?»
И пошелъ... За плечами рогатина,
А у пояса ножъ злотокованный...
И пошелъ монастырскою пущею...
Видитъ — тропка проложена по снѣгу
И промерзлые сучья надломлены —
«Быть сюда!» И пошелъ, не задумавшись,
По тропѣ снѣговой, межь березами.
Что ни шагъ, то нога оступается, —
Въ снѣгъ угодитъ по берцу, а охобень
Заметаетъ сугробы, а шеемъ
Вся бобровая шапка осыпана...

Засвѣтилась полянка... Подъ соснами
Куча хвороста снѣгомъ надавлена,
Бѣлый паръ такъ и вѣлитъ въ отдушины;
Тутъ берлога... И Царь сноровляется:
У рогатины жало осматривалъ,
Поясокъ свой шелковый подтягивалъ.
Съ плечъ спускалъ соболиный свой охобень
И задумалъ загадку мудреную:
«Быть — не быть, а свалить косолапаго...
Не управлюсь — и Русь не управится.
А управлюсь — на вѣки прославится.»

И поднялъ онъ корягу изъ-подъ снѣга,
И ударилъ корягой по хворосту:

И медвѣдь заревѣлъ, — пнда дерево
Надъ берлогой его закачалося, —
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Вылѣзъ вонъ изъ берлоги съ оглядкою,
Дыбомъ сталъ и полѣзъ на охотника,
А полѣзъ — угодилъ на рогатину:
Подъ косматой лопаткою хрустнуло;
Чернобурая шерсть побагровѣла...
Обозлился медвѣдь и рогатину
Перешибъ по-поламъ, словно жердочку,
И подмялъ подъ себя онъ охотника,
И налегъ на него всею тушею.
Не сробѣлъ Государь — руку къ поясу —
Хвать!.. анъ пожъ–то его злотокованный
И сорвался съ цѣпочки серебряной
Воздохнулъ Государь — и въ послѣднее
Осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменьемъ...
Вдругъ скользнула съ плеча его царскаго
Стопудовая лапа медвѣжая;
Разогнулися когти и замерли,
И медвѣдь захрипѣлъ, какъ удавленный,
И свалился онъ на̀ бокъ колодою..
Глянулъ Царь — видитъ старца маститаго...
Ряса пнока; взглядъ благовѣстника;
Въ шуйцѣ крестъ золотой, а десницею
Опустилъ онъ топоръ окровавленный...
Поднялся Государь — пѣту пнока —
Какъ во снѣ приходилъ — и нн кѣмъ-кого
На полянкѣ и между деревьями,
Только звѣрь околѣлый валяется,
И башка у него вся раскроена. —
Постоялъ Государь, — поглядѣлъ кругомъ,

И пошелъ въ монастырь, призадумавшись...
А пришелъ, все сказалъ Настоятелю
И велѣлъ привести чѣстныхъ иноковъ
Передъ очи свои государевы:
Всѣ пришли, а его избавителя
Между чѣстными старцами нѣ было.
Царь и крѣпче того призадумался.
«Помощь свыше, десница Господня!..»
Молвилъ онъ и пошелъ въ церковь Божію.
Тамъ на царское мѣсто, у клироса,
Становился и началъ молитися
Передъ образомъ свѣтлымъ Угодника;
Да какъ глянулъ на ликъ Преподобнаго —
Такъ и палъ на чело свое царское:
Понялъ — кто былъ его избавителемъ.

На другой день, за ранней обѣднею,
Отслужилъ онъ молебенъ Угоднику
И вернулся къ Москвѣ бѣлокаменной.

А вернувшись къ Москвѣ бѣлокаменной,
Ко двору своему златоверхому,
Приходилъ Государь — не откладывалъ,
Въ терема къ государынѣ ласковой,
Что своей ли Натальѣ Кирилловнѣ,
Слёзно съ ней обнимался-здоровался,
И сажалъ Государь, ухмыляючись,
На колѣни меньшого царевича,
Государя Петра Алексѣича —
Целовалъ-миловалъ-приговаривалъ:
«Охъ ты, дитятко, сердце строптивое,
«Спозаранокъ въ тебѣ, мое дитятко,

«Расходилася кровь богатырская —
«На румяныхъ щекахъ заалѣлася,
Въ соколиныхъ очахъ загорѣлася...
«Подростешь-ты, лучится безвременье —
«Разобидятъ завистники-недруги,
«Аль наступятъ на Русь, на кормилицу,
«И пойдешь ты вòйною на вороговъ —
«Не надѣйся на силу могучую,
«А надѣйся на милость Господнюю,
«Да попомни ты слово отцовское:
«Охраняютъ Святые Угодники
«И Господь благодатью пожаловалъ
«Домъ честнòй Пресвятой Богородицы,
«Вседержавную Русь православную.»

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ. *)

—

Сгинь ты, туча-невзгодье ненастное!..
Выглянь, Божіе солнышко-красное!..

—

Вотъ сквозь тучу-то солнце и гляпуло,
Краснымъ золотомъ въ озѐро кàнуло,
Что до сàмаго дна-недостатнаго,
Бѣлъ-горючими камнями стланнаго...
Только вѣдаютъ волны-разбойнички,
Да тонȕлые въ весну покойнички,
Каковò его сердце сердитое,
О пороги и берегъ разбитое?
Вихремъ Лàдога-озеро, бурей обвѣяно,
И волнàми, что хмѣлемъ бродливымъ, засѣяно.
Колыхается Лàдога, все колыхается,
Верстъ па двѣсти—на триста оно разливается,
Со своею со зимнею шубой прощается:
Вòлховъ съ прàваго сняло оно рукава,

*) См. «Полное собраніе лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею. Томъ V.

А на лѣво сама укатилась Нева,
Укатилась съ Ижорой она, на просторѣ,
Погулять на варяжскомъ, родномъ имъ морѣ.
И съ Ижорой въ обгонку несется Нева,
И глядятъ на побѣжку сестеръ острова
И кудрями своими зелеными
Наклоняются по̀ вѣтру въ слѣдъ имъ съ поклонами.
И бѣгутъ онѣ вмѣстѣ, побѣжкою скорою, —
И бѣгутъ въ перегонку — Нева со Ижорою.

—

Али нѣтъ въ Но̀вогоро̀дѣ парней такихъ удалыхъ
Кто-бъ до сѝняго моря не выслѣдилъ ихъ,
Не стоя̀лъ-бы всю ночь до зари на озерной на стражѣ,
Какъ простоялъ не одну, а три ноченьки даже
Ижоря̀нинъ крещенный Пелгусій? Его отъ купели
Прі̀нялъ Князь Александръ Ярославичъ, на Свѣтлой недѣли,
А Владыко Филиппомъ парекъ...

Вотъ стоѝтъ онъ — стоѝтъ
И на устье Ижо̀ры онъ зо̀рко глядитъ.
Ну, и слышитъ онъ, раннею а̀лой зорею:
Зашумѣла Ижора подъ дивной лодьею:
Подъ ло̀дью опрокинулись всѣ небеса;
Надъ лодьею, что крылья, взвились паруса,
И стояли въ лодьѣ двое юношей, въ ризахъ червленыхъ,
Преподобныя руки скрестивъ на могучихъ раменахъ;
На челѣ ихъ, что солнце, сіяли вѣнцы;
И, окутаны мгло̀ю, сидѣли гребцы...
Словно два серафима спустилися съ яснаго неба...
И призналъ въ нихъ Пелгусій Святаго Бориса и Глѣба.
Говорятъ межь собою:

— «На эту на нòчь

Александру, любезному брату, намъ надо помочь!
Похваляются всуе кичливые Шведы,
Что возьмутъ Новгрàдъ: Да не вѣдать невѣрнымъ побѣды:
Ихъ лодьи и ихъ шнèки размечетъ Нева...»

—

И запомнилъ Пелгусій святыя слова.
И пришелъ съ поблѣднѣлымъ отъ ужаса лйкомъ
Къ Александру онъ князю, въ смущеньи великомъ,
И повѣдалъ видѣнье свое онъ въ ночи.
И сказалъ ему князь Александръ:

— «Помолчи!»

—

А была наканунѣ за нòчью у князя Александра бесѣда,
Потому-бы, что въ Новгородъ прйбыли три сановитые шведа,
Три посланника—прямо отъ Мàгнуса, ихъ короля,
И такой ихъ извѣтъ:

«Весь вашъ Новгородъ—òтчая наша земля!..
И теперь ополчаемся мы, королевскою силою:
Али дайте намъ дань, али будетъ вашъ городъ—могилою...
А для стольнаго вашего князя съ дружиною мы пришасли
Тò цѣпей и верёвокъ, что вотъ только-бы шнеки снесли...»

—

— «Ну!.. *Ратмиръ* говоритъ:

«Честь и слава заморской ихъ мочи,
Только мы до цѣпей и верёвокъ небольно охочи!..
Не слыхать, чтобы Нòвгородъ цѣпь перенёсъ!..»

— «На цѣнѣ въ Новѣгородѣ — развѣ-что пёсъ,
Да и то, коли лютъ.» Подсказалъ ему *Миша*.

— «Три корабля трупьемъ своимъ навалища»
Яковъ Ловчій промолвилъ.
— «И Господу Силъ
Слава въ вышнихъ!» отъ юныхъ по имени—*Савва* твердилъ.

А *Збыславъ Якуновичъ*:
«Забыли, что жизнь не купить, не сторгуя.»

А *Гаврило Олексичъ*:
«Да что̀ тутъ! Не хочетъ-ли Магнусъ ихъ!..
. . . . . .
Осударь Александръ Ярославичъ! А спросту
Я по озеру къ нимъ доберуся безъ мосту!!!»

—

Всталъ князь съ лавки—и всѣ позабыли Олексичій мостъ,
Что̀ за станъ, и плечи, и ростъ!..
Знать не даромъ въ Орду его ханы къ себѣ зазывали,
Знать не даромъ-же Кесарь и Шведскій король его братомъ назвали —
Былъ у нихъ — и, съ тѣхъ поръ, королю охладѣло супружнее ложе.
Да и съ Кесаремъ Римскимъ случилося тоже...
А ордынки—у нихъ весь улусъ опалѣлъ...
Только князь Александръ Благовѣрный на нихъ и глядѣть не хотѣлъ.
Да и правду сказать: благолѣпнѣе нѣ было въ мірѣ лица,
Да и нѣ было также ни гдѣ удальца
Супротивъ Александра... Родился онъ — самъ съ себя скинулъ сорочку,

А подросъ, такъ съ медвѣдемъ боролся потомъ въ одиночку,
И коня не сѣдлалъ: безъ сѣдла и узды,
Мчался вихремъ онъ съ нимъ, отъ звѣзды до звѣзды.
Да и вышелъ-же конь: сквозь огонь, черезъ воду,
Князя вынесетъ онъ, не спросившися броду.
А на вѣчѣ-то княжескій голосъ—то сила, то страсть, то мольба,
То—Архангела страшнаго смерти труба...

—

— «Собирайтеся,» молвилъ дружинникамъ князь, «со святой благостынею»
И пошёлъ попроститься съ своей благовѣрной княгинею,
И въ Софійскій соборъ поклониться пошёлъ онъ потомъ,
Воздыхая и плача предъ ликомъ пресвѣтлымъ Софіи, а тоже
Возглашая псаломъ пѣснопѣвца:
— «О, Господи — Боже,
О, Великій и Крѣпкій, и Праведный, насъ со врагомъ разсуди:
И да будетъ твой судъ правовѣрный щитомъ впереди!»

—

Собрались дружинники князя—кто пѣше, кто конно...
Александръ Ярославичъ повѣлъ съ ними речь неуклонно:
— «Други-братья, помянемъ — не кровь и не плоть,
А слова, что: *Не въ силѣ, а въ правдѣ Господь!*»
И дружинники всѣ оградились крестомъ передъ битвою,
И за князь-Александръ-Ярославичемъ двинулись въ поле съ молитвою.

—

Воевода-то шведскій ихъ, Бюргеръ, куда былъ хитёръ:
На сто саженъ кругомъ онъ раскинулъ шатёръ,
И подпёръ его столпнякомъ, глаженнымъ, струженнымъ, точеннымъ,

Сквозь огонь главнымъ рòзмысломъ шведскимъ золòченнымъ.
И пируютъ въ шатрѣ горделиво и весело Шведы,
Новгородскія деньги и гривны считая...
И было бесѣды
За полу̀ночь у нихъ... И рѣшили они межь собой:
Доски бросить на берегъ со шнекъ, потому-что весь бѳрегъ
крутой,
И пристать неудобно, и весь онъ обсѣлся глухими кустами...
Порѣшили—и доски со шнекъ протянули на берегъ мостàми...
Конченъ пиръ: провели Спиридона, епископа ихъ по мосткамъ,
Только Бюргеръ на шнеку безъ по̀мочи, выбрался самъ...
И пора бы: не было бы русской тяжёлой погòни,
Да и князь Александра...
Заржали ретивые кони —
И Гаврило Олексичъ, сквозь тёмныхъ кустовъ,
Сѣрой *рысью* прыгну̀лъ на сшалѣлыхъ враговъ,
И сдер̀жалъ свое слово: добрàлся онъ, съ просту
По доскàмъ, до епископской шнѣки безъ мосту.
И учалъ онъ на право, и лѣво рубить всё и сѣчь,
Словно въ жгучія искры о вражьи шалòмы разсыпался мечъ.
Образумились шведы въ ту по̀ру, и вскорѣ
Сотней рукъ они витязя вмѣстѣ съ конёмъ опрокинули въ море.
Да Гаврило Олексичъ куда былъ силёнъ и строптивъ,
Да и конь его *Воронъ* куда былъ сердитъ и ретивъ...
Окунулися въ море,—да мигомъ на шнекѣ—опять они оба,
И въ обòихъ ключёмъ закипѣла нещадная злоба:
И желѣзной подковой, и тяжкимъ калёнымъ мечёмъ сокрушёнъ,
Утонулъ воевода-епископъ и рыцарь ихъ, самъ Спиридонъ.
А Сбыславъ Якуновичъ, тотъ сѣкъ эту чудь, съ позевкомъ, и
съ плеча̀,
И проѣхалъ сквозь полкъ ихъ, и даже подкладомъ не вытеръ
меча̀. .

Хоть вернулся, къ дружинѣ, весь красный, и спереди онъ, да
и сзади,
И его Александръ похвалилъ молодечества буйнаго рàди..
А Ратмѝръ не вернулся: и только ужь други смогли
Вырвать трупъ для схорòна на лонѣ родимой земли.
— «Три кора́бля трупьемъ своимъ павали́ша!»
Крикнулъ Ловчій у князь-Александра, а Миша,
Стремянной, говоритъ:—«Хоть насли мы заморскихъ гусей ихъ,
насли,
Да гусынь ихъ, любезныхъ трёхъ шпекъ—почитай не спасли,
Балагу́ръ былъ. А Сàвва-то отрокъ досмысленный былъ,
И у Бюргера въ ставкѣ, онъ столпъ золотой подрубилъ
Да и вòроговъ всѣхъ, что попалися подъ руку, тоже
Топоромъ изрубилъ онъ въ капусту...
А князь-то!.. О Господи Бòже!..
Какъ наѣхалъ на Бюргера, ихъ воеводу, любимымъ копёмъ,
Размахнулся съ плеча́, и печать кровяну́ю, булатнымъ копьёмъ,
Положилъ межь бровѐй хвастуну окаянному—шведу...

—

Затрубили рога́ Благовѣрному князь-Александру побѣду,
И со страхомъ бѣжали всѣ шведы, гдѣ су́шью, а гдѣ по водѣ;
Но настигла ихъ быстро Господняя кàра вездѣ:
Ужь не князь Александръ ихъ настигъ со своей удало́ю дружиной,
А другой Судія на крамольниковъ, вѣчно-Единый...

—

И вали́лися шведы, валежникомъ хрупкимъ, со смертной тревогой
Убѣгая отъ Божіей страшной грозы ни путёмъ, ни дорогой:
По лѣсамъ и оврагамъ костями они полегли,
Тамъ, гдѣ даже дружинники князя за ними пого́ней не шли...

На зорѣ, крѣпкой тайной, съ дружиною близился князь
Къ Новугóроду; только была имъ нежданная встрѣча:
Застопалъ благовѣстникъ, и громкіе крики раздàлися съ вѣче,
И по Волхову къ Князю молебная пѣснь донеслась,
И въ посадѣ встрѣчали съ цвѣтами его Новгородки —
И Княгиня, и красныя дѣвки, и всѣ молодыя – молодки,
Въ сарафанахъ цвѣтныхъ и въ жемчужныхъ повязкахъ, и съ лентой въ косѣ.
И бросались онѣ на колѣни предъ княземъ возлюбленнымъ всѣ,
А епископъ и клиръ ужь стояли давно предъ Софійскимъ соборомъ,
И ужь пѣли молебенъ напутственный, князю съ дружиною хоромъ,
И успѣлъ по поднѣбесью вѣтеръ развѣять побѣдную вѣсть:
— «*Князю Невскому* слàва, съ дружиной, и многія-лѣта, и честь!»

—

Много лѣтъ прòжилъ Князь - Александръ... Не бывало на свѣтѣ
Преподобнаго князя мудрѣе — въ мирѣ, и въ войнѣ, и въ совѣтѣ,
И хоругвью Божьею онъ осѣнялъ княженецкій свой санъ;
А затѣмъ и пословъ ему слáли и кесарь, и пàпа, и ханъ,
И на письмахъ съ нимъ крѣпко любовь и согласье они заручали;
А король шведскій Магнусъ, потомкамъ своимъ завѣщалъ,
Чтобъ никто ополчаться на Русь, на Свѣтую, изъ нихъ не дерзалъ...
Да и князь-бы отъ міру со Шведомъ не прочь... Только гòды уплыли. —
И представился Князь...
И рыдали, рыдали, рыдали

Надъ усопшимъ и старицы, и малыя дѣти, съ великой печали,
Въ Новѣгородѣ... Господи! Кто-же тогда-бы зеницъ
Въ княжій гробъ не сронилъ изъ подъ слёзныхъ рѣсницъ?

—

Князь представился...
Лѣтопись молвитъ: — «Почилъ безъ страданья и муки,
И безгрѣшную дȕшу онъ ангеламъ пѐредалъ въ свѣтлыя рȕки.
А когда отпѣвали его, въ несказанной печали – тоскѣ,
Вся святая жизнь князя въ очью̀ предъ людьми объявилась,
Потому что, для грамоты смертной, у Князя десница раскрылась,
И поймѝ душевную грамоту крѣпко онъ держитъ въ рукѣ!»

—

И почіетъ нашъ князь Александръ – Благовѣрный надъ сѝней Невою,
И поютъ ему вѣчную память волна̀ за волно̀ю,
И поютъ память вѣчную всѣ поберѐжья ему...
Да душевную грамоту онъ передастъ-ли кому?
Передастъ! И крестомъ осѣнилъ чьи-то мощныя плечи,
И прійдётся кому-то услышать святыя, загробныя речи!..

—

Сгинь-ты туча — невзгодье ненастное!
Выглянь, Божіе солнышко красное!..

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Этотъ разсказъ заимствованъ изъ старой французской хроники.

Дѣйствіе происходитъ около 1623 года, въ замкѣ *Божэ* и въ городкѣ того-же имени. Городокъ лежитъ въ Ардіэрской долинѣ, между двухъ горъ; онъ прорѣзанъ небольшимъ горнымъ потокомъ.

Замокъ Божэ выстроенъ былъ въ X-мъ столѣтіи, однимъ изъ древнѣйшихъ французскихъ бароновъ, Берардомъ Божолэ, Beaujolais.

Въ началѣ XII-го столѣтія, владѣльцемъ стараго замка былъ Гумбергъ IV-й, извѣстный своимъ жестокимъ обращеніемъ съ вассалами. Любопытны свидѣтельства хроники о распоряженіяхъ достопочтеннаго барона. Напримѣръ: онъ предоставлялъ мужьямъ право бить своихъ женъ до крови, съ тѣмъ однакоже, чтобы отъ побоевъ не воспослѣдовала смертъ; дозволялъ поселянамъ ходить на чужія нивы, безъ спроса жать и вязать снопы, а — въ награду за трудъ — брать себѣ десятый колосъ; и т. д.

Въ 1640-хъ годахъ обитала въ замкѣ дочь Людовика XI-го Анна Французская, регентша во время малолѣтства Карла VIII-го. Она была замужемъ за сиромъ Пьерромъ-Бурбономъ де-Божэ.

Вмѣстѣ съ своимъ супругомъ, она сдѣлала нѣсколько пристроекъ къ замку, роскошно убрала комнаты и разбила великолѣпные сады.

Въ первую революцію замокъ Божэ, какъ народное достояніе, былъ проданъ съ молотка: купившій его промышленникъ сломалъ старое зданіе и перепродалъ его на свозъ.

Въ настоящее время отъ замка уцѣлѣли кой-гдѣ развалины.

Вообще, замокъ Божэ по словамъ хроники, не богатъ воспоминаніями о выдержанныхъ имъ осадахъ, или о посѣщеніяхъ знаменитыхъ лицъ; по извѣстенъ страннымъ, чудеснымъ происшествіемъ съ одной изъ его владѣтельницъ; происшествіе это въ свое время изумило всю Европу.

Оно-то и служитъ основой предлагаемаго разсказа.

[2]) Въ 1840-мъ году, мнѣ довелось встрѣтить у его превосходительства Дмитрія Богдановича Броневскаго, бывшаго директора Императорскаго Царскосельскаго Лицея, — стараго сибирскаго казака Ивана Андреева... прозвище его я позабылъ. Пришелъ онъ изъ Сибири пѣшкомъ — взглянуть на Питеръ и просить, чтобы *всѣхъ* его трёхъ сыновей приняли на службу царскую. Онъ разсказалъ мнѣ двѣ сказки: первая, о «*Маринкѣ Калайдайшнѣ*,» представляетъ незначительныя измѣненія извѣстнаго народнаго разсказа, вторая, безъ заглавія, передается здѣсь. Отъ меня, черезъ третьи руки, досталась она г. Шевыреву и занесена имъ въ «*Чтенія о русской словесности*» а потомъ разбита г. Вельтманомъ на стихи, — и напечатана въ *Москвитянинѣ* 1849 года. Въ обоихъ случаяхъ она подверглась нѣкоторымъ поправкамъ, конечно вѣроятнымъ и умѣстнымъ. Печатаю её, какъ записалъ, со всѣми анахронизмами, со всѣми *переводами* голоса стараго раскащика.

Этотъ смѣлый вымыселъ, — выраженіе богатырской самоувѣренности русскаго народа, — долженъ быть переданъ во всеуслышаніе.

Сказка кой-гдѣ искажена временемъ и обстоятельствами, но сложена *очень давно*. Доказательства на лицо.

[3]) Древняя рукопись «Слово о полку Игоря», хранившаяся въ библіотекѣ Графа Мусина-Пушкина, утрачена въ 1812 году; но несомнѣнность ея былаго существованія доказывается: во 1-хъ, изданіемъ въ 1804 году самимъ графомъ подлиннаго текста и перевода *Слово*, во 2-хъ, непреложнымъ свидѣтельствомъ лицъ, видѣвшихъ подлинникъ. Съ 1804 года появилось въ свѣтъ до 18 изданій *Слова*, съ переводами на русскій и иностранные языки. Укажемъ на труды Гг. *Шишкова*, *Ножарскаго*, *Граматина*, *Снегирева*, *Сахарова*, *Вельтмана*, *Деларю*, *Дубенскаго*, *Максимовича*, *Головина*, *Минаева и Гербеля*.

«Слово о полку Игоря» находило столько защитниковъ и противниковъ, возбуждало столько давнорѣшенныхъ вопросовъ, что я считаю лишнимъ утруждать вниманіе читателей напоминовеніемъ тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны *за* и *противъ* этого драгоцѣннаго отзвука былой русской рѣчи. Ограничусь приведеніемъ словъ Н. М. Карамзина.

« Слово о полку Игоревѣ сочинено въ XII-мъ вѣкѣ, и, безъ «сомнѣнія, мірянином... Вѣроятно, что оно, въ разсужденіи «слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ «Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей...» Предлагая содержаніе «*Слова*» «и мѣста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о «вкусѣ піитическомъ языкѣ нашихъ предковъ», Карамзинъ заключаетъ: «Читатель видитъ, что сіе произведеніе древности «ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго «и смѣлыми уподобленіями, свойственными стихотворцу юныхъ «народовъ.» Этотъ приговоръ незабвеннаго нашего исторіографа вполнѣ подтверждается изысканіями Гг. Максимовича, Погодина, Снегирева и Дубенскаго. По мнѣнію Г. Погодина, сочинитель «Слова» былъ лицомъ, участвовавшимъ въ походѣ Игоря, а по мнѣнію Г. Дубенскаго, писалъ «*Слово*» для Кіевскаго Князя

Святослава: доказательствомъ перваго мнѣнія служатъ подробности описываемаго происшествія, доказательствомъ втораго — собственныя слова пѣвца, который называетъ себя «*Святославлемъ пѣснотворцемъ*».

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о моемъ переводѣ.

Изучая «*Слово*», я убѣдился въ близкомъ сродствѣ его съ нашими народными сказками и пѣснями; тотъ-же складъ рѣчи, тотъ-же напѣвъ. Естественно, что подобное убѣжденіе породило мысль о возможности уложить «Слово о полку Игоря» въ народный сказочный размѣръ, и я рѣшился на эту попытку.

Сдѣлавъ при началѣ незначительное отступленіе отъ подлинника, я строго держался его до самаго конца; но, проходя нѣкоторыя темныя мѣста *Слова* ощупью, заранѣе приношу извиненіе въ томъ, что перетолковалъ ихъ по своему, и — можетъ быть — неправильно. При переводѣ я старался употреблять выраженія или существующія, или былыя, но близко-знакомыя Русскому уху.

Представляя теперь мой переводъ на судъ просвѣщенной публики, я прошу благосклонныхъ читателей считать мой трудъ не болѣе какъ слабымъ опытомъ — передать стародавнюю народную рѣчь — современной народной рѣчью, пересказать правнукамъ завѣтное *Слово* Пращуровъ.

[4]) Сочинитель *Слова* выбралъ предметомъ своего повѣствованія одинъ изъ походовъ Русскихъ Князей на Половцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ юго-восточной Руси. Въ 1185 году, въ княженіе Всеволода Георгіевича во Владимірѣ и Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ, племянники Святослава Кіевскаго, Сѣверскіе Князья Игорь и Всеволодъ Святославичи «всѣли на конь» и повели свои дружины къ Дону, на Половцевъ. Игорь княжилъ въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, Всеволодъ въ Трубчевскѣ. Вотъ какъ начинаетъ лѣтопись описаніе этого похода: «Игорь же, возрѣвъ на небо и видѣ солнце, стояще, яко мѣсяцъ, и рече боярамъ

своимъ: — Братіе и дружино! Тайны Божія никто-жь не вѣсть, а знаменію творецъ Богъ и міру своему, а намъ что есть Богъ, на добро или на наше зло, а тоже намъ видѣти!» Не слушая совѣтовъ своихъ Бояръ, говорившихъ: «Князь! непріятели многочислены; удалимся: теперь не на наше время». Игорь смѣло шелъ впередъ, въ первой-же схваткѣ съ Половцами разбилъ ихъ на́ голову и овладѣлъ богатымъ ихъ станомъ. Но «разбитые Половцы,» «говоритъ Карамзинъ, соединившись съ новыми толпами, отрѣзали Россіянъ отъ воды, и въ ожиданіи еще большей помощи, не хотѣли сразиться копьями, три дня дѣйствуя однѣми стрѣлами.» Два дня пробивались смѣлые Князья сквозь многочисленныя полчища враговъ, но «третьяго дня къ полудню надоѣ стязи Игоревы», и самъ онъ былъ отведенъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, братомъ и племянниками. Усердіе коюшаго и одного Половчина, по имени Овлура, помогли Игорю освободиться изъ продолжительной неволи, и онъ ускакалъ ночью изъ половецкаго стана. Черезъ 11 дней уже былъ въ русскомъ городѣ Донцѣ. Половцы, по мнѣнію Карамзина, были единоплеменны съ Печенѣгами и съ нынѣшними Киргизами; извѣстно, что кочевья ихъ были разсѣяны по степямъ Волги и Дона и по сѣвернымъ прибрежьямъ Чернаго моря.

[5]) Романъ Свѣтославичъ, внукъ Ярослава Великаго, княжилъ въ Тмутаракани въ 1100 годахъ.

[6]) Слова: «воленъ Богъ въ небесномъ знаменьѣ», взяты мною изъ вышеприведеннаго отрыка лѣтописи.

[7]) Подлинныя слова: «Спала Князю умъ похоти и жалость ему: знаменіе заступи искусити Дону великаго». Мнѣ кажется, что *спала* одного корня съ *опалою*, съ *пыломъ* и значила — пылкость; слова: *опалився*, *спалився*, часто встрѣчаются въ лѣтописяхъ: *Опалився Великій Князь на Псковичъ* (Пск. Лѣт.) Припомнимъ еще польское слово — Zapal. И такъ, если

мы примемъ слова *спала* за существительное, смыслъ рѣчи будетъ такой: пылкость овладѣла умомъ Князя и жаль ему, что знаменіе препятствуетъ—*искусите Дону великаго. Заступи* прошедшее время отъ глагола заступать. Въ подлинникѣ сказано далѣе: «Солнце ему тьмою путь заступаше». *Похоти* прошедшее время отъ неизвѣстнаго глагола, на который указываетъ Малороссійскій *сховать*, спрятать, прикрыть, схватить, *похитить*.

[8]) О, *Русская земля! уже за Шеломянемъ еси. Шелом*я могло быть названіемъ какого-нибудь урочища; но мнѣ кажется, что *шелом*я означаетъ цѣпь холмовъ: шеломъ и холмъ одного корня, какъ Скандинавскіе holm helm. У насъ употребляется въ нѣкоторыхъ губерніяхъ слово *холмевина*, которымъ ближе всего перевести *шелом*я.

[9]) *Кончакъ* и *Гзакъ* — имена Половецкихъ Хановъ. На Кончаковой дочери женился въ послѣдствіи сынъ Игоря Владиміръ.

[10]) *Стрибогъ*, извѣстный и Нестору, былъ, кажется, словенскимъ богомъ погоды.

[11]) Слово *пороси* употребляется донынѣ въ южныхъ губерніяхъ и означаетъ туманы, поднимающіеся по утру изъ росы. Производство его ясно: *по рось*.

[12]) Въ подлинникѣ: *своя милыя хоти*. *Хоть* значитъ жена, хозяйка; я произвожу его отъ глагола хотѣть, желать, и полагаю, что *хоть* ближе всего передается нынѣшнимъ словомъ: *желанная*. Глѣбовна, — дочь Рязанскаго Князя Глѣба.

[13]) Олегъ Святославичъ, внукъ Ярослава Великаго. Не имѣя удѣла, Олегъ ушелъ къ своему брату Роману, въ Тмутаракань, и, вмѣстѣ съ находившимся тамъ Борисомъ Вячеславичемъ и нанятыми Половцами, ходилъ на своего дядю Всеволода Черниговскаго.

[14]). Владиміръ Мономахъ.

[15]) Изгнанный Олегомъ, Всеволодъ ушелъ къ Изяславу въ Кіевъ: Великій Князь обѣщалъ брату *положить за него голову*, собралъ многочисленную дружину и пошелъ на племянниковъ. Олегъ уклонялся отъ неравной битвы, но пылкій Борисъ хотѣлъ сражаться одинъ, сразился съ Изяславомъ около Чернигова и палъ на мѣстѣ битвы. Слова: *за обиду Олегову*, выражаютъ, можетъ быть, что Борисъ обидѣлъ Олега, не послушавшись его совѣтовъ. Борисъ Вячеславичъ, по мнѣнію Карамзина, былъ сыномъ Вячеслава и дочери Штадскаго графа *Оды*, воспитывался нѣсколько лѣтъ въ Саксоніи, какъ видно по нѣмецкимъ лѣтописямъ, а въ Несторовой лѣтописи встрѣчается только съ 1077 года, когда, овладѣвъ, въ отсутствіе Всеволода, Черниговымъ, не удержался въ этомъ городѣ и убѣжалъ къ Тмутараканскому Князю.

[16]) Великій Князь Изяславъ сдержалъ данное Всеволоду слово и *положилъ за него голову* въ битвѣ съ Олегомъ. По словамъ пѣвца Игорева, Святополкъ поднялъ трупъ отца и отвезъ въ Кіевъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что битва происходила не на Каялѣ, а не далеко отъ Чернигова; но, можетъ, быть, Изяславъ преслѣдовалъ бѣгущаго Олега до Каялы и погибъ на берегахъ этой рѣки. Каяла — Кагальникъ, впадающій въ Донъ.

[17]) и [18]) Въ 1184 году Святославъ Всеволодовичъ Кіевскій Владиміръ Переяславскій, Глѣбъ Туровскій и другіе князья ходили на Половцевъ. Разбивъ непріятеля, князья привели въ Кіевъ множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ вѣроятно былъ и упоминаемый въ «*Словѣ*» *Кобякъ*. Въ этомъ-же походѣ Князья разбили половецкаго Хана Кончака, съ которымъ былъ *Бесермининъ, стрѣлявшій живымъ огнемъ*. Вотъ и объясненіе пламенныхъ ро овъ. Карна и Жля — половецкіе Ханы

[19]) *Кощей* значитъ отрокъ княжеской дружины.

[20]) Въ подлинникѣ: *поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю*. Первое слово — вѣроятно — собственное имя Хана; второе названіе половецкаго города, разорённаго русскими Князьями.

[21]) Игорь и Всеволодъ, готовясь въ походъ на Половцевъ, взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго вспомогательную дружину *Ковуевъ*, по мнѣнію Карамзина, единоплеменныхъ съ *Черными Клобуками*. Не подраздѣленія-ли этихъ *Ковуевъ* составляли упоминаемые въ *Словѣ Могуты*, *Татраны*, *Шельбиры*, и проч?

[22]) Всеволодъ Георгіевичъ Владимирскій, сынъ Георгія Долгорукаго.

[23]) Въ подлинникѣ, *чага* и *кощей*. *Чага* значитъ невольница, а значеніе *кощея* объяснено выше.

[24]) Сыновья Глѣба Рязанскаго. Въ подлинникѣ: *Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы*. *Шереширъ* я перевожу *шершеромъ*, или *шершссеромъ* (рыба cyprinus jeses). Эта рыба принадлѣжитъ къ роду карпій и дѣлаетъ надъ водою огромные скачки, *стрѣляетъ по водѣ*, какъ выражаются рыбаки. Пѣвецъ Игоря, любящій сравненія, могъ уподобить сыновей Глѣба *шерешперамъ*. Это предположеніе подверждается словами: *по суху*.

[25]) Давыдъ и Рюрикъ сыновья Великаго Князя Ростислава Мстиславича.

[26]) Ярославъ Владимировичъ Галицкій!

[27]) Романъ Мстиславичъ Волынскій и Мстиславъ Ярославичъ Луцкій.

[28]) Ингварь и Всеволодъ Луцкіе, братья Мстислава Ярославича. Мстиславичами они названы по прадѣду Мстиславу Великому.

[29]) Изяславъ сынъ Василько Рогволодовича Полоцкаго, со-

славнаго Великимъ Княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ въ Грецію (въ 1129 г.), и возвратившагося въ Россію въ 1137 году. Изяславъ погибъ въ схваткѣ съ Литовцами.

[30]) Ярославъ Полоцкій, внукъ или правнукъ Всеслава Брячиславича Полоцкаго. Сочинитель намекаетъ, что Полоцкіе Князья первые призвали на помощь Половцевъ въ 1128 году.

[31], [32], [33]) Всеславъ Брячиславичъ, Князь Полоцкій, внукъ Изяслава и правнукъ Рогнѣды, въ 1097 г. овладѣлъ Новгородомъ. Великій Князь Изяславъ и его братья, Всеволодъ и Святославъ, соединенными силами пошли на Всеслава, разбили его на берегахъ Нѣмена, плѣнили и отвезли въ Кіевъ. Въ 1068 году Великій Князь и его братья были побѣждены Половцами, и Кіевляне, недовольные Княземъ, взбунтовались и освободили Всеслава изъ темницы. Слова подлинника: *Тъй клюками подпрѣся окони*, по моему мнѣнію, указываютъ на способъ освобожденія Всеслава: ему подали ходули, *клюки*, и онъ выпрыгнулъ изъ окна. Это подтверждается словами лѣтописца, который разсказываетъ, что бояре Изяславовы, во время Кіевскаго мятежа, совѣтовали Князю подозвать Всеслава къ окну темницы и убить стрѣлой. Изгнанный изъ Кіева, Изяславъ убѣжалъ къ польскому королю Болеславу II–му, который принялъ изгнанника, обѣщался ему помочь, и дѣйствительно пошелъ съ войскомъ на Кіевъ. Всеславъ, стоявшій станомъ подъ Бѣлгородомъ, не рѣшился вступить въ битву и ускакалъ ночью въ свою отчину. Слова подлинника: *воззни стрикусы* я перевожу *таранами*. *Не мига*— рѣка Нѣменъ. *Дудутки* — названье неизвѣстнаго мнѣ урочища.

[34]) Слова подлинника: *до курь Тмутараканя* полагаю возможнымъ перевести *Тмутараканскими «курепями»*, словомъ, пришедшимъ къ намъ съ того же юга, гдѣ была и Тмутаракань. *Хорсъ*, по Нестору, одинъ изъ славянскихъ боговъ.

[35]) Въ подлинникѣ сказано: *сего-бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а другіе Давидовы; нъ розн нося имъ хоботы пашутъ*. Я перевожу эти слова такъ: *знамена его* (Владимира) *отошли — одни къ Рюрику, другія — къ Давыдову: но у нихъ они развѣваются хвостами порознь. «Розн нося имъ хоботы» — Розн* слѣдуетъ соединить съ *но* — т. е. *розно* — розно. *Ся имъ хоботы пашутъ*, — третье лицо множ. ч. наст. времени отъ глагола пахнуть. Вѣтеръ пашетъ и т. д. *Хоботъ* — хвостъ. Полотна знамёнъ могли такъ называться.

[36]) Дочь Ярослава Владимирковича Галицкаго, супруга Игоря.

[37]) *Овлуръ* или *Лаверъ* — Половчинъ, способствовавшій бѣгству Игоря.

[38]) Ростиславъ, сынъ Всеволода Ярославича, во время схватки съ Половцами близъ Триполя, въ 1093 г., утонулъ въ Стугнѣ; тѣло несчастнаго юноши было принесено къ его матери.

[39]) Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Дубенскаго, я перевожу *иходы — концомъ*, и считаю это слово опискою: здѣсь должно быть — *исходы*. Смыслъ рѣчи будетъ такой: *Боянъ сказалъ конечное присловье* (*исходы*) на (пѣснь) *Святославова пѣснотворца*, (пѣснотворца) *стараго времени: Ярославова, Олегова и Кагановой супруги*, (*хоти*). Кто это: супруга Св. Владимира Анна, или Св. Ольга? неизвѣстно. Владимиру придавали хазарское титло Кагана; могли такъ называть и Игоря.

[40]) Боричевъ взвозъ, по Нестору, былъ въ Кіевѣ. Храмъ *Пирогощей* Богородицы былъ заложенъ В. К. Мстиславомъ Изяславичемъ въ 1131 году.

[41]) Владимиръ Игоревичъ—сынъ Игоря Святославича. Онъ оставался еще нѣсколько времени послѣ отца въ плѣну у Половцевъ, и женился въ послѣдствіи на дочери Половецкаго Хана *Кончака*.

Вотъ тѣ примѣчанія, которыя я счелъ нужнымъ сдѣлать къ моему переводу. Болѣе подробныя—филологическія и историческія объясненія читатели найдутъ въ прежнихъ переводахъ *Слова*.

[42]) Подобное описаніе событія этой поэмы встрѣчается въ такъ называемомъ Русскомъ Временникѣ, подъ заглавіемъ: «О нашествіи злочестиваго царя Батыя на Русскую землю повѣсть умильна!»

«Глаголю-же безбожнаго Батыя нашествіе на русскую землю, еже бысть въ лѣто 6745. Сей убо безбожный, молніина стрѣла, съ безчисленнымъ множествомъ Агарянъ, безвѣстно пріиде лѣсомъ въ 12-е лѣто по принесеніи чудотворнаго образа Николина изъ Корсуни. И ста на рѣкѣ на Воронѣжи, на Опозѣ, и взя ея плѣномъ, присла послы бездѣльные, жену чародейцу, и съ нею два мужа на Рязань къ великому князю Георгію Ингоревичу Рязанскому, и къ прочимъ князьямъ Муромскимъ, и Пронскимъ, просяше у нихъ десятины во всѣхъ князѣхъ и во всякихъ людѣхъ, и животѣхъ и въ скотѣхъ, и во всемъ. И услыша сіе в. кн. Георг. Ингоровичъ, и вскорѣ посла во градъ Владимеръ къ в. кн. Георг. Всев. Владимерскому, да пойдетъ съ нимъ противу безбожныхъ Агарянъ; онъ же самъ не пойде, и силы не посла: занеже страхъ нападе и трепетъ на всѣхъ человѣкъ, являя Божій гнѣвъ. Сего ради поглощена бысть премудрость строита разныя дѣла, и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишась. И сего ради ни единъ же отъ князь. Русскихъ не пойде другъ другу на помощь, ни совокупившася вси, ни пойдоша противу безбожныхъ; но вдашася въ совѣтъ суетенъ, мысляще койждъ о себѣ рать составити о Безбожніи не имуще многихъ сопротивникъ себѣ, и на коегожд. отечество находяще, грады пріимаху, и князи и люди мечу и огню предаваху. Услышавъ в. к. Георгій Ингоровичъ, что нѣтъ ему помощи отъ в. к. Георг. Всев. Владим. и вскорѣ посла по братію свою, по князя Давида Ингоревича Муромскаго, и по к. Глѣба Ингор. Коломенскаго и по Всев. Пронскаго, и по прочія князи и по князь Олега Краснаго. И начаша совѣщавати,

яко нечестиваго подобаетъ дары утоляти. И посла сына своего к. Ѳеодора Георгіевича къ нечестивому царю Батыю съ дары и съ великимъ моленіемъ, дабы не воевалъ Ряз. земли. Князь-же Ѳеодоръ прінде къ Батыю на Воронежъ съ дары и моленіемъ, дабы не воевалъ Ряз. земли: безбожный же царь Батый льстивъ и немилостивъ дары прія, и охабися лестію, что не воевати Ряз–ія земли, и ярясь и хвалясь воевати *Русс.* землю. И нача просити у Ряз. князей дщерей и сестеръ себѣ на ложе. И нѣкій отъ вельможъ Рязанскихъ завистію *насочи* безбожному царю Батыю на кн. Ѳеод. Ингоревича Рязанскаго, яко имѣетъ у себя княгиню отъ царскаго рода, а лѣпотою красна зѣло: царь-же Батые, лукавъ сый и немилосердъ, въ невѣріи своемъ порѣваемъ и въ похоти плоти. И рече к. Ѳ. Г—чу: даждь ми, княже, видѣти жены твоея красоты? Благовѣрный-же к. Ѳеодоръ посмѣявся и рече: неподобно есть хрістіяномъ къ тебѣ, нечестивому царю водити жены своя на блудъ: аще преодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши. Безбожный же царь Батый разъярився, и повелѣ благовѣрнаго к. Ѳеод. Гер—ча убити вскорѣ, и иныхъ многихъ.

По нѣколицѣхъ же днехъ убіенія его, благовѣрная княгиня его Евпраксія стояше въ превысоцемъ храмѣ своемъ, и держаще на своихъ бѣлыхъ рукахъ любезное чадо свое князя Ивана Ѳедоровича Постника, и поглядающи ласковаго и любезнаго своего супруга, благовѣрнаго князя Ѳеодора Геор–ча, да видитъ его въ радости, когда пріндетъ отъ нечестиваго царя Батыя. И абіе вмѣсто радости услыша таковыя смертоносныя глаголы, яко сожитель ея, благовѣрный князь Ѳедоръ Герг-чъ, любви ея ради и красоты, отъ Батыя убіенъ бысть. И абіе наполнися слезъ и горести и ринуся изъ превысокаго храма своего, и съ сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ на среду земли, и заразися до смерти. И оттолѣ прозвася мѣсто то заразъ: занеже заразися ту княгиня Евпраксія съ сыномъ своимъ.

Слышавъ-же к. в. Георгій Ингоревичъ убіеніе возлюбленнаго сына своего к. Ѳедора и другихъ князей, и нарочитыхъ людей многое побіеніе отъ нечестиваго Батыя, и начаша плакатися жалостно съ великою княгинею, и съ братію своею и съ прочими тѣми князи совокупляти войско. И учредиша полки, и рече къ братіи своей: Господія моя милыя братія! Аще благая пріяхомъ отъ руки Господня, то злыхъ-ли не потерпимъ? Лучше намъ смертію животъ купити, нежели въ поганой вѣрѣ быти. Се убо братъ вашъ напередъ васъ испивъ чашу смертную за святыя Божія церкви и за вѣру христіанскую, а за свое отечество. И пойдоша въ соборную церковь Успенія пресвятыя Богородицы, молящеся со слезами. И даде послѣднее цѣлованіе княгинѣ Агрипинѣ Ростиславичѣ. И пріимъ благословеніе отъ Епископа, и отъ всего священнаго собора. И поидоша противъ нечестиваго царя Батыя. И срѣтоша его близъ предѣлъ Рязанскихъ... И нападоша на погапыхъ, и начаша битися крѣпко и мужественно. И бысть сѣча ужасна, и многіи Батыевы сильніи полцы падоша. Но обаче Батыевѣ силѣ величѣ суща зѣло, яко единому Рязанцу битися со стѣмъ татариновъ; и побіено бысть рязанское воинство, и благовѣрный великій князь Георгій Ингоревичь, и братія его, кн. Давидъ Муромскій, и князь Глѣбъ Коломенскій и князь Всеволодъ Пронскій иныя князи и мѣстныя воеводы, и вси удальцы рязанскіе, вси купно умроша, и ни единъ отъ нихъ вспять возратися; единаго князя Ольга краснаго жива яша, изнемогающа отъ великихъ ранъ. Видѣвъ-же его царь Батый красна вельми, и хотя его врачевати, и на свою прелесть возвратити: Князь-же Олегъ Ингоровичь парече его безбожна, и врага христіанскаго; окаянный-жъ Батый разъярився и повелѣ вскорѣ князя Ольга пожи на части разняти. И видѣ силы своя многое побіеніе, и разгнѣвася зѣло, и нача рязанскую землю воевати, и повелѣ бити и сещи и жещи безъ милости и градъ Пронескъ и Бѣлградъ и Ижеславецъ разори до основанія, и вся люди безъ милости изсѣкоша. И течеше

кровь христіанска яко рѣка сильная за грѣхи наши. И пойдоша ко граду Рязани, и обступиша градъ и начаша битися неотступно пять дней, Батыево воинство премѣняющеся, а граждане истомишася и многіи побіены быша и ранены. А въ шестый день рано пріидоша поганіи ко граду овіи со огни, а иніи съ топоры, а иніи съ пороки, и съ токмачи, и съ лѣствицами: и взяша градъ Рязань мѣсяца декабря въ 21 день; и пріидоша въ соборную церковь пресвятыя Богородицы; и великую княгиню Агрипину, матерь великаго князя и со снохами и съ прочими княжнами изсѣкоша, и священническій и монашескій чинъ огню предаша, жены-жь и инокиня и дѣвица оскверняху предъ всѣмъ народомъ, и церкви и монастыри поджгоша, и люди вся изсѣкоша, муже и жены и чада, и не бѣ стонющагося, ни плачущагося, ни отцу, ни матери о любимыхъ чадѣхъ, ни брату по братѣ, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаще. Сія вся пандоша грѣхъ ради нашихъ: Епископа-жъ тогда не быть во градѣ; Татарове-якъ все узорочье и богатство рязанское и черниговское взяша и градъ сожгоша, и поидоша къ Коломнѣ.»—Въ томъ же Русскомъ временникѣ находится сказаніе о Евпатіи Коловратѣ: «въ тожъ время нѣкто отъ вельможъ русскихъ, именемъ Евпатіи Коловратъ, былъ въ Черниговѣ съ княземъ Ингоремъ Ингоревичемъ, и услыша приходъ на русскую землю зловѣрнаго царя Батыя, иде изъ Чернигова съ малою дружиною, и гнаша скоро и пріѣхавша въ землю рязанскую, и видѣ ею опустѣвшу, грады разорены, и церкви и домове пожжены, и люди побиты, а иніи пожжены, а иніи въ водѣ истоплены. Евпатіи же виде сія воскрича въ горести души своея, и распалясь сердцемъ: бѣ бо храбръ зѣло. И собра мало дружины, точію 1,700 человѣкъ, которые Богомъ соблюдены быша внѣ града, и погнаша во слѣдъ безбожнаго царя Батыя, хотяще мстити кровь христіанскую и угнаша его въ земли Суждальскія. И внезапу нападоша на станы Батыевы, и начаша сѣщи безъ милости и смятошась полки татарскія, тата-

рове—жъ сташа, яко піяни, или неистови. Евпатіе же тако ихъ біяше нещадно, яко и мечи его притупишась, и емля татарскія мечи, сѣчаше ихъ, татарскія полки проѣзжая: они же мняше яко мертвіи восташа, яко и самому Батыю царю возбоятись. И едва поим ша отъ полку Евпатіева пяти человѣкъ воинскихъ утрудившихся изнемогшихъ отъ воинскихъ ранъ, и изведоша ихъ къ Батыю. вопроси ихъ: коея вѣры есте, и коея земли, что мнѣ зло тв ти? Они же рѣша: вѣры есмя христіанскія, а рабы есмя в. к. Георгія Ингоревича Рязанскаго, а полку Евпатіева Коловратова, послани есмя тебя царя сильнаго почтити и честію проводити. Царь-же удивися отвѣту ихъ и мудрости, и посла на Евпатія шурина своего Хоздоврула, и съ нимъ многія полки татарскія. Хоздоврулъ-же похвались Батыю царю, хотя Евпатія жива яти и къ нему привести. И ступишася полки: Евпатіе же исполинъ сый силою, наѣха на Хоздоврула богатыря, и разсѣче его на полы до сѣдла, и нача сѣщи силу татарскую и многихъ богатырей и татаръ побивъ, овы на полы пресѣкая, а иныя до сѣдла крояше. И возвѣстиша сія Батыю: онъ-же слышавъ сія оскорбися по шуринѣ своемъ, и повелѣ навести на Евпатія множество пороковъ, и начаша бити по немъ, и едва убиша крѣпкорукого и дерзосерднаго и львояростнаго Евпатія, и изнесоща его мертва ко царю Батыю. Онъ-же, видѣвъ его, удивися со князи свои храбрости его и мужеству, и повелѣ тѣло его отдати оставшей дружинѣ его, которые на томъ бою поиманы и повелѣ ихъ отпустити и ничѣмже вредити. Окаянный жъ Батый еще воздвижеся воевати...»

[43] Въ великокняженіе Димитрія Іоанновича Донскаго, на смоленскомъ столѣ сидѣлъ князь Святославъ Ивановичъ, внукъ Александра, правнукъ Глѣба.

Въ 1386 г. 29-го Апрѣля, онъ былъ убитъ въ схваткѣ съ Литвою, на р. Ветхей, подъ г. Мстиславлемъ. Разбивъ княжес-

кую дружину, перетъ бивъ или забравъ въ полонъ бояръ и слугъ, Литовцы погнали къ г. Смоленску, взяли *изъ своихъ рукъ*, посадили сына Святославова *князя Юрія*.

До 1395 г., Юрій княжилъ спокойно; но осенью этого года, именно 28 сентября, во время поѣздки Князя въ Рязань, къ тестю его Олелку Иваповичу Рязанскому, Литовскій Князь Витовтъ обманомъ взялъ Смоленскъ, выжегъ посадъ, полонилъ много народу и, ограбивъ городъ, оставилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ.

Въ Августѣ 1401 г. Князь Юрій Святославичъ съ Олегомъ Рязанскимъ опять пришли подъ Смоленскъ, «а въ городѣ,» говоритъ лѣтопись, » бысь метежь и кромоля, овіи хотяху Витовта, а друзіи отчича; Князь же Юрьй соглася съ граждани, граждане же Смолняне, не могуще терпѣти налога и насильства отъ иновѣрныхъ отъ Ляховъ, и пріяма Князя Юрія, и передашася и градъ ему отвориша.» Намѣстники Витовтовы были убиты и Князь Юрій опять сѣлъ въ своей отчинѣ. Осенью Витовтъ снова приходилъ къ Смоленску, и стоялъ подъ нимъ много дней, но города не взялъ и заключилъ перемиріе.

Въ 1404 году, послѣ Пасхи, Витовтъ еще разъ пришелъ подъ Смоленскъ; осаждалъ его 7 недѣль безуспѣшно, и еще разъ отступилъ. Тогда Князь Юрій, сославшись съ Княземъ Василіемъ Московскимъ, оставилъ свою княгиню и бояръ въ городѣ, а самъ поѣхалъ въ Москву—бить челомъ Великому Князю, чтобы онъ принялъ подъ свою руку и его, и всѣ Смоленское княжество. Не желая измѣнять своему тестю Витовту Литовскому, Великій Князь отказался, а въ это время Витовтъ внезапно появился подъ Смоленскомъ, взялъ его, забралъ въ плѣнъ Княгиню Юрьеву, смоленскихъ князей и бояръ и послалъ ихъ въ Литву, посадивъ въ городѣ своихъ намѣстниковъ. «И Князь Юрій, то слышавъ, съ своимъ сыномъ Оедоромъ, съжалився въ горести душа и побѣжа съ Москвы въ Новгородъ Великій; и тамо Новгородцы пріяша его съ миромъ.»

Дальнѣйшая его судьба тѣсно связана съ горестною участью Князя и Княгини Вяземскихъ.

Вотъ двѣ выписки изъ Новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1406—1407 годами:

I.

«Той-же осени князь юрьи Смоленскій отъѣха изъ Новагорода на Москву, и князь Василей дасть ему намѣстничество въ торжьку, и онъ ту убилъ неповинно служащаго ему Семеона Мстиславича князя Вяземскаго: на его княгиню Ульяну уязвився окаяннымъ своимъ похотѣніемъ, на его подружіе, она же предобрая мужелюбица мужески воспротивися ему, иземши ножъ удари его въ мышцю на ложи его; онъ же взъярився вскорѣ самъ князя ея уби, а самой руки и позѣ повели отсѣщи и вврещи и въ рѣку; и бысть ему въ грѣхъ и въ студъ великъ, и съ того сбѣжа къ ордѣ, не терпя горькаго своего безвремянья и безчестья.»

II.

«Преставися князь юрьй Смоленскій, на Въздвиженіе честнаго креста, не въ своей отчинѣ, но на чюжей странѣ въ изгнаніи, а своего княженія лишенъ и своей княгини и своихъ дѣтей, но въ Рязанской земли въ пустыни въ манастыри у нѣкоего Христолюбца игумена Петра; и ту нѣколику дній поболѣ и скончася, и проводиша его честно.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	Стран
Псаломъ Давида на единоборство съ Голіафомъ.	5.
Моисеевыхъ книгъ Бытія.	6.
Изъ книги Іова.	10.
Самсонъ.	15.
Юдиѳь.	18.
Эндорская прорицательница	26.
Давиду Іереміемъ.	30.
Притча пророка Нафана.	32.
Жиды.	39.
Еврейскія пѣсни.	40.
Подражаніе восточнымъ.	51.
Отойди отъ меня, сатана.	53.
Слѣпорожденный.	60.
Отроковица	68.

ОТДѢЛЪ II.

Алверусъ, моравское преданіе	73.
Сумерки.	81.
Съ картины Ораса Верне.	82.
Деревня.	85.
Милый другъ мой!	89.
Канарейка	90.
Ты печальна.	91.
За чѣмъ?	92.
Скажите, зеленые глазки!	93.
Полежаевской Фараонкѣ.	95.
Дымъ.	96.
Въ Альбомъ (Т. П. Е—вой).	101.
— (Гр. Е. П. Ростопчиной).	102.
— (С. П. М—вой)	103.
Секстина.	104.
Зяблику.	106.
Таинственная книга	108.
Когда ты, склонясь надъ роялью	114.
Не знаю,—отчего такъ грустно мнѣ при ней?	115.
Бѣги ея.	116.
Октавы (С. Г. П—ской).	118.
Канунъ 184.... года.	121.

Стран
Графиня Монтэваль. . . . . 122.
Церера. . . . . 129.
Что такое время? . . . . . 131.
Гдѣ ты?. . . . . 133.
На бѣгу. . . . . 134.
Чуру. . . . . 137.
Малиновкѣ. . . . . 140.
Рынокъ фей. . . . . 142.
Октавы (Е. Г. П—ской). . . . . 150.
Фейерверкъ. . . . . 155.
Огоньки. . . . . 158.
Покойнымъ. . . . . 160.

ОТДѢЛЪ III.

Муза. . . . . 169.
Галатэя . . . . . 170.
Фрина . . . . . 173.
Фрески . . . . . 176.
Плясунья. . . . . 177.
Камеи. . . . . 178.
Обманъ . . . . . 181.
Цвѣты. . . . . 184.
Видѣніе . . . . . 199.

ОТДѢЛЪ IV.

Запѣвка . . . . . 203.
Пѣсня: Охъ вы, годы, мои торопливые. . . . . 206.
— Ты житье-ль мое. . . . . 207.
— Какъ паладили. . . . . 208.
По грибы. . . . . 209.
Пѣсня: Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ. . 211.
Вихорь. . . . . 212.
Оборотень . . . . . 218.
Русалка. . . . . 227.
Лѣшій. . . . . 231.
Хозяинъ. . . . . 239.
Преданіе—отчего перевелись витязи на Святой Руси . . 242.
Слово о полку Игоря. . . . . 249.
Пѣсня про боярина Евпатія Коловрата. . . . . 271.
Волхвъ. . . . . 293.
Пѣсня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую . . . 299.
Спаситель. . . . . 318.
Александръ Невскій. . . . . 323.
Примѣчанія. . . . . 333.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3337
.M4
1862
t.2